

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Новосибирск, 2013 г.

УДК 3
ББК 6/8
О28

О28 «Вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (22 апреля 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 128 с.

ISBN 978-5-4379-0271-4

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

Рецензенты:

- канд. филос. наук Гужавина Татьяна Анатольевна;
- канд. ист. наук Купченко Константин Владимирович;
- канд. ист. наук, доцент Прошин Денис Владимирович;
- канд. ист. наук Соловенко Игорь Сергеевич
- канд. ист. наук Сорокин Александр Николаевич

ISBN 978-5-4379-0271-4

ББК 6/8

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История и теория политики	6
ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ Соловьев Роман Павлович	6
ЛОББИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Хадимуллина Валерия Игоревна Валиева Альбина Рифовна	10
1.2. Мировая политика	15
ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА (НА ПРИМЕРАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ) Крутько Андрей Андреевич	15
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ) Кутенев Владимир Владимирович	26
Секция 2. Социология	36
2.1. Социология управления	36
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПРИНЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ Рыцев Александр Иванович	36
Секция 3. Философия	44
3.1. Социальная философия	44
ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ПРЕВРАЩЕНИЯ Каменева Ксения Владимировна Демина Нина Александровна	44

«КРИВИЗНА» КОММУНИКАТИВНОГО ОНТОСА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГРАВИТАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ НА СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ Харченко Юлия Владимировна	48
3.2. История философии	58
«ПОЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»: РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА Петрык Янина Юрьевна	58
ФИЛОСОФИЯ ФЕНОМЕНАЛЬНОГО ФОРМАЛИЗМА Н.Г. ДЕБОЛЬСКОГО Ребещенкова Ирина Григорьевна	63
3.3. Онтология и теория познания	75
О БОГОСЛОВСКИХ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИМЕНИ (СЛОВА) Полетаева Татьяна Александровна	75
3.4. Философские проблемы образования	82
РОЛЬ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА Емельяненко Владимир Дмитриевич	82
ЭФФЕКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ: РЕНЕССАНСНАЯ «STUDIA HUMANITATIS» И СОВРЕМЕННОСТЬ» Петрык Янина Юрьевна	90
Секция 4. История	95
4.1. История России	95
СКУПКА СЕРЕБРА ТОРГСИНОМ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ ОБЛКОНТОРЫ) Горох Николай Владимирович	95
АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ 1921—1939 ГГ. В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ Крюков Андрей Владимирович	100
РОССИЙСКАЯ ЦЕНзуРА I ЧЕТВ. XVIII ВЕКА VS УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА? Лукашевич Александр Анатольевич	105

ДЕПОРТАЦИЯ ПОДДАННЫХ ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ ИЗ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Рындин Сергей Николаевич	118
4.2. Книговедение и библиотековедение	122
ВИРТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ КЛУБ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ Соколова Ирина Сергеевна	122

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ

Соловьев Роман Павлович

аспирант 1 г. о. философского факультета МГУ

E-mail: r.p.solovyev@gmail.com

Институты с позиций неинституциональной теории можно определить как совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих жизнедеятельность общества и создающих институциональную среду, а также предполагающих наказания (санкции) за неисполнение этих норм и преференции за следование им. Необходимо разграничивать формальные и неформальные институты. В первом случае механизмом принуждения к исполнению правила выступает государственный орган, во втором — все члены группы, для которой установлено данное правило. Общественная стабильность (для целей данной работы) определяет процессы с точки зрения их способности удерживать изменения (колебания) в заданных (заранее известных) границах, в определенных параметрах, а также свидетельствует о способности системы восстанавливать нарушенное равновесие [1].

Очевидно, что институты подвержены изменениям, но характер этих изменений различается. Во-первых, формальные институты изменяются строго дискретно, неформальные — инкрементно. Интересным представляется взаимодействие этих двух видов институтов. Здесь существует несколько вариантов развития событий. 1) Первоначально появляются неформальные правила, а потом на их основе возникают формальные. Фактически это означает, что неформальные правила

были легализованы и превратились в формальные (формализация). Т. е. в данном случае формальные и неформальные правила не находятся в противоречии, а более того они друг друга дополняют.

2) Создание или изменение в сторону таких формальных институтов, которые находятся в незначительном противоречии с неформальными, при этом будет происходить постепенное изменение последних до тех пор пока напряжение между ними не сократится до приемлемого уровня (т. е. происходит деформализация). Таким образом, в данном случае через изменение формальных институтов можно управлять или даже, вернее сказать, направлять изменения неформальных.

3) При резком изменении (например, революции) или создании таких формальных институтов, которые находятся в крайнем напряжении с неформальными, в зависимости от устойчивости первых возможны два варианта: а) формальные институты и их гаранты обладают достаточной силой и устойчивостью, чтобы поддерживать существование, а неформальные начинают медленно, но верно под них подстраиваться; б) формальные институты слабы (например, в силу высоких транзакционных издержек), поэтому «игроки» игнорируют их и руководствуются неформальными, вскоре происходит коррекция формальных институтов, легализующая неформальные практики. Последний сценарий был характерен для посткоммунистических стран, где произошли резкие изменения формальных правил, в то время как неформальные институты не были готовы к такому резкому демократическому скачку [2, с. 26—28]. В частности демократический транзит в коммунистически странах имел различные исходы: в одних случаях новые формальные институты укоренились, в других в реальности действовали неформальные институты контроля за электоральными процессами в то время, как формальные демократические институты создавали внешнюю видимость произошедшего транзита. В конечном итоге напряжение между формальными институтами и неформальными правилами может достичь такого уровня, что возникнут иные формальные институты, более соответствующие уже существующим неформальным практикам и отвечающие потребностям и интересам значимых акторов. *«В этом случае нелиберальные черты молодой демократии обретают (конституционно-) правовые формы: антиконституционализм становится пусть не легитимным, но легально санкционированным устройством. Дефектные демократии все более движутся в направлении открытой автократии»* [4].

Рассмотрев взаимодействие институтов, теперь необходимо перейти к пониманию институциональной среды и ее характеристик.

«Институциональная среда — совокупность основополагающих социальных, политических и юридических правил, определяющих рамки для установления институциональных соглашений» [2]. Иными словами институциональная среда — это совокупность всех ограничений, в которых находятся «игроки» или совокупность институтов. Институциональная среда имеет две важные характеристики: 1) иерархичность и 2) плотность. Иерархичность предполагает, что институты и правила (чаще всего данная характеристика относится к формальным ограничениям) неравнозначны и между ними существует определенная иерархия [5]. Даглас Норт выделяет три уровня в этой иерархии. Высшее место занимают конституции, промежуточное — законодательные акты, и внизу этой пирамиды — индивидуальные контракты. Конечно, это разделение достаточно условно и общо, и каждое конкретное общество будет отличаться от этой схемы. Но главный смысл иерархии заключается в том, что «изменение каждого уровня иерархии требует больших затрат, чем изменение предыдущего уровня» [5, с. 108]. Помимо этого правила более низкого порядка уточняют нормы правил более высокого порядка [2, с. 31]. В подтверждение вышеописанному можно рассмотреть российское законодательство и его иерархию.

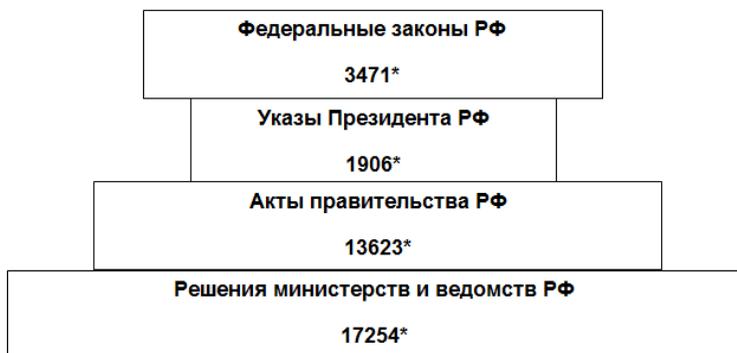

Рисунок 1. Иерархия формальных правил (правовых документов) в современной России * указано количество документов за период 1994—2008 гг. [3]

Вторая характеристика — плотность институциональной среды. Она показывает, насколько активно регулируется та сфера, в которой индивид осуществляет свою деятельность (эта характеристика опять же в большей степени относится к формальным правилам). Если

плотность низкая, то можно говорить об «*институциональной недостаточности*», выражающейся в нехватке формальных правил и распространении правил неформальных. Такая ситуация имела место быть в 1990-х в России, где государство в это время было «*институционально слабым*», т. е. присутствовала недостаточность его регулирующей роли. В частности в это время действовало т. н. «указное право», когда с помощью президентских указов предпринимались попытки восполнить пробелы в законодательной базе. Если рассмотрим гражданское законодательство, то увидим, что первая часть гражданского кодекса вступила в действие в 1995 году, вторая — в 1996 г., третья — в 2002 г. Безусловно, плотность институциональной среды положительно коррелирует с количеством формальных правил, действующих на «игроков». Также от плотности зависит уровень развития общества и его состояние. Общества с высокой плотностью институциональной среды являются более стабильными, их развитие (в т. ч. и институтов этого общества) являются более предсказуемыми. «*Таким образом, плотность и стабильность институциональной среды являются ее взаимосвязанными характеристиками — более плотная среда является более стабильной, и наоборот*» [3].

Выше мы рассмотрели институциональные факторы, влияющие на общественную стабильность. Таким образом, следует считать стабильным такое общество, в котором формальные и неформальные правила дополняют друг друга, либо существует незначительное напряжение. Другим признаком стабильности в обществе можно назвать изменения в соответствии с иерархией правил. Иными словами, в стабильном обществе изменения происходят сначала в нижней части иерархии, и лишь затем постепенные изменения на более высоком уровне. В то время как революции и другие социальные катаклизмы характеризуются тем, что в них происходит резкая смена правил конституционного порядка.

Список литературы:

1. Алисова Л.Н., Голенкова З.Т. Политическая социология. Политическая стабильность. Сущность и показатели политической стабильности. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://book.net/index.php?p=chapter&bid=1069&chapter=46> (дата обращения 29.03.2013).
2. Аузан А.А. Институциональная экономика. М., 2005. — 415 с.

3. Кирдина С.Г., Рубинштейн А.А., Толмачева И.В. (Институт экономики РАН, г. Москва) База данных LAWSTREAM.RU: количественные оценки институциональных изменений [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kirdina.ru/doc/news/25sep11/TERRA-ECONOMIKUS.pdf> (дата обращения 29.03.2013).
4. Меркель В., Круассан А., Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II), © Некоммерческое Партнёрство «Редакция журнала ПОЛИС (Политические Исследования)», 2002. — № 2. — с. 20—31.
5. Норт Д., Институты, институциональные изменения и функционирование экономики, М., 1997. — 180 с.

ЛОББИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Хадимуллина Валерия Игоревна

студент БГАУ,

г. Уфа

E-mail: morningpanic@mail.ru

Валиева Альбина Рифовна

канд. полит. наук, доцент БГАУ,

г. Уфа

В современных правовых системах не существует единого подхода к регулированию лоббистской деятельности. Для выявления наиболее эффективных норм права, считаем необходимым проведение сравнительного (пространственного) анализа опыта некоторых зарубежных стран.

США. Американское лоббирование не только самое старое в мире, но и самое передовое. Согласно официальным данным, за период с 1998 по 2006 г. расходы только ведущих отраслей производства на лоббирование составили около 20 млрд. долл. [2, с. 47]. В настоящее время в США существует система законов, которая прямо или косвенно регулирует лоббистскую деятельность, а именно: Закон о регистрации лоббистов (1946 г.), об иностранном лоббизме (1938), о федеральных избирательных кампаниях (1972), законы, регулирующие правила поведения членов обеих палат Конгресса

и представителей исполнительной власти, включая президента [1], кроме того, существует национальный лоббизм (этнических групп, проживающих на территории США).

К мнению лоббистов в Соединенных Штатах прислушиваются все больше и больше. Доказательством интеграции этой профессии в американскую систему является то, что суды — и особенно суды низшей инстанции — пытаются использовать для интерпретации закона мнение групп или лиц, которые участвовали в его создании. Сегодня в Вашингтоне существует более 13000 интегрированных лоббистов и сотни бюро, специализирующихся на этой деятельности. Этот сектор продолжает увеличиваться [10, с. 51]. Профессия требует официальной регистрации во властных структурах и настолько признана обществом, что существует телефонные справочники, в которых представлено только данные о лоббистах и их специализации.

Канада. Канадское регулирование лоббистской деятельности близко к американскому законодательству, но имеет ряд отличий. Основным документом, регулирующим лоббистскую деятельность в Канаде, является Закон о регистрации лоббистов 1988 г. [4, с. 147]. Предметом критики канадской системы регулирования лоббистской деятельности становится то, что в Канаде лоббисты не обязаны раскрывать объем финансовых средств, потраченных на лоббистскую деятельность: отсутствуют ограничения на занятия бизнесом уволившихся министров или иных госслужащих, занимающих высокие должности; непрозрачна система распределения государственных заказов; отсутствует кодекс поведения для членов парламента, обязывающий их раскрывать свои интересы, устанавливающий ограничения для них на получение подарков и т. п. [9, с. 81].

Особенность канадского закона о регистрации лоббистов — детальная регламентация санкций за нарушение закона. К примеру, предусматривается, что каждое физическое лицо, которое нарушает закон, считается виновным и подвергается наказанию в виде штрафа от 25 до 100 тысяч долларов, тюремному заключению на срок от 6 месяцев до 2-х лет, либо штрафу и тюремному наказанию одновременно [6].

Великобритания. Законодательное регулирование лоббизма размыто. Характерная особенность этого регулирования — акцентирование внимания законодателей не на деятельности непосредственно лоббистов или групп интересов, а на финансовых интересах самих членов парламента. Основным документом, оказывающим влияние на регулирование лоббистской деятельности, можно назвать Свод Законов о государственной гражданской службе (Civil Service Code),

основываясь на котором каждый департамент принимает свой Кодекс управления (Management Code) [4, с. 148].

В Великобритании члены парламента сами часто выступают в роли лоббистов: им не возбраняется быть официальными представителями коммерческих интересов одной из сторон при заключении договора, в том числе, если одна из сторон по договору — государство. Представители законодательной ветви власти могут давать платные консультации. В то же время члены обеих палат парламента, имеющие финансовую заинтересованность в принятии какого-либо решения по вопросу на повестке дня, должны заявлять об этом в своем выступлении [4, с. 149].

Германия. Как и в странах, рассмотренных выше, в Германии лоббизм считается нормой. Лоббисты выступают как профессиональные посредники между социальными группами, группами интересов и органами принятия решений [5, с. 16].

Как и в США, в ФРГ институт лоббизма признан в Основном Законе. Статья 17 Основного закона Федеративной Республики Германия гласит: «Каждый имеет право самостоятельно или в сообществе с другими письменно обращаться с просьбами или жалобами в соответствующие органы и в парламента». Единого закона, регулирующего лоббистскую деятельность в Германии нет, но в качестве доминирующего закона, регулирующего данный институт, можно выделить Положение о регистрации союзов и их представительств в бундестаге 1972 г. При переводе с немецкого языка слово «союз» в данном случае синонимично «группе интересов». Классическими лоббистами в Германии считаются союзы и объединения (Verbande und Vereine) [4, с. 150].

Франция. Во Франции лоббистская деятельность долгое время была вне закона, поскольку считалось, что правительству должно отстаивать только общенациональные цели. Лишь с начала 1980-х годов к легитимному лоббированию интересов среди законодателей появился интерес [7, с. 69]. Однако законодательное регулирование института лоббизма отсутствует до сих пор [4, с. 151]. Во Франции велика роль государства в регулировании экономических отношений, степень централизации принятия решений весьма высока.

В 1991 г. во Франции создается Ассоциация советов по лоббингу, цель которой — продвижение идей легального лоббирования, открытости лоббистской деятельности, ее законодательного регулирования. На основании Конституции 1958 г. во Франции также действует Социально-экономический совет, состоящий из представителей профессиональных групп страны и призван давать правительству

заклучения по всем законопроектам экономического и социального характера. Взаимодействие членов этого органа с группами интересов подлежит наименьшему контролю, что ведет к активной лоббистской деятельности в рамках этого органа и со стороны его представителей законодательной ветви власти [4, с. 151].

Япония. Основные субъекты лоббистской деятельности в парламенте Японии — депутатские кланы. Название «дзоку» — кланы — имеют неформальные организации влиятельных депутатов японского парламента [8, с. 130]. Членами кланов становятся, как правило, депутаты из числа бывших высокопоставленных чиновников соответствующих министерств и ведомств.

С идеологической точки зрения принадлежность депутата к влиятельному клану — свидетельство авторитетности и важности его деятельности, что имеет большое значение во взаимоотношениях с оппозиционными партиями и СМИ [3, с. 121]. Во многих случаях от тактико-технических вопросов (время выдвижения, расстановка сил в парламенте, политический момент и т. д.) зависит судьба законопроекта, поэтому клан процедурной комиссии, стоящий особняком относительно прочих кланов, считается особо элитарным и престижным.

По мнению японских политологов, деятельность кланов оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на японскую политику. Положительное заключается в том, что при взаимодействии бюрократии с политиками для принятия решений очень важно мнение высококвалифицированных специалистов, которые составляют костяк депутатских кланов. Важно и то, что кланы обеспечивают «стыковку» парламентской активности отдельных депутатов и многогранных, противоречащих интересов деловых кругов. Негативный момент существования в японском парламенте клановых организаций состоит в том, что их деятельность подрывает базовый демократический принцип разделения властей (исполнительной и законодательной), снижает роль премьер-министра, партий и парламента [8, с. 137].

В настоящее время в Российской Федерации не сформировано законодательное регулирование лоббистской деятельности, хотя для его создания есть все предпосылки. Так, Национальным планом противодействия коррупции (п. 5 разд. II) предусмотрено рассмотрение вопроса о подготовке нормативно правового акта, регулирующего лоббистскую деятельность в Российской Федерации.

Проведенный сравнительный анализ законодательного регулирования лоббистской деятельности позволяет сделать ряд выводов:

1. Необходимость признания и законодательного урегулирования института лоббизма в российском законодательстве;

2. За основу принятия российского законодательства о лоббировании следует брать комплекс нормативных актов США, с учетом опыта Германии;

3. Для построения цивилизованного политического лоббирования в Российской Федерации необходимо усилить экспертное влияние в разработке законопроектов.

Список литературы:

1. Вавочкина И.Д. К истории регулирования лоббизма в США / И.Д. Вавочкина / Российский профессиональный портал о лоббизме и GR. — 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://lobbying.ru/index.php?article_id=1805 (дата обращения 20.02.2013).
2. Головина А. Международное лоббирование как инструмент поддержки российского бизнеса за рубежом [Текст] / А. Головина // *Общественные науки и современность*. — 2009. — № 7. — С. 47—49.
3. Иногути Т. Исследование депутатских кланов [Текст] / Т. Иногути. — Токио, 1987. — 178 с.
4. Коцан И.М. Политико-правовой анализ регулирования лоббистской деятельности в зарубежных странах [Текст] / И.М. Коцан // *Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки»*. — 2011. — № 4. — С. 146—156.
5. Кузнецов Г.С. Политический лоббизм: мировой опыт и возможности регулирования / Г.С. Кузнецов // *Национальный институт развития современной идеологии*. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.nirsi.ru/PublicPolicy/n69/polit_lob.pdf/ (дата обращения 18.02.2013).
6. Любимов А.П. Правовое регулирование лоббистской деятельности за рубежом / А.П. Любимов, С.П. Сиротенко / *Электронный научный журнал «Представительная власть»*. — 2008. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://pvlast.ru/archive/index.472.php> (дата обращения 14.02.2013)
7. Любимов А.П. История лоббизма в России [Текст] / А.П. Любимов. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. — 208 с.
8. Пантелеева М.В. Депутатские кланы как инструмент лоббистской деятельности в Японии [Текст] / М.В. Пантелеева // *Россия и АТР*, 2007. — № 4. — С. 130—137.
9. Пчелинцев С.В. Правовое регулирование лоббистской деятельности: канадские подходы [Текст] / С.В. Пчелинцев // *Вопросы государственного и муниципального управления*. — 2008. — № 3. — С. 74—81.
10. Фарнель Ф.Ж. Лоббирование. Стратегии и техники вмешательства / Ф.Ж. Фарнель / учеб. пособие. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.frankfarnel.com/wp-content/uploads/2011/08/lobbying_russian-v.pdf (дата обращения 12.02.2013).

1.2. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА (НА ПРИМЕРАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Крутько Андрей Андреевич

соискатель КРСУ,

г. Бишкек

E-mail: AAKrut57@gmail.com

Международные отношения конца XX века характеризуются существенным расширением состава их участников за счет негосударственных акторов, что нашло отражение в концепции комплексной взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Ная мл. [19]. В результате в поле анализа попадают различные негосударственные акторы международных отношений — от разнообразных по тематике НКО и фондов до СМИ, культурных институтов и профессиональных корпораций. Весьма заметным классом негосударственных акторов начала XXI века становятся институты гражданского общества.

В современной науке гражданское общество определяется как «взаимосвязанная система независимых от государственной власти общественно-политических институтов, участвующих в общественных отношениях (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, корпоративных, религиозных и др.), возникающих по поводу реализации гражданами своих прав и свобод и находящихся вне политических (государственных) и частных (личных) отношений, но в рамках национального законодательства» [5]. Таким образом, они представляют собой совокупность неправительственных/некоммерческих организаций самого различного характера — правозащитного, культурно-просветительного, религиозного, этнокультурного, экологического, независимых средств массовой информации, структур, представляющих академическое и экспертное сообщества. Что касается возможности включения в состав гражданского общества политических партий, то стоит, видимо, учитывать позицию тех авторов, которые указывают на их «двойственную публично-правовую

природу» [5], позволяющую рассматривать их деятельность вне рамок электоральных процессов как деятельность институтов гражданского общества.

Задача предлагаемой статьи — ответить на вопрос, способны ли институты гражданского общества выполнять внешнеполитические функции, и в частности, оказывать определенное влияние на реализацию евразийского интеграционного проекта, основные параметры которого изложены в программной статье В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» [12].

Для ответа на этот вопрос целесообразно выделить два аспекта: научно-теоретический, отражающий уровень разработанности проблематики вовлечения институтов гражданского общества в систему международных отношений, и практически-политический, предполагающий анализ нормативно-правовых и политических документов, регламентирующих внешнеполитические задачи и функции институтов гражданского общества в данном случае на примерах России и Киргизстана.

Остановимся на первом. Прежде всего, следует заметить, что заявленная проблематика в теоретическом плане в настоящее время является малоизученной, причину этого, с нашей точки зрения, указал пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков: «В России пока что не так много НПО, активно действующих на дипломатическом поле. Да и похвастаться значительными ресурсами, в отличие от западных коллег, они, как правило, тоже не могут» [18]. И хотя далее он отметил, что «в России НПО постепенно становятся эффективным инструментом решения внешнеполитических задач», серьезных теоретических обобщений их опыта еще не опубликовано, а потому автор вынужден ограничиться общими методологическими подходами и собственными гипотезами.

Автор считает, что роль институтов гражданского общества можно рассматривать в контексте различных теоретических парадигм [1]. Парадигма реализма/неореализма (Г. Моргентау, К. Уолтс, Р. Арон), основной категорией которой выступает сила, позволяет акцентировать возможности институтов гражданского общества по защите и продвижению национальных интересов государства, изменению соотношения сил государств в пользу одного из них. В рамках концепции либерализма (Дж. Розенау, Р. Кеохейн, Дж. Най) институты гражданского общества, ориентированные на гуманитарные и правозащитные сферы, могут интерпретироваться как формы использования «мягкой силы» и инструменты влияния

на национальные элиты и различные слои населения. Постмодернистский подход (Э. Гидденс, Ф. Джемсон, Ю. Хабермас), в основе которого лежит неверие в возможность дать один внеисторический рациональный ответ на самые разные проблемы и стремление привлечь внимание к различиям, к необходимости терпеть несовместимое, способствует осознанию различных смыслов существования институтов гражданского общества и признанию наличия различных способов конструирования ими желательного образа государства.

Все три подхода объединяет согласие с выводом о том, что в современном мире международный авторитет страны определяется не только результатами деятельности ее политических лидеров и государственных структур, но и действиями институтов гражданского общества, направленными на формирование положительного (или отрицательного) восприятия проводимой государством внешней политики.

В целом системный анализ внешнеполитической роли институтов гражданского общества предполагает целостное изучение их уровней (глобальный, региональный, национальный, местный), функций (информационная, экспертная, мобилизационная, координационная, функции общественного контроля, критики, PR-функция и т. п.) и сфер (правовая, экономическая, гуманитарная, экологическая и т. д.).

При исследовании влияния институтов гражданского общества на международные отношения необходимо учитывать, что оно проявляется в их способности усилить или ослабить имеющиеся интеграционные тенденции; снизить или повысить уровень конфронтации; помочь выйти из международной изоляции или закрепить ее; улучшить или ухудшить исход ведущихся переговоров; смягчить или усугубить издержки финансовой и экономической зависимости. Это теоретическое утверждение еще предстоит доказать с помощью конкретных примеров, но в качестве гипотезы оно, по мнению автора, является вполне корректным.

Еще одной гипотезой автора выступает утверждение о том, что значимым преимуществом гражданского общества является гораздо большая свобода маневра в сравнении с инструментами официальной дипломатии. В рамках институтов гражданского общества можно продолжать обмен мнениями по тем или иным актуальным и острым вопросам, начатый в формате классической дипломатии, в качественно ином формате и на принципиально новом аргументационном уровне, инициировать дискуссии, развертывание которых по тем или иным причинам в классическом формате представляется непродуктивным. Это возможность институтов

гражданского общества позволяет последним осуществлять функции превентивной дипломатии.

Таковы основные теоретические основания, используемые автором для исследования роли гражданского общества в международных отношениях.

Практически-политический аспект заявленной проблематики значительно шире. Обратимся к его анализу. В Концепции внешней политики России, утвержденной Указом Президента РФ 12 февраля 2013 г., отмечается, что Российская Федерация «способствует диалогу и партнерству между культурами, религиями и цивилизациями..., поддерживает соответствующие инициативы гражданского общества»; будет привлекать к решению задач внешнеполитического характера «*российские институты гражданского общества, такие как Общественная палата Российской Федерации, неправительственные организации внешнеполитической направленности, содействуя их широкому участию в деятельности мировых экспертно-политологических форумов, в международном гуманитарном сотрудничестве*»; «работать над созданием положительного образа России, соответствующего авторитету ее культуры, образования, науки, спорта, *уровню развития гражданского общества*, а также участия в программах помощи развивающимся странам, формировать инструменты воздействия на ее восприятие в мире, совершенствовать систему применения «мягкой силы», искать оптимальные формы деятельности на этом направлении, учитывающие как международный опыт, так и национальную специфику и *опирающиеся на механизмы взаимодействия с гражданским обществом и экспертами...*» (курсив мой — А.К.) [8].

Появление таких формулировок в концептуальном политическом документе стало результатом обобщения опыта построения международных отношений, накопленного в последние годы как властными структурами, так и институтами гражданского общества России. Определенными вехами признания внешнеполитических функций гражданских объединений можно считать:

- создание в 2010 г. Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова (далее — Фонд Горчакова), учредителем которого от имени Российской Федерации определен МИД России. В соответствии с распоряжением Президента России, «целями создания фонда являются поддержка публичной дипломатии, содействие участию российских неправительственных организаций в международном сотрудничестве и активное вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс» [13];

- введение в российский внешнеполитический лексикон понятия «народная дипломатия», акторами которой в основном являются институты гражданского общества; проведение в декабре 2010 г. по инициативе бывшего в этот период Президентом Д.А. Медведева Международного общественного форума «Роль народной дипломатии в развитии международного гуманитарного сотрудничества». Примечательно, что в оргкомитет форума вошли председатель Межгосударственной телерадиокомпания «Мир» Р.И. Батыршин, секретарь Общественной палаты РФ Е.П. Велихов, исполнительный директор Фонда Горчакова Л.В. Драчевский, исполнительный директор правления фонда «Русский мир» В.А. Никонов, председатель правления фонда «Институт современного развития» И.Ю. Юргенс и ряд других руководителей российских институтов гражданского общества [15];

- включение в 2011 г. в российский политический дискурс понятия «общественная дипломатия», которое конституируется в распоряжении Президента РФ В.В. Путина «Об обеспечении в 2012 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества». Этим распоряжением предусмотрено выделение бюджетных средств на реализацию проектов «в области образования, искусства, культуры и общественной дипломатии» [14];

- проведение в декабре 2011 г. форума «Общественная дипломатия как инструмент внешней политики и развития гражданского общества», совместно организованном МИД РФ и Общественной палатой России. С.В. Лавров, выступая на форуме, подчеркнул: «НПО, гражданские общества разных стран могут внести существенный вклад в обеспечение межцивилизационного, межкультурного и межрелигиозного согласия, продвижение проектов, призванных объединять страны и народы, а не привносить искусственные и конфронтационные моменты в международное общение» [16];

- смысловое соединение понятий гражданское общество и мягкая сила. В интервью газете «Коммерсантъ» в октябре 2012 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил: «В современном мире имидж любой страны складывается из целого набора компонентов, все вместе которые принято определять как мягкая сила. Это понятие включает в себя культурное и научное присутствие государства в мире, участие в программах помощи, успехи в спорте, развитие гражданского общества, уровень присутствия национальных СМИ в международном информационном пространстве, распространенность национального языка, достижения в сферах образования

и здравоохранения и многое-многое другое. По целому ряду составляющих мягкой силы Россия выглядит весьма неплохо. Тем не менее МИД придает большое значение работе по их укреплению...» [6]. Эта трактовка получила дальнейшее развитие в нынешней редакции Концепции внешней политики России, где отмечается, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [8];

- создание при содействии государства структур, активно вовлекающих гражданское общество в орбиту внешнеполитической деятельности. Помимо уже упомянутого Фонда Горчакова, это также созданный по Указу Президента России Фонд поддержки и защиты прав соотечественников за рубежом [17]. Последний уже начал практическую деятельность и на киргизском направлении: при его финансовом содействии и организационном участии Посольства России в Киргизии и Генконсульства России в г. Ош 20 ноября 2012 года в Бишкеке и Оше были открыты Центры правовой поддержки и защиты прав и свобод российских соотечественников [10];

- функционирование при Министре иностранных дел России Научного и Делового советов, ежегодные встречи главы российского внешнеполитического ведомства с представителями ведущих российских неправительственных организаций.

Перечисленные шаги свидетельствуют о проведении стратегической линии, направленной на «укрепление институтов гражданского общества, государственную поддержку неправительственных организаций, заинтересованных в обеспечении российских внешнеполитических интересов» [6].

При этом особое внимание уделяется внешнеполитическим возможностям российских институтов гражданского общества на постсоветском пространстве. В программной статье В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» [12] четко обозначена сфера приложения усилий не только органов государственной власти, но и институтов гражданского общества — это сохранение «мираид цивилизационных, духовных нитей», которые «объединяют наши народы» и в конечном счете позволяют создать более прочный фундамент для многосторонней интеграции и двустороннего сотрудничества в политической, военной, торгово-экономической, социально-гуманитарной и иных

областях. При этом трудно не согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что «успешность реализации Евразийского проекта будет зависеть... от реального участия в нем представителей бизнес-среды и гражданского общества» [4, с. 136].

С.В. Лавров в своем выступлении на форуме «Общественная дипломатия как инструмент внешней политики и развития гражданского общества» также отметил, что евразийский вектор «становится актуальным и в связи с теми интеграционными процессами, которые происходят с участием России, Белоруссии и Казахстана. В перспективе — это и углубление взаимодействия с Украиной, странами Центральной Азии, Южного Кавказа, включая Абхазию и Южную Осетию» [16].

Знакомство с другими политическими документами по данной тематике позволяет сделать вывод о том, что целью институтов гражданского общества государств, участвующих в евразийских интеграционных процессах должно стать формирование у других внешнеполитических акторов и населения постсоветских государств представлений о региональном политическом пространстве и роли региональных интеграционных объединений в обеспечении международного мира. При этом важнейшей особенностью институтов гражданского общества является способность оказывать воздействие на принятие политических решений о включении в той или иной форме в евразийские процессы новых государств.

Наше исследование позволяет прийти к выводу, что несомненной значимостью обладает изучение конкретных примеров участия институтов гражданского общества в евразийском интеграционном проекте. Прежде всего заметим, что говорить о роли гражданского общества в интеграционных процессах правомерно только по отношению к открытым политическим системам, которые характеризуются «множественностью политических акторов и динамизмом их структурирования» [11, с. 10] и к которым в центральноазиатском регионе относятся политические системы Казахстана и Киргизстана [11, с. 10]. Но если Казахстан уже является участником Таможенного союза и Единого экономического пространства, то Киргизская Республика находится на стадии подготовки вступления в эти интеграционные объединения, что в значительной мере актуализирует исследование специфики влияния институтов гражданского общества на принятие этого важнейшего внешнеполитического решения.

Сразу следует сказать, что Киргизская Республика рассматривает институты гражданского общества как один из инструментов реализации своей внешней политики, что нашло отражение в Концепции

внешней политики Кыргызской Республики, утвержденной Указом Президента КР № 2 от 10 января 2007 г., где, в частности заявлено: «Стремясь полноценно участвовать в приоритетных международных организациях, Кыргызская Республика проводит многовекторную, сбалансированную и прагматичную внешнюю политику, исходит из реальных внутренних ресурсов и возможностей, используя потенциал внешних ресурсов (*гражданское общество, возможности других стран, транснациональных корпораций, неправительственных организаций, средств массовой информации* и т. д.)» (курсив мой — А.К.) [7].

Этот подход правомерно распространяется и на интеграционные процессы, предусматривая участие в них институтов гражданского общества. Подтверждением этого вывода может служить межправительственное Соглашение о сотрудничестве в гуманитарной сфере, подписанное в ходе рабочего визита в Бишкек 5 апреля 2012 г. Министром иностранных дел Российской Федерации С.В.Лавровым и его тогдашним киргизским коллегой Р.А. Казакбаевым, в котором зафиксированы взаимные обязательства сторон «способствовать развитию сотрудничества в области культуры, науки, образования, *в том числе между российскими и киргизскими общественными организациями, творческими союзами, ассоциациями и фондами*» (курсив мой — А.К.) [10].

Именно сотрудничество институтов гражданского общества двух стран при обсуждении проблем евразийской интеграции и содействии реализации интеграционного проекта, результатами которых является влияние на политические элиты, экспертное сообщество и общественное мнение республики, с нашей точки зрения, выступает специфической чертой Кыргызстана. В отличие от России, Белоруссии и Казахстана, институты гражданского общества которых включились в реализацию евразийского интеграционного проекта после подписания соглашений на высшем уровне, гражданское общество Кыргызстана интегрируется с гражданскими институтами государственных участников ТС и ЕЭП до официального вступления своего государства в эти международные объединения, тем самым осуществляя функцию превентивной дипломатии.

К настоящему моменту можно привести множество примеров контактов общественных объединений двух стран. Например, в декабре 2011 г. по инициативе культурно-исторического Фонда «Евразийцы — новая волна», который был учрежден в мае 2010 г. (г. Москва), в Бишкеке состоялся круглый стол на тему: «Евразийский интеграционный проект: экономика, безопасность, гуманитарная

сфера» [2]. На нем эксперты двух стран обсудили перспективы присоединения Киргизской Республики к Евразийскому союзу и предложили конкретные рекомендации, призванные ускорить интеграционные процессы в рамках Таможенного союза и Евразийского экономического пространства. В мае 2012 г. активисты Молодежного экономического клуба приняли участие в Евразийском экономическом форуме молодежи (г. Екатеринбург), который проходил в рамках работы четырех конгрессов: молодых экономистов, молодых инноваторов, социально-культурного конгресса и конгресса Expo-2020.

В июле 2012 г. прошел круглый стол на тему «Интеграционные процессы в рамках Таможенного и Евразийского союзов. Вопросы интеграции в СМИ», в работе которого приняли участие ведущие эксперты основных экспортообразующих отраслей Киргизстана, представители российской таможенной службы, медиа эксперты и политологи, а также представители киргизских («Ата-Мекен», СДПК, «Мекен Ынтымагы») и российской («Единая Россия») политических партий [3]. Все эксперты высказались за евразийскую интеграцию, отметив в то же время необходимость более активного и детального информирования населения о преимуществах и перспективах присоединения Киргизстана к Таможенному и Евразийскому союзам.

23 октября 2012 г. состоялся круглый стол «Вопросы интеграции Киргизстана в Таможенный союз. Проблемы и пути решений», **который Фонд «Евразийцы — новая волна» провел на базе Киргизско-Российского Славянского университета.** Основной упор в обсуждении вопросов интеграции Киргизии в Таможенный союз был сделан на грамотное информационное обеспечение происходящих процессов, а также на привлечение к ним молодежи и гражданского сектора населения республики [9].

Особо следует отметить, что диалог политических сил по широкому кругу международной повестки дня, включая динамику развития интеграционных процессов, не является и не воспринимается в республике как деятельность иностранных политических партий, запрет на которую содержится в национальном законодательстве.

В результате рассмотрения проблемы участия институтов гражданского общества в интеграционных процессах на примере Российской Федерации и Киргизской Республики можно сделать следующие выводы:

1. Одной из заметных тенденций в развитии международных отношений, которую смело можно назвать общемировым трендом, становится усиление влияния гражданского сектора на принятие внешнеполитических решений, что нашло свое подтверждение

в концептуальных внешнеполитических документах как Российской Федерации, так и Киргизской Республики.

2. Политико-правовой анализ конституционных и иных норм в российском и киргизском законодательствах свидетельствует о совпадении или близости положений, регулирующих практическую деятельность НПО/НКО и других институтов гражданского общества. Это, несомненно, относится к числу важнейших факторов, облегчающих внешнеполитическую деятельность неправительственного сектора и создающих хорошие предпосылки для углубления их практического взаимодействия.

3. Систематическое, а не ситуативное использование ресурсов гражданского общества, или даже пренебрежение ими, в конечном итоге может рассматриваться как один из критериев эффективности внешней политики государства. При этом особую актуальность и практическую значимость представляет включение потенциала гражданского общества, в т. ч. в России и в Киргизии, в интересах углубления интеграции на евразийском пространстве.

Список литературы:

1. Алексеева Т.А. Современные политические теории. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 479 с.
2. Архив культурно-исторического Фонда «Евразийцы — новая волна».
3. В Бишкеке обсуждают вопросы развития интеграционных процессов в странах СНГ. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://kg.akipress.org/news:545971> (дата обращения 01.09.2012).
4. Голованов Р.С. Политическое позиционирование новых интеграционных объединений на постсоветском пространстве / КРСУ. — Бишкек, 2012. — 176 с.
5. Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России. Дис. д-ра юр. наук. — М., 2009. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/gosudarstvenno-pravovoj-mehanizm-formirovanija-i-podderzhki-institutov-grazhdanskogo.html> (дата обращения 23.03.2013).
6. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова. — Коммерсантъ. — 2012. — 3 октября. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf (дата обращения 24.03.2013).
7. Концепция внешней политики Кыргызской Республики // Вестник Администрации Президента КР № 1 (101) — Бишкек, 2007. — С. 3.

8. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.mid.ru/btrp_4.nsf/newslines/ (дата обращения 13.04.2013).
9. Круглый стол «Вопросы интеграции КР в ТС. Проблемы и пути решений». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://enw-fond.ru/proekty/51-kruglyy-stol-voprosy-integracii-kr-v-ts-problemy-i-puti-resheniy.html> (дата обращения 13.04.2013).
10. Личный архив автора.
11. Павлов Е.В. Трансформация политических систем республик Центральной Азии в условиях глобализации. Автореф. дис. канд. полит. наук. — Бишкек, 2008. — С. 10.
12. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761> (дата обращения 24.03.2013).
13. Распоряжение Президента РФ от 02.02.2010 № 60-рп «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1050068> (дата обращения 13.04.2013).
14. Распоряжение Президента РФ от 03.05.2012 № 216-рп «Об обеспечении в 2012 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1610600> (дата обращения 16.03.2013).
15. Распоряжение Президента РФ от 30.10.2010 № 53-рп «О проведении Международного общественного форума «Роль народной дипломатии в развитии международного гуманитарного сотрудничества». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 16.03.2013).
16. Студнева Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8129> (дата обращения 16.03.2013).
17. Указ Президента РФ от 25 мая 2001 г. № 678 «О создании Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://pravfond.ru/?module=pages&action=view&id=8> (дата обращения 17.03.2013).
18. Цит. по: Хрулева Т. «Мягкая сила» меняет мир. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://rus.kg/news/rusmir/4666-myagkaya-sila-menyayet-mir.html> (дата обращения 11.03.2013).
19. Keohane R.O., Nye J.S. (J.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972. — p. IX—XXIX.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ)

Кутенев Владимир Владимирович

соискатель, КРСУ,

г. Бишкек

E-mail: vladim85@rambler.ru

Понятие «мягкой силы» было введено в российский политический лексикон В.В. Путиным в его программной статье «Россия и меняющийся мир», где оно определено как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [9].

Необходимо отметить, что появление концепции мягкой силы в конце XX века было обусловлено феноменом возрастания роли невоенных видов силы. Ее автор Дж. Най дал следующее определение: «Мягкая» сила — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. ... «Жесткая» сила, или «жесткое» могущество, — это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. ... В конце концов «мягкое» могущество проявляется в привлечении других к сотрудничеству без угроз и поощрений; следовательно, отчасти оно зависит от того, как мы формулируем наши цели. Политику, основанную на всеобъемлющих и перспективных целях, легче сделать привлекательной для других, чем имеющую узкий и близорукий характер. Политика с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими» [6].

Выделенные параметры «мягкой силы» — добровольность, единые стандарты поведения и разделяемые ценности — позволяют рассматривать ее как форму сотрудничества более мощного государства с менее сильными внешнеполитическими акторами. С нашей точки зрения, это теоретическое положение полностью применимо к России, важнейшей внешнеполитической целью которой на постсоветском пространстве выступает «тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе» [9].

Как отметил В.В. Путин, «мы объективно подошли к тому, чтобы серьезно модернизировать принципы нашего партнерства — как в СНГ, так и в других региональных объединениях. И сконцентрировали свое внимание, прежде всего на развитии торговых и производственных связей. По сути, речь идет о превращении интеграции в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры» [10].

Развивая мысль о российской политике «мягкой силы» руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, а также спецпредставитель Президента РФ по связям с государствами-участниками СНГ К.И. Косачев подчеркнул, что инструменты «"мягкой силы"» более всего отвечают тем задачам, которые сегодня стоят перед РФ вовне. А задачи эти полностью вытекают из потребностей внутреннего развития страны: обеспечение благоприятного окружения, создание модернизационных альянсов, усиление евразийской интеграции — все это не самоцель российской внешней политики, а средства для модернизации самой России» [5].

Следует согласиться с его утверждением о том, что «сегодня основным трендом международных процессов является умение использовать возможности «мягкой силы» для реализации своих интересов. ... Главное — это интересы страны, чего не нужно ни стыдиться, ни опасаться («вдруг не так поймут?» и т. п.). Российские интересы имеют не меньшее право на выражение и продвижение, чем интересы других стран. Сделав наши интеграционные и имиджевые импульсы выгодными другим государствам, мы достигнем — и уже достигаем — гораздо большего, чем средствами «жесткой силы». XXI век — эпоха инструментария «мягкой силы», и в выигрыше будет тот, кто им овладел раньше и лучше других» [5].

Актуальность проблематики «мягкой силы» России во внешнеполитической сфере была подтверждена в новой Концепции внешней политики России [4], одним из базовых положений которой является утверждение о «мягкой силе», т. е. комплексном инструментарии решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии, как неотъемлемой составляющей современной международной политики.

Автор считает необходимым особо подчеркнуть, что хотя экономические методы и технологии непосредственно не включены в приведенное выше определение «мягкой силы», из контекста всего

документа можно сделать вывод о целесообразности выделения внешнеэкономических инструментов «мягкой силы» России.

Этот тезис основывается на том, что отличительной чертой новой Концепции внешней политики России [4] является постоянное подчеркивание связи политики и экономики на мировом и региональном уровнях. В документе утверждается, что в условиях финансово-экономического кризиса и глобальной конкуренции на передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются экономические факторы влияния государств на международную политику, что экономическая взаимозависимость государств является одним из ключевых факторов поддержания международной стабильности, что новые центры экономического роста и политического влияния все чаще и увереннее берут на себя ответственность за дела в своих регионах, а региональная интеграция становится действенным инструментом повышения конкурентоспособности ее участников.

Одним из таких центров названа Российская Федерация, поскольку являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, участницей целого ряда влиятельных международных организаций, региональных структур, механизмов межгосударственного диалога и сотрудничества, обладая значительными ресурсами во всех областях жизнедеятельности, интенсивно развивая отношения с ведущими государствами и объединениями в различных частях мира в рамках многовекторного внешнеполитического курса, последовательно интегрируясь в мировую экономику и политику в качестве ответственного и конструктивного члена международного сообщества, она способствует формированию позитивной, сбалансированной и объединительной международной повестки дня, решению глобальных и региональных проблем.

К основным целям России в сфере международных экономических отношений отнесено:

- создание благоприятных внешних условий для устойчивого и динамичного роста российской экономики, ее технологической модернизации и перевода на инновационный путь развития, повышения уровня и качества жизни населения, укрепления правового государства и демократических институтов, реализации прав и свобод человека;
- укрепление торгово-экономических позиций России в системе мирохозяйственных связей, дипломатическое сопровождение интересов отечественных экономических операторов за рубежом, недопущение дискриминации российских товаров, услуг, инвестиций, использование возможностей международных и региональных экономических и финансовых организаций в этих целях;

- активное использование возможностей региональных экономических и финансовых организаций для отстаивания интересов Российской Федерации в соответствующих регионах.

В документе уделено особое внимание деятельности организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов на пространстве СНГ, и названы внешнеэкономические задачи России на региональном уровне, в числе которых содействие практической реализации Договора о зоне свободной торговли, призванного качественно модернизировать нормативно-правовую базу торгово-экономического сотрудничества государств-участников СНГ, и активная поддержка процесса евразийской экономической интеграции.

Следует особо отметить, что интеграционный потенциал на постсоветском пространстве обеспечивается преимущественно за счет российских ресурсов. Непосредственными инструментами «мягкой силы» евразийской интеграции являются Таможенный союз (ТС) и Единое экономическое пространство (ЕЭП), которые призваны «не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств» [4].

Сегодня уже можно говорить об определенных этапах реализации евразийского интеграционного проекта. 10 октября 2000 г. Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан заключили Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), которое создавалось «для эффективного продвижения процесса формирования Договаривающимися Сторонами ТС и ЕЭП, а также реализации других целей и задач, определенных в вышеназванных соглашениях о ТС, Договоре об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях и Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве» [2]. В мае 2001 г. сторонами был ратифицирован Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве [13].

Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана вступил в действие с 1 июля 2010 г., в ноябре 2011 г. подписаны Декларация о Евразийской экономической интеграции и Договор о Евразийской экономической комиссии [3], с 1 января 2012 г. функционирует ЕЭП, которое является следующим шагом в интеграции стран ЕврАзЭС после Таможенного союза. Принципиальная особенность Таможенного союза и ЕЭП — это наличие надгосударственных структур. С 1 января 2012 г. начал работу Суд ЕврАзЭС, в компетенцию которого входит рассмотрение вопросов, связанных с дискрими-

нацией, нарушением правил конкуренции и равных условий ведения бизнеса. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) как постоянно действующий наднациональный регулирующий орган ТС и ЕЭП осуществляет контроль над исполнением международных договоров, формирующих договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства [3].

Функционирование ТС и ЕЭП базируется на согласованных действиях в ключевых институциональных областях — в макроэкономике, в обеспечении правил конкуренции, в сфере техрегламентов и сельскохозяйственных субсидий, транспорта, тарифов естественных монополий, на единой визовой и миграционной политике, что позволило снять пограничный контроль на внутренних границах. Для граждан эффективная деятельность ТС и ЕЭП означает снятие миграционных, пограничных барьеров, отмену «трудовых квот», свободу выбора места жительства, увеличение объема товаров для личного потребления, ввозимых беспошлинно. Для бизнеса ТС и ЕЭП — это открытие новых рынков, единые стандарты и требования к товарам и услугам, в большинстве случаев унифицированные с европейскими, доступ участники экономической жизни к госзаказам и контрактам в любом государстве — участнике ТС и ЕЭП.

Следующая задача, поставленная Президентом РФ В.В. Путиным: «способствовать углублению евразийской интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Белоруссия и Республики Казахстан и созданию к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, исходя из открытости этих процессов для присоединения других государств, прежде всего членов Евразийского экономического сообщества и участников Содружества Независимых Государств» [12]. Выполнение этой задачи в соответствии Концепцией должно основываться на использовании следующих инструментов экономической «мягкой силы»:

- привлечение к преобразованию ЕврАзЭС и формирования Евразийского экономического союза других государств-членов ЕврАзЭС;
- осуществление шагов по дальнейшему развитию и совершенствованию механизмов и нормативно-правовой базы ТС и ЕЭП;
- укрепление Евразийской экономической комиссии как единого постоянно действующего регулирующего органа Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Как отметил в январе 2013 г. Председатель Коллегии ЕЭК В. Христенко, выступая на Гайдаровском форуме «Россия и мир: вызовы интеграции»: «Интеграционный процесс не просто набирает обороты, а реально демонстрирует свою эффективность, что подтверждается в исследованиях таких институтов как Европейский банк

развития и реконструкции, который назвал наш проект самым успешным в региональной интеграции в 2012 году» [8]. С нашей точки зрения, евразийский интеграционный проект уже продемонстрировал тенденцию к качественному изменению условий развития экономик трех стран, устойчивому росту доходов их бюджетов и общего экспортного потенциала ТС, динамичному росту инвестиций в основной капитал и повышению инвестиционной привлекательности участников Таможенного союза и ЕЭП.

О том, что инструменты экономической «мягкой силы» работают, свидетельствует решение Киргизии присоединиться к Таможенному Союзу. В настоящее время это решение еще не обрело законодательной силы, но оно зафиксировано в утвержденной в январе 2013 г. Указом Президента КР «Национальной стратегии устойчивого развития Киргизской Республики на период 2013—2017 годы» [7], обозначившей в качестве приоритетного направления «поддержание интеграции страны в экономику стран ЕврАзЭС через вступление Кыргызстана в Таможенный союз». Подготовка к реализации этого решения ведется в рамках Рабочей группы по вопросу присоединения Киргизии к Таможенному союзу (ТС) России, Белоруссии и Казахстана.

Премьер-министр Киргизской Республики Ж. Сатыбалдиев в марте 2013 г. заявил, что «вступление может принести не только экономические выгоды, но и политические для дальнейшей интеграции. У правительства есть понимание, что Таможенный союз — это стратегическое направление. На национальном совете по устойчивому развитию четко обозначена позиция Кыргызстана по вступлению в Таможенный союз» [11], а Президент этой республики А. Атамбаев в апреле 2013 г. подтвердил: «Если мы войдем в Таможенный союз, он откроет для Кыргызстана новые перспективные возможности» [1].

Эти заявления были сделаны после состоявшегося 28 марта 2013 г. в Бишкеке пятого заседания Рабочей группы по вопросу присоединения Киргизии к Таможенному союзу (ТС) России, Белоруссии и Казахстана. В ходе мероприятия представители Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), России, Казахстана и Белоруссии, а также заинтересованных киргизских министерств и ведомств провели обстоятельный, предметный анализ законодательства КР и ее международных обязательств на соответствие договорно-правовой базе ТС в сфере таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, таможенного администрирования, таможенных информационных технологий и таможенной инфраструктуры, технического регулирования, ветеринарных, санитарных и фитосанитарных мер и т. д. Были определены конкретные практические шаги, которые

необходимо реализовать в части финансовой и торговой политики, статистического учета, защиты внутреннего рынка и по целому ряду других направлений.

29 марта 2013 г. в Бишкеке прошла международная конференция «Киргизстан на пути к евразийской интеграции» [11], целью которой являлась выработка консолидированной позиции отраслевых бизнес-сообществ Киргизии по вопросу о вступлении в ЕЭП. Помимо пленарного заседания «Общие тенденции процессов современной евразийской интеграций на примере прохождения процедур присоединения Киргизской Республики к Единому Экономическому Пространству» работа велась в рамках таких секций как «Перспективы развития секторов экономики Киргизстана в условиях интеграции в ТС/ЕЭП», «Перспективы и риски для легкой промышленности КР», «Перспективы и риски для сельского хозяйства и пищевой промышленности», «Воздействие интеграционных процессов на население».

Наряду с высокопоставленными должностными лицами, среди которых Премьер-министр КР Ж.Ж. Сатыбалдиев, Первый заместитель Председателя Правительства РФ И.И. Шувалов, член Коллегии ЕЭК по вопросам интеграции и макроэкономике Т.Д. Валовая, министр экономики КР Т.А. Сариев, в ее работе приняли участие руководители Киргизско-Российского экономического совета, Ассоциации киргизско-российского экономического сотрудничества, Союза предпринимателей КР, Ассоциации нефтетрейдеров КР, Ассоциации «Союзтекстиль», комитета российско-киргизского делового совета по сотрудничеству в транспортной и логистической сфере, другие представители бизнес- и экспертного сообщества КР и стран Таможенного союза, а также, в качестве наблюдателей представители Украины и Таджикистана.

На конференции в очередной раз были подчеркнуты принципы добровольности, равноправности и выгоды вхождения в Таможенный союз. Так И. Шувалов заявил, что вступление Киргизстана в Таможенный союз — инициатива исключительно самой страны, что Россия не намерена «затаскивать» Киргизию в Таможенный союз и Евразийское экономическое пространство, членство должно быть выгодно для всех членов, поэтому стороны должны искать особые компромиссные подходы, но не стремиться к особому статусу. Эту мысль председатель правления киргизско-российского экономического совета Б. Абилдаев преломил следующим образом: «Киргизстан должен вступить в Таможенный союз в качестве полноценного партнера, а не дотационного придатка».

Со своей стороны Россия будет содействовать созданию экономически привлекательных условий для его участников, в частности,

в вопросах приема легальных трудовых мигрантов, размеры денежных переводов которых из России и Казахстана, по экспертным оценкам, достигают от трети до половины ВВП страны.

Особо были выделены объективные основания вступления в ТС (КР осуществляет торговое сотрудничество более со 140 странами мира, но удельный вес стран ТС составляет более 42 %) и потенциальные преимущества этого шага для экономики Киргизии и ее отдельных отраслей (товарооборот с ТС приводит к созданию большого количества рабочих мест; вступление приведет к беспешинному ввозу стратегически важных товаров, таких как ГСМ, зерно и другие; импорт оборудования для осуществления крупных проектов в энергетике; отсутствие экспортных пошлин для киргизстанских товаров; открытие большого рынка стран ТС, что важно для привлечения инвестиций и др.).

В принятой по итогам работы форума резолюции, в частности, отмечается, что «бизнес-сообщество Киргизстана в целом приветствует вступление республики в Таможенный союз, а также последующую ее интеграцию в Единое экономическое пространство и Евразийский союз».

Достижение этих целей видится прежде всего через использование таких преимуществ от присоединения к ТС и ЕЭП, как:

- отмена формальностей, сборов и таможенного контроля на внутренних границах, свободы транзита, что приведет к сокращению издержек участников внешнеэкономической деятельности;
- расширение размеров рынка и, соответственно, привлечение прямых иностранных инвестиций;
- большие возможности реализации сельхозпродукции (требования ТС к импорту, закрытие границ для контрабанды и повышение цен на сельхозпродукцию будут, как считают киргизские эксперты, стимулировать местных производителей к выпуску более качественной продукции и в больших объемах);
- реализация в Киргизии как участнице ТС и ЕЭП крупных энергетических проектов и проектов развития торговой, транспортной, трубопроводной и информационно-коммуникационной инфраструктуры ТС.

Вместе с тем, были отмечены и негативные стороны этого процесса, обусловленные «более высокими ставками таможенных пошлин ТС», которые могут «поставить под вопрос рентабельность, а в некоторых случаях даже само существование ряда действующих предприятий и бизнес-структур. Это, отмечается в резолюции, может обернуться ухудшением ситуации в социальной сфере, «осложнить положение не только бизнеса, но и широких слоев населения».

В итоге было констатировано, что в долгосрочной перспективе «интеграционное сотрудничество ... создает дополнительные конкурентные преимущества. Консолидация усилий позволит участникам объединения не просто вписаться в глобальную экономику и мировую систему торговли, но и реально участвовать в выработке решений, формирующих правила игры и будущие контуры развития самого интеграционного объединения».

Проведенный в статье анализ, с нашей точки зрения, позволяет сделать следующие выводы:

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная в 2013 г., предусматривает доминанту использования «мягкой силы» и совершенствование системы ее применения;

в настоящее время в состав «мягкой силы» России активно включается экономический инструментарий, нацеленный на развитие торговых, финансовых и производственных межгосударственных, прежде всего, региональных связей;

евразийская интеграция является новым типом интеграции на постсоветском пространстве, основанным на принципах добровольности, равноправности и экономической взаимовыгоды, а ее инструментами выступают Таможенный союз и Единое экономическое пространство;

примером решения проблем, обусловленных сложностью и неоднозначным отношением политической и экономической элиты потенциальных государств-участников к присоединению к ТС и ЕЭП, может стать опыт вступления в эти интеграционные объединения Киргизской Республики.

Список литературы:

1. Алмазбек Атамбаев: «Таможенный союз откроет для Киргизстана новые возможности» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kabar.kg/rus/economics/full/52547> (дата обращения: 04.04.2013).
2. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.evrazes.com/docs/view/3> (дата обращения: 20.02.2013).
3. Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.tsouz.ru/MGS/18-11-11/Documents/Договор%20о%20ЕЭК.pdf> (дата обращения: 20.02.2013).

4. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. № 303 от 18.02.2013 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.mid.ru/btrp_4.nsf/newslines/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 20.02.2013).
5. Косачев К.И. России нужны новые подходы к «мягкой силе» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://rus.kg/news/analytics/2689-kosachev-rossii-nuzhny-novye-podhody-k-myagkoy-sile.html> (дата обращения: 05.03.2013).
6. Най Дж. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения // Свободная мысль — XXI, № 10, 2004 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm (дата обращения: 05.03.2013).
7. Национальная стратегия устойчивого развития Киргизской Республики на период 2013—2017 годы. Утверждена Указом Президента Киргизской Республики 21 января 2013 года // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1457_utverjdena_natsionalnaya_strategiya_ustoychivogo_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi/ (дата обращения: 04.04.2013).
8. Председатель Коллегии ЕЭК Виктор Христенко принял участие в Гайдаровском форуме «Россия и мир: вызовы интеграции» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.tsouz.ru/news/Pages/18-01-2013.aspx> (дата обращения: 05.03.2013).
9. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (дата обращения: 05.03.2013).
10. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 20.02.2013).
11. Состоялась международная конференция «Киргизстан на пути к евразийской интеграции» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ktrk.kg/ru/content/sostoyalas-mezhdunarodnaya-konferenciya-kyrgyzstan-na-puti-k-evraziyskoy-integracii> (дата обращения: 04.04.2013).
12. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15256> (дата обращения: 02.02.2013).
13. Федеральный закон от 22 мая 2001 г. № 55-ФЗ «О ратификации Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://bazakonov.ru/doc/?ID=214218> (дата обращения: 02.02.2013).

СЕКЦИЯ 2. СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПРИНЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Рыцев Александр Иванович

*аспирант СГА, преподаватель, ГБОУ СПО
«Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина»,
г. Октябрьский
E-mail: alexir01@mail.ru*

Несмотря на разнообразие толкований и определений организационной культуры, в них есть общие моменты. В большинстве определений авторы ссылаются на образцы базовых предположений, которых придерживаются члены организации в своем заведении и действиях.

Известный в научных кругах ученый-практик С.В. Шекшни утверждает: «Организационная культура ... это ценности и поведенческие нормы разделяемые ее сотрудниками» [6, с. 23].

Другое определение дано признанным автором-исследователем организационной культуры Спиваком В.А.: «Организационная культура — это система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды» [5, с. 13].

В современной теории управления предприятием при рассмотрении внутренней среды организации особая роль отводится корпоративной культуре, которая определяет поведение работников в процессе трудовой деятельности и, в конечном счете, адаптивность

предприятия к воздействию внешней среды, а, следовательно, и его успешность, культуру внешних отношений и т. д. [2, с. 112]. Следует заметить, что организация приобретает форму ценностно-нормативной системы, учитывающую как свои ценности, так и ценностные установки своих сотрудников.

В узком понимании, ценности отражают моральные и эстетические императивы, которые являются продуктами общественного сознания. В более широком понимании, ценности являются отражением значимости явлений и предметов реальной действительности с точки зрения их соответствия потребностям общества, социальных групп и лиц, являясь по сути социально-нормативными регуляторами общественной жизни и поведения людей.

Таким образом, организационная культура — ценностная система, которая состоит из набора правил и стандартов, определяющих согласованность взаимодействий всех членов организации.

«...Ценности укореняются в сознании только тогда, когда они обретают форму кодекса корпоративного поведения в качестве инструментария введения этического фактора в практику управления, своеобразного механизма регулирования отношений внутри организации и вне ее [1, с. 44] .

Кодекс корпоративной этики — значимый фактор развития корпоративной культуры. Этические кодексы предлагают сотрудникам сосредоточить внимание на основном, первостепенном и подсказывают самые оптимальные решения в данной ситуации. Вместе с тем, само существование кодекса как этического стандарта помогает работникам проникнуться пониманием важности и этичности своих деловых решений.

Дубинина М.В. [3, с. 5] выделяет следующие принципы разработки этического кодекса российской корпорации: научная основа, учет возрастающей роли человеческого и социального измерения как универсальной тенденции социально-экономического развития; избирательное и творческое использование конкретных наработок в сфере социального менеджмента, представляющих зарубежный опыт; учет российской специфики, исторического опыта и национальных традиций хозяйственной жизни; изложенное простым, ясным доступным языком.

Важно отметить, что для того чтобы он работал необходимо предусмотреть участие в процессе разработки всех сотрудников организации и при условии принятия каждым сотрудником кодекса корпоративной этики он будет действительно соблюдаться.

Таким образом, этика становится неотъемлемым элементом управления, а корпоративный этический кодекс может рассматриваться как действенный механизм в принятии управленческих решений.

Так, например, этический кодекс ОАО АНК «Башнефть», Утвержденный Решением Совета директоров 3.10.2011, наряду с другими действующими внутренними документами, устанавливающими права, обязанности и нормы поведения Должностных лиц, регулирует этические нормы корпоративных взаимоотношений и обязателен для соблюдения членами Совета директоров, Президентом, Высшим менеджментом и всеми Сотрудниками Общества.

Этический кодекс соответствует общепринятым стандартам делового поведения и этики. Этический кодекс — важная часть системы корпоративного управления, он способствует поддержанию баланса между краткосрочными и долгосрочными интересами Общества, долгосрочному экономическому росту, развитию бизнеса, является основой для принятия управленческих решений с учетом таких аспектов, как социальная ответственность, экономика, безопасность и охрана труда, здоровья, окружающей среды.

Этический кодекс основан на убеждениях и ценностях руководства Общества. Он отражает приверженность Общества и его руководства высоким этическим стандартам ведения открытого и честного бизнеса для совершенствования корпоративной культуры, следования лучшим практикам корпоративного управления и поддержания деловой репутации Общества на должном уровне.

Следование этическим нормам и принципам помогает Обществу избегать неоправданных рисков, поддерживать долгосрочный экономический рост, способствует укреплению ее позиций на российском и международном рынках, осуществлению успешной предпринимательской деятельности, увеличению капитализации и прибыли, а также формированию позитивных ожиданий в отношении поведения участников корпоративных отношений [7].

Таким образом, этика становится неременным элементом управления, а корпоративный этический кодекс может рассматриваться как действенный механизм в принятии управленческих решений. Очевидно, что положения в этическом кодексе в общем позволят разрешению типичных этических проблем, а также в определенной степени обеспечить юридическую защищенность каждого сотрудника и организации в целом.

Вместе с тем определена миссия и ценности организации ОАО АНК «Башнефть» — быстрорастущая вертикально интегрированная нефтяная компания, оперирующая в различных регионах России,

успешно реализующая программу модернизации экономики России путем разработки и внедрения передовых технологий в производственные и управленческие процессы.

Основополагающими корпоративными ценностями Общества являются:

1. Соблюдение законности является необходимым условием этического поведения должностных лиц Общества. Общество добросовестно соблюдает требования законодательства, отраслевых и корпоративных правил, стандартов и процедур, регулирующих деятельность Общества.

Должностные лица принимают на себя обязательство в своей повседневной деятельности:

- строго выполнять требования действующего законодательства, иных правовых норм в полном объеме, а при отсутствии применимого законодательства исходить из требований добросовестности, разумности, справедливости и положений Этического кодекса Общества;

- в повседневной и профессиональной жизни не допускать неправомерных действий либо действий, которые могут вызвать подозрения относительно их правомерности и этичности;

- при принятии решений учитывать не только экономическую целесообразность, но и решения, принимаемые другими лицами, а также интересы других заинтересованных сторон деловых отношений, воздерживаться от неэтичных методов ведения конкурентной борьбы;

2. Обеспечение эффективности

3. Честность, порядочность и надежность деловых отношений.

Должностные лица принимают на себя обязательство в своей повседневной деятельности:

- быть честными и порядочными в деловых отношениях, воздерживаться от любых недобросовестных способов ведения дел;

- уважительно и вежливо относиться к коллегам, а также ко всем представителям клиентов, деловых партнеров Общества вне зависимости от занимаемой должности, пола, возраста, национальной принадлежности и вероисповедания; осуществлять деловое общение с проявлением приветливости и доброжелательности;

- при общении с коллегами, руководством, партнерами, представителями контрагентов и иными лицами не предоставлять им недостоверную либо непроверенную информацию;

- своевременно реагировать на вопросы и пожелания коллег, руководства, партнеров, представителей контрагентов и иных лиц;

- воздерживаться от действия или бездействия, порождающих конфликты в деловых отношениях, стремиться к урегулированию возникших конфликтов на основе баланса интересов участников деловых отношений.

4. Профессионализм, компетентность и информированность.

5. Социальная ответственность.

Общество проводит корпоративную социально ответственную политику, ориентируясь на мировые стандарты и лучший международный опыт в этой области. Общество способствует развитию регионов своего присутствия, проводит социально ответственную политику по вопросам труда и занятости, осуществляет благотворительную деятельность. Общество заботится о защите окружающей среды, внедряет современные системы экологического менеджмента и международные стандарты ISO [7].

Директора и Высший менеджмент также принимают на себя обязательство в своей повседневной деятельности строго соблюдать следующие этические принципы:

- осуществлять ведение бизнеса с учетом социальной ответственности перед государством и обществом;

- оказывать содействие осуществлению безвозмездной финансовой или иной благотворительной поддержки социальных, культурно-просветительных и иных программ

- вести хозяйственную деятельность так, чтобы не наносить ущерб природе, участвовать в экологических программах;

- выстраивать отношения Общества и Сотрудников на основе долгосрочного сотрудничества, общности целей, уважения и учета взаимных интересов, добросовестности и реальности принимаемых обязательств и социального партнерства;

- создавать для Сотрудников условия труда, не наносящие ущерба их здоровью и достоинству, обеспечивать достойный уровень заработной платы, повышающий уровень их жизни;

- быть честными в коммуникациях, внимательно реагировать на предложения Сотрудников, их идеи, требования и жалобы;

- избегать дискриминационной политики и гарантировать Сотрудникам равные права и возможности в оплате труда, продвижении по службе;

- избегать принятия решений, приводящих к серьезным и неоправданным сокращениям занятости в Обществе [7].

Важно отметить, что стандарты деловой этики представляют собой свод норм поведения и рекомендаций, позволяющих определить модель эффективного поведения в сложных нестандартных ситуациях,

возникающих в процессе осуществления деятельности Общества, и помогающих ответственно и профессионально принять правильное решение. Более детально некоторые принципы корпоративных взаимоотношений в Обществе изложены в Кодексе корпоративного поведения Общества [4].

Вместе с тем, несмотря на значительные положительные моменты в практике формирования и функционирования организационной культуры нельзя не отметить, на наш взгляд, отрицательную сторону — давление на сотрудников организации со стороны организационной культуры.

В ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина» было проведено исследование с целью изучения давления элементов организационной культуры на персонал организации.

Основная гипотеза исследования — мероприятия по формированию корпоративной культуры в организации могут по-разному оцениваться ее членами в зависимости от того, в какой мере они затрагивают их актуальные ценности: позитивно, нейтрально или встречать сопротивление. В ходе исследования в 2013 году были опрошены студенты дневного отделения ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина» с использованием социальной сети «В Контакте».

Студенты были выбраны в качестве объекта исследования по следующим причинам: 1) представляют собой в перспективе персонал, привлекаемый работодателями для участия в работе коллектива; 2) являются носителями общих для современной молодежи ценностей; 3) не ортодоксальны в своих оценках в отношении к новым обстоятельствам деятельности и предъявляемым работодателем требованиям; 4) более искренни в выражении своего мнения относительно новых условий и требований деятельности, так как не обременены обязательствами перед работодателем.

Предметом исследования были психологические установки, характеризующие особенности восприятия студентами организационных изменений, ценностное отношение к ним. В качестве организационных изменений рассматривался элемент организационной культуры как дресс-код в организации, который был введен с 1.09.10 (табл. 1).

Как видим, студенты дифференцируют свое отношение неоднозначно на данный элемент организационной культуры. Они довольно критически относятся к вводимому элементу в организации и у респондентов выявлены следующие основные стратегии отношения: согласие, безразличие (мягкое саботирование), протест.

*Таблица 1.***Оценка значимости дресс-кода в организации**

№	Вопрос	Количество респондентов, в %			Всего
		Положительно	Отрицательно	Сомневающимся	
1.	Вы готовы соблюдать дресс-код	76,9	15,4	7,7	100
2.	Справедливы ли требования в колледже по внешнему виду	61,1	27,8	11,1	100
3.	Влияет ли на вас положительно дресс-код	47,1	35,3	17,6	100

На наш взгляд, безразличие и протест можно расценить как ответную реакцию на давление элемента организационной культуры по отношению к персоналу организации.

В соответствии с современной парадигмой управления в управленческих решениях, которые пронизывают всю организацию сверху донизу, должен присутствовать социально-ориентированный аспект, что осуществляется с помощью важного инструмента управления — организационной культуры. Вместе с тем, существует взаимосвязь социально-ориентированного аспекта в принятии управленческих решений и организационной культуры, а также давление организационной культуры на персонал организации, что важно учитывать в процессе управления современной организацией. Итак, рассмотрение основных элементов корпоративной культуры и их влияния на персонал организации позволяет сформулировать естественный вывод о полезности и необходимости дальнейшего развития корпоративной культуры в российских организациях. Теория управления рассматривает организационную культуру как важный и действенный механизм, ориентирующий сотрудников ради целей организации. Значимым фактором при этом является кодекс корпоративной этики, в содержательном плане в которых должны найти отражение ряд ключевых принципов и идей, которые следует рассматривать в качестве регулирующего начала в организации трудовых отношений в организации: принцип открытости, принцип человеческого достоинства, принцип соучастия, т.е. социально-ориентированные.

Список литературы:

1. Асташина Л.А., Колобов А.Д., Ормонбекова И.Ш. Корпоративная культура и проблемы преодоления культурных разрывов на отечественных предприятиях // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Управление государственным сектором экономики: технологии и инструменты». — Екатеринбург, 2004. — С. 24—25.
2. Горбунов А.П. Основы социального менеджмента.: учебное пособие для студентов вузов; [под. ред. Гершковича Б.Я.] — Пятигорск: Кавказская здравница, 1999. — 492 с.
3. Дубинина М.В. Корпоративная этика как инструмент социального менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. — 2002. — № 4 — С. 84—95.
4. Кодекс корпоративного поведения ОАО «АНК «Башнефть» [Электронный ресурс] // ОАО «АНК» Башнефть» [Официальный сайт]. URL: <http://www.bashneft.ru/> (дата обращения: 18.04.2013).
5. Спивак В.А. Организационная культура. — СПб: Питер, 2001. — 352 с.
6. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации. Учебно-практическое пособие. Изд.4-е, перераб. и доп. (Серия «Библиотека журнала «Управление персоналом») — М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2000. — 368 с.
7. Этический Кодекс ОАО «АНК «Башнефть» [Электронный ресурс] // ОАО «АНК» Башнефть» [Официальный сайт]. URL: <http://www.bashneft.ru/> (дата обращения: 21.04.2013).

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ПРЕВРАЩЕНИЯ

Каменева Ксения Владимировна
студент 3 курса, кафедра философии СФУ,
г. Красноярск
E-mail: kseniasanti@mail.ru

Демина Нина Александровна
канд. филос. наук, доцент СФУ,
г. Красноярск
E-mail: nndeom@mail.ru

В нынешний век, преодолев огромный пласт исторического развития, человек все так же продолжает продвигаться к осмыслению своей бытийственной роли. Современная жизнь ставит человека в такие ситуации, когда ему приходится постоянно, иногда даже несколько раз в день, менять свой облик и свое поведение в стремительно меняющихся условиях социальной жизни. В течение одного и того же дня человеку приходится играть множество постоянно сменяющих друг друга ролей, и это составляет неотъемлемую часть человеческого существования. Социальный мир предстает как совокупность социальных образов и становится все труднее отличить маску от своего лица, неизбежно включенного в огромный механизм системы представлений.

Однако стоит задуматься, почему такое «умножение личности» воспринимается как ее существенная, определяющая характеристика, заложенная в человеке, казалось бы, от рождения? И если обратиться к исторической традиции, можно выяснить, что тенденция к «удвоению» носит древние, племенные, архитипические корни, благодаря которым

поддерживалась тесная связь с окружающей реальностью и регулировались межличностные отношения.

Способность человека к превращениям, способную как подчинить человека, так и наделить его властью, едва ли можно считать в полной мере осознаваемой им. И это одна из величайших загадок: каждый обладает этой способностью, каждый ее применяет, каждый считает это совершенно естественным, но лишь немногие отдают себе отчет в том, какую огромную часть их существа она составляет. Определить сущность превращения необычайно трудно, и подходить к нему нужно с разных сторон.

В книге о фольклоре бушменов «Легенды и сказки бушменов» есть раздел о предчувствиях бушменов. Речь идет о предчувствиях, которые знаменуют собой зачаточную форму превращения. Бушмены издаലെка чувствуют приближение человека, которого не могут еще ни слышать, ни видеть. Они чувствуют также приближение животного и могут показать на своем теле знаки, благодаря которым об этом узнают. Здесь уместно упомянуть пример, который использует известный исследователь Э. Канетти в своем труде «Превращение»: «Один человек сказал детям, чтобы они ждали дедушку: «Смотрите внимательно, мне кажется, он близко. Ибо я чувствую место старой раны на его теле» [1, С. 483].

Из данного высказывания видно, как важны для бушменов эти предчувствия или предвосхищения. Способность быть в разное время то одним, то другим и потом снова самим собой — факт огромного значения, который мы имеем возможность наблюдать и в нашей современной реальности.

Последовательность превращений определяется внешними поводами, но каждое из них является чистым превращением: каждое существо, ощущаемое бушменом, остается тем, что оно есть. Превращения отделены друг от друга, иначе они не имели бы смысла. Собственная самоидентичность, от которой бушмен может отказаться, сохраняется в превращениях.

Превращение как таковое неизбежно проходит 2 стадии, такие как подражание и притворство, но наиболее важен конечный продукт превращения — фигура или маска, который является осознанным, рационализированным актом, включенным в контекст социального взаимодействия. Дальнейшее превращение не допускается, фигура ограничена и ясна во всех своих чертах. Она не природна, а является созданием человека [1, С. 490]. Она есть спасение из бесконечного потока превращений. Маска благодаря своей неподвижности отличается от остальных конечных состояний превращения, как проти-

воположность постоянной мимической игре, в которой в целом и проявляется постоянная готовность человека к превращениям. Как утверждал Канетти, глубинной причиной такого отношения является требование постоянной автономии человека [1, С. 492]. Никому не разрешено проникать в другого, и этот другой не позволяет того же самому себе. Человек должен иметь силу быть сам по себе и быть тождественным себе.

Маска является застывшим, конечным выражением всей многочисленной череды превращений, она всегда ясна, неизменна и выражает нечто четко определенное. Правда, стоит заметить, что под одной маской может быть скрыта другая, которая, тем не менее, так же является конечным состоянием. Подобная «двойственность» и определяет множество ролей, которые индивид играет в социуме.

Понятие маски в современной мысли оценивается как симулякр, фальшивка, вымышленное идеальное «Я», и в связи с этим возникает вопрос, что заставляет человека примерять на себя такую «обманку»? Ответ же прост и заключается в самом генезисе маски: исторически маска была предназначена, чтобы установить границу между собой и тем, на кого направлено взаимодействие, чтобы защитить свое истинное «Я», ее главное действие — в сокрытии тайного. Данная направленность актуальна и по сей день.

Если говорить в целом, феномен превращения является имманентной характеристикой человеческого бытия. В разных формах оно всегда сопровождает человека, будь то ритуальная маска или образное лицо, как символ индивидуального бытия. Превращение является важнейшим из этапов социализации и приобщения к миру культуры, к миру объективных норм, и именно оно «означивает», представляет индивида в этом мире.

По своей сути превращение вырывает человека из привычного, повседневного мира, раздвигает границы бытия, налагая все новые роли, открывающие перспективы для нового опыта и познания истинного мира.

Однако в то же время, превращение позволяет скрыть человеку свое истинное Я, защитить его. Данная тенденция берет свое начало еще в древних ритуалах, когда человек надевал маску, представляющую собой высшее проявление, чтобы скрыть свое несовершенное, подверженное изменениям человеческое лицо, и взамен приобрести свое истинное лицо в результате такого «сакрального действия», как бы наделяющего человека «ликом Бога».

Стоит отметить, что с каждым новым превращением, человек приобретает опыт относительно ранее неизведанной формы бытия. Таким образом, превращение может не только формировать или скрывать истинное Я человека, но и «размывать» его, делать многогранным, формируя вокруг него особое социальное пространство, в котором он взаимодействует, приобретая новые социальные роли. Ведь само бытие субъекта в социальном связано с тем, что субъект всегда выступает исполнителем определенных социальных ролей, существует и действует в определенном социальном образе, всегда носит маску.

Социальная маска понимается как способ обозначить, предъявить себя в социальном пространстве, через нее субъект получает возможность занять в нем определенные позиции, участвовать в различных социальных практиках. Она выступает принципом «действования» субъекта, сообщает ему типичное для определенной ситуации поведение и внешнее соответствие. Таким образом, она закрепляет за ним определенное место в социальном пространстве.

В ходе череды превращений человек зачастую отождествляет себя с исполняемой ролью, именно маска в таком случае становится истинным лицом субъекта, определяющим его, то есть «Я» и маска отождествляются, формируя представляемый образ. Иными словами, в ходе превращений, особенно благодаря использованию маски, человек формирует свое социальное и культурное лицо, имея возможность выбора.

Важнейшим является то, что маска является и символом индивидуального присутствия субъекта в социальном. Индивидуальность возникает в ситуации, когда субъект отделяет себя от своих различных масок, но сформировавшаяся индивидуальность нуждается в особом, специфическом знаке самопредъявления, этим знаком становится особая маска — собственная маска индивидуальности. Она имеет своей целью помочь человеку отличить себя от всех ролей, которые он приобретает и играет в социуме, отличить свое истинное бытие от «симулякра». Собственная маска дает возможность сохранить личное пространство и индивидуальность, позволяя действовать в социальном пространстве согласно своей личной стратегии.

Человек, уже осознавший свое отделение от массы социальных ролей, способен использовать превращение с целью своей выгоды, определения себя в социуме. Маска становится для него инструментом, которую он сам осознанно выбирает, он способен принять любой образ, но никогда не отождествит себя с ним.

Итак, на протяжении всего исторического развития превращение помогает субъекту в формировании его истинного, индивидуального

Я, открывая ему смысл и значение его собственного существования, зачастую являясь тем пространством, в котором человек и находит возможность для выражения. Взаимодействуя с другими, подражая, научаясь новым навыкам и умениям, человек творит себя, переосмысливая свое положение в социальном пространстве, он вносит в него новое рассмотрение, формируя новые представления, таким образом, он проявляет себя не просто как «машина копирования», а как творец, формируя свой, специфический путь развития.

Список литературы:

1. Канетти Э. Превращение // Проблема человека в западной философии. — М.: Прогресс, 1998. — С. 483—503.
2. Канетти Э. Масса и власть / Э. Каннети — М.: Астрель, 2012. — 574 с.
3. Кузин И. Маски субъекта: Стратегия социальной идентификации / И.В. Кузин — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. — 312 с.

«КРИВИЗНА» КОММУНИКАТИВНОГО ОНТОСА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГРАВИТАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ НА СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Харченко Юлия Владимировна

*канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой философии
и политологии, Кировоградский государственный
педагогический университет имени Владимира Винниченко,
г. Кировоград*

E-mail: kharchenkojiv@gmail.com

Во все времена человечество пыталось ответить на вопрос — возможно ли создать такую модель общества, которая бы максимально удовлетворила духовные и материальные потребности каждого отдельного индивида, которая была бы наиболее оптимальной для представителя любого культурного сообщества? Возможно ли, чтобы такая система стала в полной мере сбалансированной и, поэтому справедливой, комфортной для жизнедеятельности и творчества? Стремление людей улучшить свою жизнь способствовало возникновению политики как сферы управления, а также других социальных сфер (науки, техники, искусства). Вследствие этого социальная

машина перманентно обновляла различные детали (внутри себя и снаружи), создавая все новые механизмы государственного правления. Практика показывает, что какую бы версию политической власти человечество ни выбрало, все равно, со временем она покажется деформированной, а ее инструментарий потребует существенной корректировки и усовершенствования.

Социум — явление аморфное, пластичное, ему присуще «искривление» и флуктуация в любой его точке, поскольку коммуникационные процессы отображают исключительную мобильность всех взаимодействующих элементов (особенно людей, которые и формируют целостное коммуникативное пространство). Оно является так называемой «системой в системе». Это означает, что одна система по необъяснимой причине «вписана» в другую (в природу) и функционирует в ней в качестве возможно искусственного, а возможно и естественного, образования. Существуют различные онтические измерения социального бытия. Субъективно-объективное социальное целое проявляется в природе как «притяжение» двух измерений — духовного и материального. В свою очередь, в результате взаимодействия духовного и материального, образовались культура и цивилизация. Сочетаясь под влиянием действия на них гравитационных факторов, они формируют другие более локальные социальные измерения — сферу культуры и искусства, сферу политики, экономики, сферу науки и техники.

Гравитация конструктивным образом структурирует природу и социум. Социум — естественная среда обитания человека, которая является тем необходимым жизненным условием, способствующим проявлению всех возможных интеллектуальных и творческих стимулов, а также самоутверждению духовного. Неизвестно, что на кого оказывает большее влияние общество на человека или человек на общество. Безусловно, каждый человек неповторим, он оставляет неизгладимый отпечаток на поверхности «социального» и навсегда меняет его отдельные грани. Кроме того та или иная субъективная оценка окружающей действительности представляется нам «искривленной», поскольку она всегда индивидуальна а, поэтому далека от понимания истинной сути вещей. Так, например, П. Диксон утверждает, что уже в настоящее время человеческое общество создает будущее посредством различных решений, открытий, действий или бездействия [3, с. 440]. То есть человечество всеми возможными способами «притягивает» к себе будущее, но при этом каждый видит его по-разному.

Триада «человек-общество-природа» является замкнутой системой, поскольку на нее также действует сила гравитации, искривляя ее. Все три категории — неразрывно связаны. Именно человек существенно влияет на геометрию природы и социума. Сегодня оказались тщетными многочисленные попытки ответить на противоречивый вопрос: кем можно считать человека? Возможно, человек — это произведение искусства, созданное неким удивительным всеобъемлющим Логосом. Тогда он запрограммирован на конкретные действия, у него есть четкая экзистенциальная цель, его существование имеет смысл. Возможно, все образовалось спонтанно при благоприятном стечении обстоятельств, тогда возникновение человека и социума — это проявление естественной эволюции природы. Противоречие легко разрешимо, поскольку и в первом, и во втором случае появление разумной жизни — закономерно и логично.

С точки зрения развития Вселенной любой вектор ее истории является лишь одним из бесконечного множества всех возможных направлений, то есть путь ее развития — это сумма всех возможных альтернатив. Тогда можно утверждать другое: если возникновение человечества закономерно, то разумная жизнь появится в любом случае, независимо от того, в каком направлении будет развиваться Вселенная. Кроме того, современная наука допускает одновременное существование и развитие множества вселенных. Если же и Вселенная, и человечество — спонтанные явления, то они могли или появиться, или не появиться. Следовательно, если мыслящая субстанция все же случайно возникла, то она — явление единичное, уникальное (оно исключает наличие разума во всех других альтернативных версиях истории Вселенной). С другой стороны, если существует бесконечное множество альтернативных направлений развития «онтического», то даже спонтанная возможность его возникновения может рано или поздно превратиться в закономерность, поскольку процесс зарождения жизни может снова случайно повториться (через огромный интервал во времени). Если что-либо однажды стало возможным, то оно порождает вероятность дальнейшего повторения данного события. Поскольку речь все же идет о наличии бытия, которое может «мыслиться» и чувственно восприниматься человеком разумным, то можно утверждать, что его существование причинно-обусловлено. Мало того, различные комбинации органической и неорганической жизни образовались вследствие воздействия на них неких созидающих начал — гравитационных факторов и всевозможных видов энергии. Ж.-П. Сартр обратил внимание на то, что видимость не скрывает сущности, она ее раскрывает; она есть

эта сущность; сущность сущего уже не есть свойство, заключающееся внутри него, это обнаруживающийся закон, который управляет последовательностью своих явлений, это логическое основание данного ряда [7, с. 33]. Ж.-П. Сартр также подчеркивал, что сознание есть настоящая субъективность и впечатление есть субъективная полнота, но эта субъективность не могла выйти из себя для того, чтобы полагать трансцендентный объект, придавая ему полноту впечатления [7, с. 51]. Таким образом, человеческое сознание — необходимое условие для самоидентификации бытия.

Сила гравитации способствует конструированию самых удивительных форм жизни. Любая же конструкция — это, прежде всего, целостность, состоящая из основы и составных частей. Проявление той или иной формы «онтического» сопровождается наличием заданных геометрических параметров, индивидуальных пространственно-временных характеристик. Любая точка в пространстве является важным событием. Актуализируясь, она искривляет пространство в своем направлении. Это означает, что в каждом конкретном участке Вселенной осуществляется крайне важная работа. Таким образом, все другие участки также важны, поскольку они являются необходимыми составляющими мироустройства.

Подобным образом, каждый индивид, явно или анонимно, влияет на качество социального организма. Вследствие этого, социальное тело эволюционирует, а его системные характеристики усложняются. С развитием науки и техники заметно улучшаются условия повседневной жизни, появляются все новые технические возможности. Человек осознанно использует силу притяжения. Руководствуясь собственными нуждами, он вытягивает на поверхность сокрытые в глубоких земных недрах природные ресурсы. Можно сказать, что он имеет непосредственное отношение к гравитации, поскольку выполняет ее основную функцию — осуществляет «притяжение» всех возможных и даже невозможных вещей. Целостная природа онтоса пока не поддается полному описанию, но человек «тяготеет» ко всему неизвестному.

«Социальное» является не менее загадочным. Оно постоянно трансформируется, становится все более топологическим, а его внешние и внутренние характеристики зависят от меняющихся мировоззренческих установок человечества. Например, глобализация (как явление многогранное и полиаспектное) способствует объединению различных жизненных уровней социального (политики, экономики, науки, культуры, искусства, религии). Она репрезентирует социум как всепланетарную сеть. Складывается впечатление, что скоро «Левиафан» может покинуть

родную планету или выйти за ее пределы. Современный философ У. Кен предполагает, что продолжающийся процесс самопреодоления в эволюции производит прерывности, творческие скачки, поэтому в эволюции и есть сдвиги — разум нельзя свести к жизни, жизнь нельзя свести к материи; есть и преемственность — общие модели эволюционируют по всех областях; в этом смысле Космос объединяет, связывает все в единый процесс [5, с. 55].

Социальный онтос отображает особый механизм действия гравитации на коммуникативное пространство. С одной стороны, проявление силы тяготения — это объединение, сжатие, стремление каждого элемента социальной системы к единому центру. Таким «центром» может быть человек (малая или большая группа людей, этнос, культура), инфраструктура (институция, город, государство), духовный продукт (теории, идеи, фантазии, мечты). Все вещи, которые создал человек в процессе своей жизнедеятельности (материальные блага, произведения искусства, а также абстрактные категории добра, справедливости, любви — «вещи в себе»), наделяются дополнительными значениями, поэтому они играют центральную роль. Таких центров, имеющих особый смысл для людей, существует множество.

С другой стороны, можно наблюдать и диффузию — расширение «социальных границ». Демографическая имплозия порождает необходимость переосмысления существующих жизненных ориентиров. Человек сегодня осваивает все новые необжитые территории, накапливает вещи в большом количестве, копирует их и перемещает во всех направлениях, меняя привычные параметры «социального». Планетарная поверхность уже не актуальна для будущих человеческих амбиций, ему необходимо больше жизненного пространства, ему нужна территория без границ. Хотя космические исследования — это сравнительно юная сфера научного познания, в недалеком будущем человечество найдет новые «невозделанные поля» для дальнейшей экспансии. И вряд ли это будет привычная для чувственного восприятия модель социальной жизни. Скорее всего, «социальное тело» приспособится к новым внесезонным условиям. Согласимся с М. Дери, который утверждает, что скорость убегания, она же вторая космическая, — это скорость, с которой тело, скажем космический корабль, преодолевает гравитационную силу другого тела, например Земли; компьютерная культура, или, иначе, киберкультура, все ближе и ближе к тому, чтобы достичь этой второй космической скорости [2, с. 6]. М. Дери отмечает также, что эфемеризация труда и развеществление потребительских товаров в киберкультуре

туре происходит параллельно с дематериализацией человека, его освобождением от телесной оболочки [2, с. 11].

Еще один современный ученый Э. Дэвис подчеркивает, что информационные технологии преодолевают предметный статус просто потому, что они позволяют кодировать и передавать такие бестелесные реальности, как разум и смысл. В некотором смысле эта гибридность отражает вековой давности соперничество между формой и содержанием: материальная и техническая структура медиа налагает на процесс коммуникации формальные ограничения, а непосредственность коммуникации продолжает бросать вызов формальным ограничениям, поскольку акт коммуникации происходит между сознаниями в «конверте» информационных потоков, передающих смыслы, образы и информацию [4, с. 15—16]. Подобное виртуальное пространство лишь симулирует возможность осуществления контроля над гравитационными факторами.

Сегодня во всех социальных сферах используются новейшие технологии. Внедрение более «разумных» кибернетических устройств с уникальными техническими характеристиками, а также эффективных автоматических систем управления, способствует изменению качества повседневной жизни. Например, большинство транспортных средств действительно развивает сверхскорости. Чтобы «виртуальное» стало реальным, необходимо полностью изменить биологические свойства человеческого организма, сделать тело и мозг легко трансформируемыми.

Так, Ф. Розенблатт под «моделью мозга» подразумевает любую теоретическую систему, которая стремится объяснить физиологические функции мозга с помощью известных законов физики и математики, а также известных фактов нейроанатомии и нейрофизиологии [6, с. 23]. Он делает вывод, что следует выяснить является ли мозг по преимуществу более или менее обычным вычислительным устройством, в котором стохастические процессы и адаптация играют случайную и несущественную роль, или же он в значительной степени зависит от этих процессов и поэтому модель, в которой они не учитываются, окажется неспособной объяснить и психологические особенности мозга [6, с. 28].

В свою очередь Майкл А. Арбиб рассматривал нервную систему как обширную сеть нейронов, имеющую сложную структуру и исключительно сложные внутренние соединения. Эта сеть воспринимает информацию от большого числа рецепторов: палочек и колбочек глаз, тактильных рецепторов кожи, температурных рецепторов, которые преобразуют возбуждения, поступающие из внешней среды или возникающие внутри тела человека, во множество электри-

ческих импульсов, посредством которого информация передается в сеть. Эти импульсы взаимодействуют с чрезвычайно сложными «картинами» импульсов, которые циркулировали до этого в нейронах, в результате чего на выходе сети появляются импульсы, управляющие эффекторами (например, мускулами или железами) [1, с. 16]. По его мнению, анатомия и физиология той части человеческого мозга, работа которой относится к высшей нервной деятельности, мало изучена. Хотя макроскопическая анатомия мозга обнаружила сложную структуру, микроскопическая анатомия дает смутную картину, по-видимому, случайных взаимосвязей. Кажется невозможным, чтобы наши гены определяли точную структуру нашего мозга. Гораздо более вероятно, что они определяют некоторые схемы роста, более или менее подверженные меняющимся влияниям опыта. Кроме того, если бы связи были даже строго детерминированы, все равно механизм, посредством которого мозг может распознавать понятия, неизвестен [1, с. 85].

Майкл А. Арbib сделал вывод, что даже если допустить, что человеческий мозг обладает структурой, то мы не достигнем еще никакого прогресса в выяснении следующих двух противоположных точек зрения: а) человек разумен потому, что эволюция снабдила его мозгом с очень сложной структурой. Эта структура выполняет различные функции и, в частности, дает ему возможность учиться. Требуется некоторая критическая степень сложности структуры, чтобы сеть могла изменить себя (независимо от сложности ее правил поощрения) таким способом, который можно было бы считать разумным; б) человек разумен потому, что эволюция снабдила его мозгом с очень сложными взаимосвязями. Схема взаимосвязей не имеет отношения к истинно разумному обучению, которое является результатом действия правил поощрения на достаточно большую, но существенно случайную сеть. Возможно, что истина заключается в искусном соединении этих точек зрения [1, с. 87]. Попытка синтеза «искусственного интеллекта» свидетельствует о непреодолимом желании человека избавиться от привычного, надоедливового и несовершенного тела. Возможно, сила гравитации вообще не подействует на новую форму разумной жизни. Тогда напрашивается вопрос: можно ли давать человеку полную свободу, не окажется ли он своевольным, ведь гравитация проявляется и как эффект сдерживания?

Расширение границ «социального» является природным фактором, хотя имеет энтропийный характер. Ощущение неопределенности, которое испытывает личность в последнее время, а также ее одиночество,

порождены нестабильностью современной жизни и разобщенностью большинства коммуникаторов. Если естественное притяжение между людьми ослабевает, то это свидетельствует о нарушении пропорциональных взаимосвязей, установленных благодаря действию гравитационных факторов. А.М. Яглом, И.М. Яглом доказали, что реальная ценность понятия энтропии определяется в первую очередь тем, что выражаемая им «степень неопределенности» опытов оказывается во многих случаях именно той характеристикой, которая играет роль в разнообразных процессах, встречающихся в природе и технике и так или иначе связанных с передачей и хранением каких-либо сообщений [9, с. 83] и такое определение энтропии с необходимостью вытекает из простейших требований, которые естественно наложить на величину, призванную служить количественной характеристикой степени неопределенности [9, с. 128].

Развивая социальные инфраструктуры, человек «выравнивает» округлости, неровности земной поверхности, меняет естественный ландшафт. Не смотря на меняющиеся представления о конфигурации онтической реальности, он стремится к пропорциональности и соответствию на всех уровнях своей жизни. Как мы уже говорили, он пытается максимально улучшить и свое собственное тело, избавиться его от угловатостей и изъянов. Таким инструментом для упорядочивания повседневной жизни в свое время стала «эвклидова геометрия», которая существенно повлияла на архитектуру, на способ мышления. Сегодня же этим миром пытается управлять пластическая хирургия. Ч. Уэрт, Р. Томсон показывают в своем исследовании, что твердым телам органически свойственна симметрия. Следовательно, при симметричном расположении атомов в пространстве уровень энергии должен быть ниже, чем при хаотическом расположении. Из этого следует, что атомы твердого тела прочно связаны друг с другом и в то же самое время они не сближаются настолько сильно, чтобы резко возросла плотность тела. Поэтому модель твердого тела должна соответствовать по крайней мере двум требованиям: она должна объяснять появление сил притяжения между атомами, когда они находятся далеко друг от друга, и возникновение сил отталкивания при слишком сильном сближении атомов [8, с. 23]. Можно сделать вывод, что гравитация комплектует формы, а сила отталкивания сохраняет их от разрушения (от внутреннего коллапса вследствие увеличения их плотности). Гравитация — это свойство материи перестраиваться и перевоплощаться при помощи энергии. Гравитация структурирует материю, создает симметрию.

В большинстве случаев твердые тела имеют кубическую кристаллическую решетку. «Кубическая форма жизни» благоприятна для человеческого глаза и превалирует также в социальной архитектонике. Она является устойчивым фундаментом, на поверхности которого, надстраиваются бесконечные «жилые сегменты», которые практически вознеслись за пределы стратосферы. Проявление топологии в современной архитектуре — мнимое, поскольку «кубическая основа» все же сохраняется в качестве основы, фундамента. Однако, новые архитектурные решения меняют психические структуры таким образом, что человек на уровне бессознательного уже не испытывает потребности видеть поверхность Земли и практически теряет страх высоты. Также он воспринимает декоративную «кривизну» как нечто само собой разумеющееся. Такие тенденции существенного изменения стиля жизни наблюдаются в сильно урбанизированных мегаполисах.

Все сказанное выше позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, человеческое сознание «копирует» реальность всегда в измененном виде. И это существенно повышает творческий потенциал личности, расширяет ее интеллектуальные возможности, поскольку не ограничивает в подходах к восприятию действительности. Во-вторых, чувственное восприятие «кривизны» как «оформленной» материи является естественной способностью человека, это заложено в его генетической программе. Любое материальное или духовное образование наделено уникальными, неповторимыми свойствами. Оно — единично, несмотря на повторяемость своих подобий. В-третьих, гравитационные факторы влияют на все уровни «онтического» и таким образом делают возможным момент «опредмечивания». Они конструктивным образом структурируют мир, все его системные уровни и измерения. В-четвертых, под действие гравитации, социальный онтос превращается в особую коммуникативную практику, где все участники коммуникации — равноправны, а устанавливаемые ими взаимосвязи — стабильны.

Список литературы:

1. Арбиб М.А. Мозг, машина и математика: [пер. с англ. А.Д. Коршунова] / Майкл А. Арбиб. — М., 1968. — 224 с. (с илл.).
2. Дери М. Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков: [пер. с англ. Т. Парфеновой] / Марк Дери. — Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. — 478, [2] с. — (Philosophy).
3. Диксон П. Фабрики мысли: [пер. с англ.] / Пол Диксон. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 505, [7] с. — (Philosophy).

4. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху: [пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачининой, В. Харитонова] / Эрик Дэвис. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. — 480 с. — (Philosophy).
5. Кен У. Краткая история всего: [пер. с англ. С.В. Зубкова] / Уилбер Кен. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 476, [4] с.: ил. — (Philosophy).
6. Розенблатт Ф. Принципы нейродинамики. Перцептроны и теория механизмов мозга: [пер. с англ. В.Я. Алтаева, Б.А. Власюка, Ю.А. Крутикова, Ю.А. Патругина] / Фрэнк Розенблатт. — М.: Издательство «Мир», 1965. — 480 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии: [пер. с фр.] / Жан-Поль Сартр. — М.: АСТ МОСКВА, 2009. — 925 с. — (Philosophy).
8. Уэрт Ч. Физика твердого тела: [пер. с англ. А.С. Пахомова, Б.Д. Сумма] / Ч. Уэрт, Р. Томсон. — М.: Издательство «Мир», 1969. — 558 с. (с илл.).
9. Яглом А.М. Вероятность и информация / А.М. Яглом, И.М. Яглом. — М.: Главная редакция физико-математической литературы издательства «Наука», 1973. — 512 с. с илл.

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

«ПОЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»: РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА

Петрык Янина Юрьевна

*канд. филос. наук, доцент КубГУ,
г. Краснодар*

E-mail: p_yanina@mail.ru

Термин «поэтическое мышление», как вполне определенная модель постижения действительности, представлена широким кругом явлений, актуальных в последние десятилетия. В западноевропейской философии мыслителем, который активно отстаивал истинность данного подхода, был Хайдеггер М., писавший о мышлении как акте «первопоэтизации», и о необходимости «стихослагания истин бытия» [3, с. 1087], которое только и способствует схватыванию бытия в нерасчлененном виде, в иррациональном единстве.

Позднее в постмодернистской традиции «поэтическое мышление» предполагало отсутствие устойчивой предсказуемой целенаправленности, открывало «дорогу любым значениям возможных миров» [3, с. 265], то есть расценивалось как способность к построению такой модели мира, в которой возможно конструировать образы изначально размытые, не имеющие четких границ, хотя интуитивно угадываемые. Поэтическое мышление представлялось, как способ постижения действительности, в котором не просто осуществляются логические операции с понятиями, но происходит установление и фиксирование глубоких отношений и связей мира, приводящих к выявлению скрытых свойств, не представленных в наглядной ситуации. В постмодернизме была предпринята попытка выявить преимущество подобной модели мышления и своеобразии художественного языка, которое определялось не отходом от документального описания действительности, но возможностью, посредством модификации и преобразования прийти к новому «мирооткрытию». Подобная позиция очень сближает современное толкование эстетических образований в рамках теоретического мышления с концепцией «цельного знания» русского символиста Соловьева В.С.

Всеобъемлющее мирозерцание «цельного знания» свидетельствовало о том, что истина не заключается лишь в логической форме познания или в его эмпирическом содержании, но в их безусловном внутреннем единстве. Таким образом, органическая система Соловьева В.С. обращалась не только к синтезу всех форм познания, но даже больше: к тем формам познавательного процесса, которые традиционно оставались «на периферии рационалистических систем» [3, с. 788].

Соловьев В.С. предлагал обратить внимание на интуицию, в том числе и художественную, понимаемую, как «особенное» «умственное созерцание», являющееся частью эстетического мировосприятия. Область теоретической мысли сливалась с областью художественного, эстетического, мистического воплощения смысла, которые успешнее и эффективнее, нежели понятийное мышление справляются с задачей охватить «все в единстве. Эмпиризм, рационализм, позитивизм, в своей отдельности, и в ограниченности логического мышления не могут дать «цельного знания», так как, соприкасаясь с предметом, они проникают в него внешне и относительно. Таким образом, можно свидетельствовать о единой гносеологической установке русского символизма и постмодернизма, тяготеющих к общности теоретических построений и полиморфного художественного опыта, воплощенного в искусстве.

В философии постмодерна и в русском символизме вполне осознаётся тот факт, что философия и искусство являются различными способами выражения духа и объяснения мира. Однако синтезы, используемые обоими, чтобы придать чувственно-многообразному форму и текучему структуру, обнаруживают некоторое единство и соответствие. Для постмодернизма и русского символизма искусство мыслится, как феномен, имеющий достаточно широкий спектр действия. Во-первых, именно искусство в состоянии объективировать те, глубочайшие внутренние определения и качества живой идеи, которые не могут быть выражены природой. Во-вторых, искусство одухотворяет природную красоту, и ставит вопрос о степени выраженности её в теоретических условиях. И, в-третьих, искусство фиксирует индивидуальные явления красоты, и тем самым служит объективным целям [1, с. 87]. Именно в единстве художественного мировидения и философии, абсолютная идея, сможет раскрыться во всей полноте, представляя живое единство общего и отдельного, необходимого и случайного, как составляющая истинное содержание и художественных образов, и философских понятий.

Вместе с тем следует отметить, что подобная позиция по отношению к искусству, признание его особого статуса, не была чем-то нарочито оригинальным и самобытным. В рамках западно-европейской эстетики отчетливо проявились две линии в осмыслении статуса искусства, которые способствовали становлению, как эстетической программы русского символизма, так и последующих постмодернистских идей.

По мнению некоторых авторитетных исследователей (Гулыга А.В., Колесников В.Н) первая линия отчетливо видна в эстетических учениях Канта и Шеллинга, где искусство мыслится, как важнейшее средство проникновения в мир сверхчувственного и осознается как трансцендентальный посредник между имманентным и трансцендентным. Вторую линию представлял Гегель, полагавший, что определенный круг и определенная ступень истины могут найти свою воплощение в форме художественного творчества. Таким образом, как полагает Колесников В.Н. [1, с. 89], становилось возможным признание того факта, что художественная деятельность наравне с любой научной (теоретической) деятельностью выполняет идейно-эвристическую функцию, привносит новые смысловые компоненты, и представляет собой самостоятельный модус философствования. Согласно этой позиции, искусство не склонно выполнять только остенсивную функцию, то есть не является способом наглядного демонстрирования, иллюстрацией идей, но результаты художественной деятельности, вполне могут быть включены в поле зрения философии. Искусство воспринимается, как процесс прямого «усмотрения» истины, не опирающийся на доказательство, но его итоги не менее интересны и продуктивны, нежели результаты логического мышления, базирующегося на строгой системе доказательств. Наиболее значимым из искусств, несомненно, представлялось поэтическое творчество, которое не служит напрямую специально познавательной функции человека, но является уникальным способом восприятия, осуществления и воплощения истинно-сущего. Искусство поэзии помогает устанавливать внутренний (магический) контакт с всеединым, связываться с подлинной сущностью вещей, являясь разновидностью непосредственного интуитивного созерцания, способностью восхождения к абсолюту и воплощения его в определенной и соразмерной форме. Поэзия выполняла более широкую жизненную задачу, нежели удовлетворение чисто-художественных устремлений человека.

Соловьев В.С. обосновывал единство философии и поэзии. Изначально поэтическое творчество связано с метафизикой, и существенное родство их составляет то, что обе сферы, есть результат

«некоторого субъективного творчества». Поэзия, как и философия воплощает все те же идеальные образы, привнося субъективный компонент, состоящий в созвучии с объективным смыслом. Отличие первой от второй состоит только в «формальной конечности» и «красоте форм», благодаря которым поэтическое произведение всегда превосходит философское. Что же касается доказательности, то данный критерий не может служить основанием их различия, так как этот феномен скорее может быть отнесен безоговорочно к положительным наукам, а не только к философии. В этой связи утверждение Соловьева В.С. о грядущем «переносе вопроса об истине» [1, с. 97] в сферу эстетическую, давало возможность в последующей культуре укорениться уникальному феномену — «поэтическому мышлению».

Резюмируя все выше сказанное, следует отметить, что русские символисты применяли практику совмещения рационалистического и эмпирического, образного и понятийного, теоретического и художественного знания. Искусство и в частности поэзия, являясь специфической мыслительной деятельностью, воздействует на мыслительный процесс, определяя его характер и особенность форм его осуществления. Символисты стремились не только определить, и теоретически обосновать поэзию, как род искусства, но и определить эстетические каноны, отыскать эстетический, нравственный и теоретический «корень» поэтического, на практике реализовать собственные теоретические идеи, которые остались бы не проявленными без поэтического толкования. Таким образом, мы получаем художественно-теоретическую рефлексию, где сама мысль (истина) смещается в эстетическую сферу и становится эстетическим актом. В данном случае на теоретическом уровне поэзия выступает как способ организации знания, как чувственно-рациональный, образно-понятийный элемент освоения мира, и раскрытия истинно-сущего. В поэтическом творчестве, не являющимся методом познания, не возникает проблема генезиса познавательных возможностей, но возникает проблема структурирования и оформления их.

Несомненно, «поэтическое мышление» и связанная с ним модель постижения действительности представлена не только русским символизмом, но широким кругом явлений, которые условно могут быть названы, и определены как феномены «постнаучного мышления». По мнению немецкого философа Хайдеггера М., доступ к бытию открывается посредством особого поэтического языка, как языка «до логического», формы поэтического суждения и символа, тогда как анализ бытия на языке дискурсивного, выраженного в понятиях

мышления невозможен. В постмодернизме, где поэтический язык противопоставлялся языку практическому и языку естественных наук, понятийное мышление интерпретировалось, как «неспособное зафиксировать в жестко-универсальных средствах бытие» [3, с. 788], тогда как «поэтическое мышление» рассматривалось в качестве своеобразного феномена, который даёт возможность обобщения на высоком теоретическом уровне и делает осуществимым построение «образно-концептуальной модели мира» [3, с. 787].

Новое теоретико-художественное мировидение, распространяется на сферу познания, сферу искусства и творчества, которые совместно образуют уникальное видение мира, придающее философскому дискурсу наибольшую выразительность. В поэтическом мышлении нивелируется ситуация, когда философия вместо рефлексии ищет познания через чистое чувствование, а искусство вместо спонтанного творчества рефлектирует. Подобный подход воплощает продуктивную идею о том, что «дискурсивное мыслимо только в выражении» [3, с. 787], а это означает, что между сферой познания и сферой творчества, между философией и искусством нет противоречия и возможно действительное слияние и перемещения истины в эстетическую сферу.

Список литературы:

1. Бычков В.В. Эстетические пророчества русского символизма. // Полигнозис № 1 М., 1999. — с. 83—104.
2. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. — СПб.: Алетейя, 2000. — 347 с.
3. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. — Мн.: Книжный Дом. 2003. — 1280 с.

ФИЛОСОФИЯ ФЕНОМЕНАЛЬНОГО ФОРМАЛИЗМА Н.Г. ДЕБОЛЬСКОГО

Ребещенкова Ирина Григорьевна

д-р филос. наук, профессор, НМСУ «Горный»,

г. Санкт-Петербург

E-mail: irinagr@rambler.ru

Ядром многогранной теоретической системы русского философа Н.Г. Дебольского (1842—1918) является учение, которое он назвал философией феноменального формализма. Целью этой философии было обнаружение и обоснование существования Первоума (Верховного разума), приравненного к первоначалу мира и к Богу.

Философия феноменального формализма как спекулятивная система, подобно классической схоластике, является разновидностью теологии — своего рода философским (гносеологическим и метафизическим) обоснованием существования Бога и раскрытием его сущности.

Сам Дебольский, отдавая должное своим великим предшественникам в разработке метафизики ума, в то же самое время понимал то, что на этом пути существует множество препятствий. Он писал о том, что задача ее создания «столь трудна и многосложна, что она не могла быть исполнена в скорости и, вероятно, долго еще будет служить испытанием для критической силы человеческой мысли» [1, с. 89].

Наиболее сложной из всех разновидностей метафизик надо признать именно метафизику ума, полагающую свое первое начало в уме, т. е. в ней сам ум является объектом осмысления, в то время как иная метафизика, выступая в качестве особого познания, является делом ума, т. е. его деятельностью.

Для Дебольского с самого начала важно было установить определение философии, которое он мог бы положить в основание своей теоретической системы. Он определил ее как науку о первопричине всего существующего.

Поиск первопричин (первопричины) сущего, действительно, велся в философии постоянно, начиная с момента ее зарождения, причем их существование, как правило, не оспаривалось. Чаще оспаривались результаты этого поиска, а также, что немаловажно — принципиальная возможность познания этих причин (их познаваемость).

Решение проблемы познаваемости первопричин и значимость вариантов этого решения для установления сути философии стали

у Дебольского критерием разделения учений на две группы: 1) учений эмпиризма, отрицающего познаваемость первопричины и 2) учений метаэмпиризма, признающего эту познаваемость.

Метаэмпиризм русский философ считал неоднородным, проявляющимся в двух разновидностях: в форме реализма (в метафизическом смысле слова), исходящего в познании первопричин из содержания познания, и в форме формализма, исходящего в этом познании из законов (форм) познания. Первый вид реализма (метафизический) в истории философии проявился в трех формах: материализма, спиритуализма, мистицизма. Эта классификация философских учений Дебольского предваряла изложение им собственного учения о феноменальном формализме [1, с. 1].

Эту же схему, как принципиальную именно для этого мыслителя, привел в реферате книги «Философия феноменального формализма» и Н.Н. Ланге, который выделил как характерное для этого случая утверждение о том, что «первое начало» может быть охарактеризовано лишь как логический элемент нашего знания, т.е. как ум. А это является показателем как раз того, что Н.Г. Дебольский является сторонником метафизического формализма [3, с. 200].

Для Дебольского как создателя учения о феноменальном формализме, т.е. о таком формализме, который полагает первое начало в уме, важно было также установить своих предшественников в этом деле в западной философии. При этом становление формализма было разделено на три этапа и, соответственно, на три типа.

В качестве первого этапа его формирования и, следовательно, в качестве первой исторической его формы был назван критический формализм Канта, заслуга которого заключалась в перемещении центра тяжести философии из области вещей в область законов или форм их познания, а также — в признании наличия в уме сверхопытного начала. Но Кант не смог (или не решился) вывести (или не вывел) из этих форм содержание познания и поэтому воздержался от заключения о первопричине, именно, о том, что первоначало имело бытие в самом себе, вне связи с чувственностью. В результате этого, учение Канта в форме критического формализма, согласно Дебольскому, имело один существенный недостаток: оно остановилось на двойственности ума и чувственности и по этой причине не стало желаемым примирением противостоящих друг другу направлений — эмпиризма и метаэмпиризма [1, с. 1].

Второй этап становления и вторая историческая форма формализма — субъективный формализм, был обнаружен в философии Фихте, отбросившего понятие независимого от ума содержания

познания и признавшего это содержание за произведение ума — ограниченное, но стремящегося к бесконечному расширению субъекта.

Третьим этапом развертывания формализма и третьей его исторической формой был признан абсолютный формализм Гегеля, который полагал то, что ум как первое начало есть только ум. Стремившийся устранить обосновываемую Фихте субъективность или ограниченность ума, он пытался вывести все содержание познания из чистой, саморазвивающейся мысли. Его главная ошибка при этом заключалась в том, что он не отличал Первоум от ума человека. Метод философского умозрения в этом учении был отождествлен с действием Первоума, а Бог при этом был очеловечен, человеческий же ум превознесен как божество [3, с. 201].

Итак, по оценке Дебольского, его непосредственные предшественники на пути становления философии формализма — Кант, Фихте и Гегель — ошибались в своих учениях, причем каждый это делал по-своему. Так, Фихте и Гегель ошибались в том, что переносили формальное свойство человеческого (ограниченного) ума на ум, который не должен иметь ограничений — на Первоум, обладающий к тому же, в отличие от первого, творческой силой. Недостатком Канта была признана его остановка на двойственности ума и чувственности. Вместе с тем, несмотря на недостатки учений создателей немецкой классической философии, в каждом из них Дебольский стремился выявить и выявлял зародыши своего собственного учения о формализме.

Для создания основ новой — феноменальной — формы формализма, которую задумал разработать русский философ, после проделанной до него работы надо было сделать следующий шаг — признать то, что двойственность содержания и формы присутствует только в нашем, человеческом, уме, но не в уме божественном. По этой причине новое учение, по замыслу его автора, явно находившемся под влиянием гегелевской идеалистической диалектики, должно было стать учением об уме, который только является как форма, а в действительности, сам в себе, в своей истинной, непредставимой сущности, есть ум целостный, конкретный. (Отметим в этой связи мнение Г.В. Флоровского, утверждавшего, что «в системе Гегеля пафос формы окончательно торжествует» [6, с. 416.]). И тогда, по признанию Дебольского, новое учение, представляло собой, в первую очередь, естественное последствие и одновременно — исправление абсолютного формализма Гегеля, ошибка которого заключалась в том, что в абсолютный ум был возведен только ум феноменальный (т. е. тот, который лишь проявляется в нашей

мысли как ее форма или закон). Человеческое же мышление может быть не абсолютным умом, а, в силу своей ограниченности, только лишь его явлением. «Абсолютный ум, — полагал он, приступая к разработке, своей модификации феноменологии идеального, — является как форма или закон в нашем, субъективном и мыслящем, уме... Отсюда название феноменального формализма. В показание того, что черпает познание первопричины из исследования не содержания, а формы познания, излагаемое мною учение понимает эту форму не как самую первопричину, а как то обнаружение в мире явлений, по которому мы имеем возможность умопостигать ее» [1, с. 2].

По мысли Дебольского, его учение о формализме должно отличаться было и от формализма Гегеля (признанием возможности творческой деятельности ума — Первоума), и от формализма Фихте (отсутствием в нем признака воли, носящей опытный характер).

В итоге Дебольский на основе скрупулезного изучения предпринятых в учениях Канта, Фихте, Гегеля серьезных попыток разработки формализма и с учетом их достижений и неудач на этом пути, поставил перед собой задачу создать четвертую его разновидность, в которой преодолевались бы их недостатки и были бы развиты их достоинства. Эту новую разновидность формализма он, как видно, назвал феноменальным формализмом.

Для понимания сути и истоков предложенной русским мыслителем философии, таким образом, надо непременно учитывать, в первую очередь, приведенное признание самого Дебольского в том, что она непосредственно вытекала из абсолютного формализма (объективного идеализма) Гегеля и вместе с тем — исправляла, преодолевала выявленные его недостатки. Это признание может быть взято за основу при определении места учения феноменального формализма в истории философии. Оно же является основанием для оценки Дебольского как представителя позднего гегельянства.

Однако, как представляется, дело значительно сложнее: его собственная концепция не может быть сведена однозначно и только лишь к формализму гегелевского типа, а на самом деле, является результатом сложной переработки различных философских систем и традиций. В ней можно обнаружить также преобразованные в определенном духе идеи других представителей немецкой философии (Лейбница, Шеллинга), а также отдаленных от него — Бэкона, Декарта, Спинозы, Платона, Аристотеля, Плотина и др.

В данном случае интерес представляют, опять-таки, размышления Флоровского, крепко связавшего далеко отстоявшие во времени друг от друга немецкое и древнегреческое мышление. Так, он утверждал

то, что «...в сознании немецкого идеализма определяющими были греческие влияния ... Можно говорить о творческом возрождении античных традиций мысли в немецком идеализме, об острой эллинизации немецкого философского сознания...И в немецком идеализме эллинистична, прежде всего, проблематика ...» [6, с. 414].

«Эллинистическая проблематика» в классической немецкой философии, согласно Флоровскому, — это, в первую очередь, как раз и есть вопрос о формах мира. «В своем замысле, — писал он, — античная философия есть универсальная метафизическая морфология бытия, учение об идеальной структуре или архитектонике мира. Учение о вечном идеальном мире, о мире первообразов и форм и было творческим открытием, великим историческим делом эллинского гения в философии...В античном космосе живет и немецкий идеализм. Он снова был морфологией мира...Всего резче выражен морфологический замысел у Гегеля, в его Логике ... И это был общий замысел идеализма» [6, с. 414—415].

В приведенных компаративистских рассуждениях Флоровского, как можно видеть, акцент поставлен именно на единстве античного и немецкого мышления в постановке метафизической проблемы формального аспекта бытия — его универсальных форм.

Тогда можно сказать о том, что Дебольский, приступая к созданию своего учения, интегрируя в нее гегелевскую систему, отталкиваясь от нее, тем самым, невольно продолжил античную традицию, дошедшую до него в многократно преобразованном виде. И в этом плане, в первую очередь, речь должна идти о Платоне, о философском замысле которого Флоровский написал: подлинный мир для него есть мир вечных и недвижимых форм.

Корни феноменального формализма, таким образом, как очевидно, можно считать прочными, уходящими на ранний этап западноевропейской философии.

Надо отдать должное Дебольскому в том, что открыто признав себя наследником немецкой классической философии в целом (главным образом — Гегеля), он вместе с тем критически подходил к этой философии. Так, он указал на принципиальную ошибку этого немецкого философа — неоправданное возведение в абсолютный ум того ума, который в действительности только субъективен, феноменологичен и проявляется в нашем уме лишь как форма или закон последнего. При этом, если в поисках первопричины надлежит отбросить ее всякую субъективность, как это делал Гегель, то последовательным было бы отбросить также и субъективность мысли.

Дело в том, человеческое мышление, согласно Дебольскому — это акт ограниченного ума, который может иметь первопричину лишь своим предметом, но именно в силу своей ограниченности, сам не может быть первопричиной.

Другими словами, суть его позиции заключается в том, что наш (человеческий) ограниченный ум не может рассматриваться в качестве абсолютного ума, но лишь — в качестве явления или порождения последнего. Абсолютный ум, таким образом, является в нашем уме, субъективном или мыслящем, в виде формы или закона.

Исследуя эту форму или закон, можно постигнуть (опосредованным путем) происхождение содержания познания из того ума, явлением которого она служит, т. е. абсолютного ума. Из сущности рассмотренных здесь философско-теоретических и методологических установок, вытекающих из идеализма кантовско-гегелевского типа, усиливающих в учении Дебольского этот идеализм (а на самом деле — из идеализма платоновского типа), и выводилось название предлагаемой им новой системы, именно — философия феноменального формализма.

В своем учении русский философ реализовывал установку Канта на то, что решение такой фундаментальной мировоззренческой задачи, какой является задача постижения первопричины мира, проистекает из исследования познания, точнее, из исследования его формы, которая является не самой первопричиной, а лишь тем ее обнаружением в мире явлений, благодаря которому мы только и имеем возможность умопостигать ее.

В этом стремлении Канта и Дебольского проявилось еще одно неустанное стремление философов — стремление стереть границы между онтологией и гносеологией (и антропологией), установить и обосновать их тождество [4, с. 236—239].

Первый выпуск труда «Философия феноменального формализма», содержащего изложение его концепции, Дебольский назвал «Введение в метафизику», заметив при этом, что термин «метафизика» он берет в широком значении: как учение о сверхопытном и в этом смысле — тождественным термину «философия» [1, с. 3].

Задача разработки философии феноменального формализма потребовала, как уже говорилось, определения сути самой философии. Она была определена в аристотелевской традиции, как «наука первичных истин, т. е. как наука, возводящая исследование своего предмета к первому началу, далее которого наш ум не может восходить по самой его природе» [1, с. 5].

Поскольку речь шла о первоначале сущего, постольку здесь философия приравнивалась к метафизике, которую в условиях ослабления ее позиций в конце XIX века, под давлением позитивизма, в результате развития науки и кризиса христианской религии, Дебольский стремился восстановить и обосновать [2, с. 331—348].

В данной дефиниции философии содержится эксплицитное указание (в кантовском духе) на существование границ возможностей человеческого ума, причем обусловленных самой его сущностью («самой его природой»), а не какими-то внешними причинами. При этом не было учтено, точно так же, как и в свое время не учел и Кант, то обстоятельство, что утверждение человеком границ собственного познания заключает в себе внутреннее противоречие: при признании ограниченности, относительности своего ума делаются претендующие на истинность утверждения о постижении первоначала мира — абсолютного.

Признаваемая ограниченность человеческого ума может проявиться и проявляется в действительности при определении им собственных границ. Так, если быть последовательным, то надо признать, что утверждать с абсолютной уверенностью о существовании границ собственного восхождения к первому началу, т. е. о существовании границ познания (именно в силу своей исходной ограниченности, недостаточности, слабости) ум не может.

Еще один уязвимый момент приведенного определения философии заключается в том, что, если первое начало — это тот предел, «далее которого наш ум не может восходить по самой его природе», то откуда известно, что это действительно первое начало, что это действительно предел, т. е., то, что за ним не существует еще одно начало и т. д.?

В этом определении философии содержится еще одно затруднение: первоначало мира в нем не носит самодовлеющего характера, а ставится в зависимость от познания (причем от человеческого, а значит — несовершенного, познания), от его возможностей, т. е. от субъекта и его познавательных способностей, причем лишь от одной из них — от его ума. Но при этом надо помнить также и о том, что субъектов, обладающих абсолютно одинаковыми познавательными способностями, абсолютно одинаковым умом, не существует. Следовательно, нельзя говорить о том, что всеми будет найдено единое первоначало. Каждый индивидуальный субъект (ум) может обнаружить в мире «свое» первоначало. Кроме того, у одного и того же субъекта ранее признанное начало, в случае выхода ума на более совершенную (на спекулятивную) ступень своего развития,

может быть отвергнуто и заменено на другое. Но в таких случаях, т. е. в случаях признания существования множества разных «первоначал» происходит разрушение самого этого понятия. «Первое начало», по самой своей сути, т. е. именно потому, что оно «первое», должно быть единственным.

Ставя определение главного объекта метафизики — первоначала мира — в зависимость от нашего ума, Дебольский не учел также и то, что состояние этого ума может быть различным: менее или более развитым или зрелым, менее или более пронизательным, больным или здоровым — всего того, что влияет на познание любого объекта, тем более на постижение первоначала сущего.

Относительно дефиниции философии как учения о сверхопытном также возникает ряд вопросов: почему это учение является учением именно о сверхопытном? Почему при этом исключается опытное? Почему философия не может охватывать сущее в целом?

Ответ Дебольского на эти вопросы заключался в том, что искомое первоначало должно быть основанием опыта, и поэтому не может находиться в нем, а непременно должно быть за его пределами, т. е. должно быть сверхопытным. Надо учесть и то, что иногда, например, в эмпиризме, сверхопытное отрицается, хотя и не исключается из сферы его размышлений.

При сохранении термина «философия» для обозначения науки о сверхопытном, под метафизикой Дебольский предложил далее понимать также учение о методе и начале.

С учетом сказанного не покажется случайным то, что его книга «Философия феноменального формализма» открывается не только уточнением понимания самой философии (как метафизики), но и сравнением ее с частными науками.

Уже в самом определении философии как науки о первичных истинах, о первом начале сущего заключалось основание для разграничения и даже противопоставления философии и частных наук. Последние не исследуют первые начала мира и, следовательно, достигают истин не первичных, коренящихся в самом строе ума (как это делает, по словам Дебольского, философия), а вторичных истин, допущенных лишь при определенных условиях и главное — без какой-либо специальной рефлексии.

Естественные науки, например, утверждают о «вещественной природе», предполагая независимое от нас ее существование. Законность этих утверждений самими учеными предварительно, как правило, не проверяется и не обосновывается. Такая же ситуация и в математике, которая содержит утверждения о величинах, прини-

маемых как готовые предположения, без анализа их природы и без поиска их истоков, без их выведения. Таким образом, естественнонаучные и математические истины могут считаться истинами в той мере, в какой справедливы допущенные науками предположения и, в первую очередь, предположение о существовании внешнего мира. Последние же выступают предметами уже не математического или естественнонаучного анализа, а философско-методологического исследования.

Искомое в философии первоначало должно обосновывать вторичные начала, на которых покоятся специальные науки, в то время как само оно, это первоначало, по своей сути, не нуждается ни в каком другом начале [1, с. 3].

Надо признать справедливым то, что никакие данные чувственного опыта не соответствуют понятию первоначала, точно также не соответствуют ему начала, содержания которых должны мыслиться как *regress in infinitum*.

Видно то, что в ходе данного рассмотрения соотношения философии как метафизики с частными науками, делался акцент на их различии не вообще, а, именно, по их отношению к первоначалу и процессу его поиска.

Однако, надо учесть то, что вместе с различием, философия и частные науки имеют также и сходство. Именно на последнем сосредоточил свое внимание В.С. Соловьев в статье «Метафизика» [5, с. 164—166].

В этой статье, помимо предложения дефиниции метафизики как умозрительного учения о первоначальных основах всякого бытия или о сущности мира, выявлен ряд недоразумений в утверждении существования контраста между философией и частными науками.

Первое недоразумение заключается в том, что различие между положительной наукой или физикой (в широком смысле, приданном ей древними философами) и метафизикой полагается в том, что первая есть знание относительное и потому доступное человеческому уму, тогда как вторая имеет притязание быть знанием абсолютным, не соответствующим человеческим способностям в силу их слабости и ограниченности.

Это рассуждение, полагал Соловьев, основано на неопределенном употреблении термина «абсолютное знание». Но дело заключается в том, что никакая метафизика не имеет притязания быть абсолютным знанием во всех отношениях, т. е. она, все-таки, содержит в себе относительное знание, а, с другой стороны, всякая наука заключает в себе знание, в известном смысле, абсолютное. Таковы, например, истины математические. Помимо этих формальных

абсолютных истин, есть в науке истины материальные, признаваемые учеными как абсолютно достоверные. Так, для биолога существует истина абсолютная: этот мир есть действительное бытие, а не мечта его воображения.

Итак, со стороны общего характера знания и самооценки его в смысле достоверности между метафизикой и положительной наукой, по мнению Соловьева, контраста не существует. Не существует его и в отношении предмета познания. Так, ошибочно утверждают, будто предметом метафизики является непознаваемая сущность вещей, тогда как предмет положительной науки — познаваемый мир явлений. Но безусловное противопоставление сущности и явления, как известно, неоправданно. Поскольку явление обнаруживает, проявляет сущность, и сущность обнаруживается в явлении, постольку в мире провести определенную и постоянную границу между ними, а, следовательно — между соответствующими им способами познания — метафизикой и положительными науками, невозможно, и безусловное их противопоставление есть явная ошибка.

Различие же между положительной наукой и метафизикой существует в том, что первая изучает явления и их сущность с определенной стороны и в определенной области, а метафизика, имея в виду все явления в совокупности, исследует общую сущность или первоосновы вселенной.

Соловьев признавал ошибочным противопоставление метафизики и частных наук и по методу, точнее, противопоставление метафизики как знания

- чисто-умозрительного — положительной науке как знанию чисто-опытному, предложив при этом ряд аргументов. Дело в том, что действительность, с которой имеет дело положительная наука — это умственное построение, обладающее
- сверхчувственным характером. По этой причине эта наука неизбежно становится на тот путь сверхчувственного построения вселенной, по которому пытается идти метафизика.

У метафизики нет какого-нибудь особого, свойственного исключительно только ей метода, т. к. она пользуется всеми способами научного мышления, отличаясь от положительных наук лишь стремлением дойти до окончательного мировоззрения, из которого можно было бы объяснить все области бытия, в их внутренней связи.

Таким образом, между положительной наукой и философией именно как метафизикой Соловьев отрицал контраст и обнаружил их сходство в двух планах: а) первая включает в себя свойственные

второй сверхчувственные элементы; б) их методы, в известном смысле, совпадают.

В качестве исходного положения своего учения Дебольский выдвинул гипотетический, но вместе с тем принципиальный для него, идеалистический тезис, вдохновленный кантовскими и гегелевскими идеями, а опосредованно — идеями античной философии, начиная с Анаксагора и включая платонизм, аристотелизм и неоплатонизм: первоначалом существующего может быть только ум сам по себе (в его логических функциях). Следствием задания и принятия такого тезиса стало превращение предпринятого мыслителем философского осмысления первого начала в анализ свойств или природы ума как такового, освобожденного от всех случайных (эмпирических) определений — чистой мысли, превращение его исследования в самоисследование [1, с. 6—7].

Но правомерно ли утверждение Дебольского о том, что первоначалом сущего может быть только ум сам по себе, т. е. гипостазированный ум, взятый в качестве исходной предпосылки исследования? Дело в том, что он взял ум в качестве первоначала как нечто данное, абсолютное, совершенное, не имеющее генезиса, абстрагированное от конкретных его носителей — субъектов познания. За первоначало существующего им была принята некая «бедная» абстракция — отвлечение от конкретных умов, от которой, тем не менее, по определению, должно было зависеть производное от нее сущее.

Итак, несмотря на указанную сложность уже в исходном положении, философия феноменального формализма представляла с самого начала в качестве саморефлексии ума — самоисследования его собственной природы как самостоятельной сущности и в то же время — как сверхопытной первоосновы сущего. Следствием этого было как раз то, что эта философия с необходимостью должна была быть и реально стала метафизикой ума.

Если принять, вслед за Дебольским, понимание предмета и задачи философии как учения о сущности ума как такового, то неизбежно возникает вопрос о путях (методах) изучения умом самого себя, решение которого составляет специфическую методологию — двойную саморефлексию ума.

Следует здесь отметить существенное затруднение, которое осознаёт методологически мыслящий исследователь не только ума, но и любого другого объекта: всегда возникает своего рода когнитивный круг: с одной стороны, исследование ума как такового, определение его сущности требует осознанной и адекватной методологии (понимание специфики путей и способов этого исследования)

и адекватного ее применения; с другой стороны, предварительная разработка методологии исследования любого объекта для последующего его изучения может проводиться только лишь при несомненности существования этого объекта и его идентификации, т. е. понимания его сущности. И тогда цель исследования (понимание природы ума) должна присутствовать в самом начале разработки его методологии как ее исходный пункт, причем как уже известный объект. В результате этого получается замкнутый круг, единственным выходом из которого является формулирование и принятие совокупности неких предварительных, пусть даже неустойчивых (или не совсем устойчивых), допущений. Это необходимо сделать хотя бы для того, чтобы исследование могло начаться. Но при этом обязательно должна осознаваться условность этих допущений.

В поисках путей и способов самоисследования ума, как и в самом утверждении его в качестве первоначала, Дебольский выступил в качестве очевидного и несомненного восприимчива учений Канта, Гегеля и Фихте. Эти учения русский философ пытался скорректировать в более радикальную сторону с помощью идей и положений более последовательного, абсолютного и объективного, идеализма. Эта коррекция приведет Дебольского, в конечном итоге, к отождествлению ума, точнее, его первичной (в его учении) ипостаси — Первоума — с Богом, и, тем самым, — к превращению его учения феноменального формализма в философски фундированную форму теизма.

Список литературы:

1. Дебольский Н.Г. Философия феноменального формализма. Вып. 1. Метафизика. СПб. тип. С.Ф. Яздовского, 1892. — 181 с.
2. Дебольский Н.Г. В защиту метафизики // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 6. С. 331—348.
3. Ланге Н.Н. Философия феноменального формализма Н.Г. Дебольского // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 328. № 4. С. 197—246.
4. Ребенцова И.Г. Онтология-антропология-эпистемология: тенденция преодоления границ // Человек-Философия-Гуманизм: Тез. докл. И выступ. Перв. Рос. Филос. конгресса 4—7 июня 1997 г. В 7 т. Т. 1. Философия в духовной жизни общества. СПб., 1997. С. 236—239.
5. Соловьев В.С. Метафизика / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т 19 (37). СПб., 1896. С. 164—166.
6. Флоровский Г.В. Спор о немецком идеализме // Г.В. Флоровский. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 412—430.

3.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

О БОГОСЛОВСКИХ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИМЕНИ (СЛОВА)

Полева Татьяна Александровна

*канд. филос. наук, доцент Православного Свято-Тихоновского
Гуманитарного университета, г. Москва,
преподаватель Белгородской Православной Духовной семинарии
(с миссионерской направленностью),
г. Белгород
E- mail: polet_ta@mail.ru*

В наше время процессы обмирщения общества и вместе с тем десакрализации человеческой речи принимают глобальный характер. В эпоху развития информационных технологий большую роль в этом играет виртуальная сеть Интернет, для которой характерно изначальное отсутствие каких-то ни было ограничений на содержание информации и на ее распространение. Пространство человеческого общения все больше заполняется информацией упрощенного по смыслу содержания и сомнительного качества. Как писал свящ. Сергей Булгаков, «глубока болезнь слова вместе с болезнью самого бытия: оно стало видимо лишь по отражениям, схемам, карикатурам» [2]. Однако словесная жизнь человечества продолжается даже в искаженных формах, характер которых зависит от нравственного и духовного (религиозного) состояния человека.

В этой статье проведем небольшое обобщение интерпретации слова в целом и имени в частности, проследив богословскую традицию, сложившуюся в восточно-христианской мысли, а также обратимся к философско-феноменологическим концепциям имени и слова в сочинениях о. П. Флоренского, о. С. Булгакова и А.Ф. Лосева.

В древнем религиозном сознании все стороны жизни, в том числе и словесное бытие, были связаны с культом той религии, в которой это сознание обитало. Особым феноменом в словесной жизни человека издревле был феномен имени. Имя в представлении человека религиозного было центром бытия, обладало некой мистической силой, признавалось частью человека, его носящего, т. е. имя было «слито с его самосознанием» [14, с. 65] и поэтому было своеобразной

«ахиллесовой пятой» человека. Политеистическое сознание придавало имени магический (демонический) характер [14, с. 136—137].

Монотеистическое сознание в Ветхом Завете также воспринимало имя как таинственный символ, указывающий на внутренние характеристики носителя имени, его глубинную сущность, и на то место, которое носитель имени должен занимать в мире. С первых страниц Библии можно увидеть, что наречение имени — это знак установления господства. Назвать, наречь кого-то, т. е. самостоятельно дать имя, означало овладеть им [1, с. 25]. Это понимание имени как знака власти прослеживается по всему Ветхому Завету (см., например, Пс. 48:12; Дан. 9:18, Иер. 7:10; Ис. 63:19). Важный аспект библейского понимания сущности имени раскрывается в православном догматическом богословии, в котором отмечается, что наречение человеком имен живым существам в Эдеме свидетельствует об уникальной способности целомудренного разума человека (до грехопадения) прозревать в суть вещей и участвовать в божественном творчестве. Употребление имени в Ветхом Завете также указывало на наследие, которое нес в себе каждый человек. С именем напрямую связывали личность носителя: его славу, бесчестие, гибель, т. е. «то, что принадлежало имени, то принадлежало и носителю его» [9, с. 51—58].

Но особое значение в Библии придается имени Бога. Характерно, по замечанию митр. Илариона (Алфеева), что отрывки Ветхого Завета, так или иначе связанные с Богом, свидетельствуют о том, что общение с Ним происходит в сфере имен [3]. В Священном Писании насчитывается не менее ста свидетельств, показывающих, что человек сам пытался дать имена Богу, стараясь установить связь с Ним, однако единственное имя, с которым Бог Сам открылся человечеству — это YHWH (Яхве). Существует несколько переводов этого имени. Кроме общеизвестного перевода «Суший», есть мнение, что Яхве — «имя, которым Бог представляет Себя как присутствующего здесь и сейчас, и не просто присутствующего, но и действующего для избавления. Яхве — имя спасения» [8, с. 15]. Богословский смысл этого имени состоит в том, что именно оно открыло путь к богопознанию, хотя само по себе не открыло тайны Божественной сущности. В Новом Завете прямое отношение к богословию имени имеют описанные в Евангелиях от Матфея и Луки явления ангела Захарии, Марии и Иосифу (Лк. 1:13;30,31, Мф. 1:20,21). Наречение ангелом Спасителя именем Иисус с первых строк Нового Завета устанавливает связь этого имени со священной тетраграммой YHWH, ибо само по себе имя Иисус, которое на еврейско-арамейском диалекте

более правильно звучит как Иесуа, Иешуа, Иашуа, Ишуа — это сокращенное произношение от полного древнееврейского имени Йахошуа, что значит «Яхве — Спаситель» [4]. Это означает, что в лице Христа явился Сам Яхве, но в облике страдающего Мессии. Имя, которое Бог Отец даровал Сыну, как следует из Евангелий, есть имя «Господь» (Κύριος). Согласно исследованиям имя «Господь» — это богослужебно-бытовой вариант имени Яхве. Имена Иисус и Господь так или иначе связаны со священным именем YHWH [4].

Из вышесказанного следует, что богословие имени основано на библейских свидетельствах, которые доказывают идентичность Иисуса Христа с ветхозаветным Яхве. Прямое отношение к пониманию имени, прежде всего, Имени Божия имеет также возникший в начале XX в. Афонский спор о сущности имени Божия. Обратимся к основным идеям о. С. Булгакова, о. П. Флоренского и А.Ф. Лосева по поводу Афонского спора и теоретическому осмыслению ими сущности слова (имени).

Давая оценку Афонскому спору, свящ.С.Булгаков выдвинул два главных тезиса: Имя Божие есть «в известном смысле словесная икона Божества» и «настоящая икона Божества есть Его Имя» [10]. Философ провел тщательный анализ слова, разобрал онтологический смысл предложения и частей речи, описал конструкцию слова, выделяя в нем «звуковую массу» или «тело слова» (фонему), смысл (идею слова), корневое значение. В феноменологическом духе о. Сергей высказывает мысль, что для достижения идеи слова необходимо слово «освободить и от психологической оболочки» [2]. В таком случае идеи слов предстают как символы, которые реальны и жизненны и являются «носителями» мировой энергии.

Свящ. П. Флоренский провел лингвистическое исследование самого слова «имя» и дал философско-феноменологическую интерпретацию видов переименований. О. Павел определяет имя как «сложный духовный организм», «субстанциальную форму личности», которая направляет жизнь человека по определенному руслу и намечает «идеальные границы» жизни личности [12, с. 40, 90]. Через имя человек включается в жизнь общества, через имя реализуется личность. В работе «Мысль и язык» о. Павел говорит о символическом значении имени, определяя при этом символ как «сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю» [13, с. 287]. В этой же работе философ разбирает структуру слова, выделяя в нем три составляющих: фонему, морфему и семему и предлагая образно представлять соотношение

этих трех частей в виде последовательных concentрических кругов соответственно, при этом внутренним кругом является круг фонемы. Обращаясь к осмыслению Афонского спора, о. Павел пытается объяснить истинность формулы имяславия так: «Имя Божие есть Бог и именно Сам Бог, но Бог не есть ни имя Его, ни Самое Имя Его» [13, с. 300].

Однако наиболее проработанную и подробную характеристику имени дал А.Ф. Лосев, последовательно обосновавший правоту имяславия и считавший, что именно имяславие принадлежит православно-восточному учению и опыту. Философ, обращаясь к анализу спора имяславцев и имяборцев, подчеркивает: «если какое-нибудь общение с Богом, возможно, то Бог как-нибудь именуем, и тогда имена Божии не суть просто звуки, но — сила и умное проявление Божие» [6, с. 900]. Другими словами «Имя Божие — энергия сущности Божией» [5, с. 49], по аналогии с чем, согласно А.Ф. Лосеву, и имя вещи является смысловой силой, энергией этой вещи.

Феноменологическую концепцию имени А.Ф. Лосев развивает в работе «Философия имени», которая была написана им в связи с осмыслением Афонского спора [11, с. 38]. Философ проводит здесь две линии рассуждений — от вещи к имени, и от имени к вещи. Путь выведения имени из вещи приводит к отождествлению вещи с именем, и соответственно, к выводу, что если мир состоит из вещей и сам по сути своей — вещь, то он может быть отождествлен со словом [7, с. 220]. Интересна предлагаемая философом интерпретация физической вещи как группы внешних друг другу элементов, которая «подчиняется некоторому сообщающему их смыслу или идее», т. е. любая физическая вещь — это слово «в зародыше, далекое от внутреннего оформления и осмысления». Отсюда весь физический мир — это «слово и слова, ибо он нечто значит, и он есть нечто понимаемое», хотя и представляется нам как механическое соединение элементов бытия [7, с. 131]. Итак, мир, вещи в нем, согласно А.Ф. Лосеву, являются словом затвердевшим, окаменевшим, остывшим и обездушенным, но всё же хранящим природу истинного слова. При обратном движении — при рассмотрении имени в умном смысле как вещи, А.Ф. Лосев приходит к формулировке имяславской идеи имени: «имя есть вещь, но вещь сама по себе — не имя», «имя — энергия сущности вещи» (там же).

Заслуживает особого внимания проводимый философом диалектико-феноменологический анализ слова. Сначала А.Ф. Лосев выявляет в имени допредметную структуру, состоящую из *фонемы* (звуковой оболочки) и *семемы*, обладающей характером значения.

Семема делится на *этимон* (начало, корень слова), *морфему* (содержащую в себе потенциально разные формы слова), *синтагму* (особый смысловой пласт), *пойему* (то, что варьирует в зависимости от целей выразительности). Все составляющие части семемы являются символическим слоем слова и могут быть разделены на два симболон, где первый *симболон* — это индивидуальная картина значения слова, второй — общее значение слова, содержащее в себе все возможные значения [7, с. 102—105]. Очищение слова от семематичности позволяет получить «чистую нозму, независимую уже ни от звуков, ни от психических переживаний» [7, с. 110—111]. В то же время нозмой не описывается суть слова, ведь его тайна заключается именно в том, что оно есть «орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью» [7, с. 113—114]. Философ выявляет также в слове энергему нескольких видов: физическую энергему — «совокупность физических определений, объединенных определенным смыслом», органическую и сенсуальную энергему, которые в совокупности есть «смысл в состояниях самозабвения», «знание иного и себя — без знания факта этого знания», нозгическую энергему, где «слово впервые обретает само себя» [7, с. 132—139]. А.Ф. Лосев описывает в целом шестьдесят семь моментов конструкции имени, кроме названных: это, например, меон, миф и эйдетически-сущностный логос (логос эйдоса, логос логоса, логос меона, логос софийности (творчества), логос энергии) [7, с. 282—284].

Диалектико-феноменологическое исследование слова приводит философа к мысли о его светоносной, энергийной природе. В слове (имени) «сущность вмещает в себя все возможные смыслы в одной точке» [7, с. 289—290]. Развертывание же этой точки в ее самовыражении, в ее энергиях приводит к тому, что «мы получаем то одно, то другое энергийное излучение» (там же), то есть слово онтологически несет в себе элемент света. Имя обладает выраженным энергийным излучением.

Таким образом, феноменологическая интерпретация слова и имени о. С. Булгакова, о. П. Флоренского и А.Ф. Лосева существенно обогащает идеи восточно-христианского догматического богословия о понимании сущности имени Божия и слова, показывает неразрывную связь сущности слова с сущностью человека, выявляет синергийный характер православной антропологии. Бог-Слово проявляет себя в энергиях. Человек как образ Божий, владеющий словом, также проявляет себя в энергиях. Но энергия существует не только на уровне слов, но и на уровне бессознательного, то есть природы. В человеке

соединяются два потока энергии — усийный (от греч. *ousia* — сущность, природа) и ипостасный (от греч. *hypostasis* — богословский аналог понятия «личность»). Усийный — это энергия на уровне бессознательного, а ипостасный — это словесная энергия. Человек, таким образом, и по природе своей светоносен и по ипостасности своей, выражающейся в словесной деятельности, светоносен. Через наречение имени человек получает доступ к развитию своих ипостасных (личностных) способностей в слове и через слово. Что касается Имени Божия, то оно, будучи самым главным символом среди слов человеческого языка, обладает энергией, присутствие которой ощущал на себе в древности человек религиозный, и в которую не верит теперь человек с обмирщенным сознанием. Однако Имя Божие сохраняет свою светоносность, и через него даже неверующий человек, слышащий, читающий, произносящий это Имя, приобщается к личностному соприкосновению с Богом-Словом, которое происходит в сфере энергий.

Список литературы:

1. Буйе Л. О Библии и Евангелии. Брюссель: Жизнь с Богом, 1998. — 232 с.
2. Булгаков С.Н., свящ. Философия имени // Булгаков С.Н., свящ. Философия имени. Икона и иконопочитание. Соч. в 2 тт. М.; СПб.: Искусство ИНАПРЕСС, 1999. Т. 2. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://krotov.info/library/02_bulgakov_001.htm (дата обращения 10.11.2012).
3. Еп. Иларион (Алфеев) Священная тайна Церкви (Введение в историю и проблематику имяславских споров). Монография. Изд. 2-е, испр., доп. Библиотека христианской мысли. Священная тайна Церкви: Исследования. — СПб: Из-во Олега Абышко, 2007. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://hilarion.ru/works/bookpage/russian/imyaslav> (дата обращения 10.02.2013).
4. Зилотов В.В. Антропоморфическое Богословие и монархический модализм. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0205/002a/02050002.htm> (дата обращения 10.04.2012).
5. Лосев А.Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб: Алетейя, 1997. — 614 с.
6. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. — 962 с.
7. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Академический проект, 2009. — 300 с.
8. Макарий Д.Б., арх. Православно-догматическое богословие. — [Репр. воспроизведение изд. 1857 г.]. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993. — 514 с.

9. Неофит (Осипов), архимандрит. Труды. Т. 1: Мысли об Имени // Начала. № 1—4, 1998. — С. 51—58.
10. Постовалова В.И. Афонский спор о природе и почитании Имени Божия и его мистико-богословские, философские и лингвистические основания // VIII Рождественские образовательные чтения: Христианство и философия: Сборник докладов конференции (27 января 2000 года). М., 2000. — С. 119—141. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.hesychasm.ru/library/Name/pstvlv.htm> (дата обращения 10.04.2012).
11. Постовалова В.И. «Философия имени» А.Ф. Лосева и подступы к ее истолкованию // Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Академический проект, 2009. — С. 29—78.
12. Флоренский П.А. Имена / Малое собр. соч. Вып. 1. Имена. М.: Купина, 1993. — 319 с.
13. Флоренский П.А. Мысль и язык // Соч. в 2 тт. В 3 кн. М.: Правда, 1990. Т. 2. — 446 с.
14. Флоренский свящ. П. Священное переименование. Изменение имен как внешний признак перемен в религиозном сознании. М.: Храм Святой мученицы Татианы, 2006. — 360 с.

3.4. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

РОЛЬ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Емельяненко Владимир Дмитриевич

*канд. филос. наук, доцент, Брянский государственный университет,
г. Брянск*

E-mail: emelyanenko_152@mail.ru

Значение информационно-коммуникационных технологий в сфере образования постоянно увеличивается. Многие образовательные институты и процессы без них сейчас невозможны (ЕГЭ, дистанционное обучение, самостоятельная работа). В этой связи актуальным является определение степени влияния информационно-коммуникационных технологий на успешность выполнения образовательных задач. Рассмотрим, каким образом возникающая ценностно-мировоззренческая сфера ребенка или подростка определяет пути и результаты дальнейшего воздействия информационно-коммуникационных технологий на духовный мир формирующейся личности.

Мировоззрение представляет собой более или менее организованную систему самых важных убеждений, идеалов, знаний, принципов человека, определяющих его отношение к миру и самому себе и дающих ответы на наиболее существенные жизненные вопросы. Оно включает в себя объяснительный, ценностный и деятельностный аспекты, являясь ядром духовного мира личности и формируясь в процессе социализации индивида. Именно мировоззрение непосредственно определяет бытие человека как общественного и духовного субъекта, противостоящего окружающему миру. Оно связывает прошлое, настоящее и будущее человека, позволяя ему оценивать себя как ретроспективно, так и в перспективе собственного бытия. Именно по мере формирования мировоззрения сначала ребенок, а затем подросток постепенно берет на себя все большую ответственность за свои поступки, приобретает самостоятельность, становится дееспособной личностью, уходя из-под опеки и контроля ранее определявших его поведение взрослых. В интересах общества, чтобы становление мировоззрения ребенка, формирование собственных

убеждений, идеалов и принципов привели к возникновению у него внутренних потребностей в получении образования.

Главная цель образования — подготовка человека к жизни, и успешность его противостояния объективным условиям бытия определяется степенью свободы, представляющей способность личности к активной деятельности по реализации поставленных целей в соответствии с собственными намерениями, интересами и желаниями. Свобода осуществляется путём выбора плана действий (а выбор более адекватен у развитой личности). Для выбора цели нужна достаточно развитая мировоззренческая рефлексия, а степень осознания возможности использования средств, в связи с определённой целью, обусловлена, прежде всего, интеллектуально-личностным развитием индивида.

На первых этапах формирования личности ребёнок верит в сказку, волшебство, фактически понимая свободу как произвол. По мере взросления дети все больше осознают, что в жизни нужно учитывать потребности общества, благодаря чему останется определённый выбор личного поведения (например, получив хорошее образование, можно найти высокооплачиваемую работу и иметь свободное время для комфортной личной жизни). Развитая личность понимает свободу как «осознанную возможность», предполагающую ответственность перед самим собой и обществом.

Социальная ответственность выражается в склонности человека вести себя в соответствии с интересами других людей, что возможно только на основе соответствующих мировоззренческих принципов. Именно в этом случае с развитием человеческой свободы возрастает и ответственность. При этом каждый последующий более совершенный тип осознания и осуществления молодым человеком свободы предполагает всё большее использование им мировоззрения как регулятора отношений с объективной реальностью, повышение значения его убеждений, идеалов и принципов поведения. Только личность с развитым и гармоничным мировоззрением может в полной мере осознать и реализовать свою свободу, принимая ответственность. Как отмечал Н.А. Бердяев, свобода — это «тяжкое бремя, которое несёт человек» [1, с. 23]. Молодежь с неразвитым мировоззрением гораздо легче отдаёт свою свободу в обмен на освобождение от ответственности за социально значимые поступки, что чревато серьёзными неудачами в становлении в России гражданского общества и правового государства.

Известно, что новые информационные технологии влияют на духовное развитие неоднозначно: растёт IQ среднего человека,

им быстрее принимаются решения, увеличивается скорость обработки данных и реакции; однако при этом уменьшается концентрация внимания, становится более поверхностной память, страдают способность к общению вне Сети и абстрактное мышление. Однако каким является результат воздействия информационных технологий на конкретного школьника? На наш взгляд, это зависит от развития его личности, что, в свою очередь, определяется мировоззренческими основаниями. Именно поэтому часть учащихся с успехом используют новые информационные технологии, а другая часть применяет их для пустого проведения времени.

Интернет и другие современные технологии дают огромное количество информации, но в ней легко запутаться. Психологи заметили, что избыток информации лишь замедляет формирование личности ребёнка. На наш взгляд, это происходит потому, что он просто не успевает её осмыслить в условиях пока ещё неразвитого мировоззрения. Избыток информации вызывает психологическую усталость, нарушается способность мировоззрения выполнять системную функцию, упорядочивать информацию (особенно у молодёжи с неустойчивой структурой духовного мира, легче подверженного различным внешним влияниям). Падает и способность осмысления знаний. Проблемой современных ИКТ стала насаждаемая ими поверхностность: нам некогда «притормозить» и постараться заглянуть в суть вещей, глубоко осмыслить мировоззренческие проблемы. Поверхностности способствует также огромная скорость распространения информации.

Давление информационной среды заставляет человека с неустойчивыми убеждениями, идеалами и принципами принимать некоторые стереотипы в качестве готовых принципов мировоззрения. В этом случае не требуются собственные интеллектуальные усилия, духовные искания. На наш взгляд, ценностно-мировоззренческую сферу человека необходимо формировать более естественным образом, при воспитании и образовании в семье и школе. Человек, полностью полагающийся на Интернет, может стать жертвой манипуляций (если не сможет критически оценить информацию, что требует её осмысления в рамках системы убеждений, идеалов, принципов).

Только достаточно развитый и развивающийся в личностном плане учащийся может более или менее успешно отделить истину от заблуждения или лжи, правильно интерпретировать знания. В перспективе в результате получения образования у него должна быть достаточная общая эрудиция на основе собственной памяти, способностей и умений, а не внешних по отношению к индивиду

информационных средств, иначе он не сможет в будущем самостоятельно мыслить и тем более создавать что-то новое. Именно человек с развитым мировоззрением извлечёт из общего информационного потока то основное, что необходимо для дальнейшего интеллектуального, духовного и культурного развития личности, сможет обобщить в собственных интересах получаемую информацию, соотнести и применить её на практике.

Считается, что современные информационные технологии экономят много времени, позволяя «занимать голову другими вещами» [4], «сосредоточиться на более возвышенных предметах, вроде науки и искусства» [2, с. 26]. Однако лишь более развитый в ценностно-мировоззренческом отношении, прошедший естественные этапы формирования мировоззрения учащийся или студент будет и дальше развивать свой духовный мир в условиях сложной информационной среды, поскольку именно к этому он сознательно стремится. Неразвитый в мировоззренческом отношении учащийся использует их возможности для пустого проведения времени, упрощения своего бытия, удовлетворения пропагандируемых в современном обществе гедонистических ценностей.

Обратим внимание на то, что рыночно организованная информационная среда навязывает визуализацию и «клиповое» мышление. Побеждает тот вариант преподнесения информации, который проще для восприятия («дешевле»), имеет удобную и простую форму (в виде клипа). Действительно, визуальные образы проще понятий. Поэтому неразвитый человек выбирает именно этот вариант, его можно сопроводить рекламой и т. д.

Распространение визуализации — одна из причин того, что современные школьники и студенты заметно меньше читают. Читать труднее, так как приходится не пассивно воспринимать визуальные образы, а стараться представить, как, скажем, выглядят те или иные герои, то есть прилагать усилия. Представление содержит в себе больше элементов абстрагирования, чем восприятие. Если перейти некоторую грань в применении визуализации в обучении, определяемую степенью развития у учащихся абстрактного мышления, то будет нанесен ущерб его дальнейшему формированию (вплоть до осмысления информации на уровне комиксов). Конечно, человеку с достаточно развитым духовным миром никакая визуализация не повредит, напротив, позволит усвоить больше информации и сделать это быстрее.

Информационно-коммуникационные технологии навязывают человеку многозадачность, что заметно снижает эффективность

работы и вредит мировоззренческой рефлексии. Г. Смолл и Г. Ворган надеются на формирование у человека «эффективной многозадачности» [2, с. 118—122, гл. 7]. Однако следует согласиться с М. Хоростом [3, с. 237] и М. Джексоном [6, р. 79—80], считающими, что вдумчивый и сосредоточившийся на одной проблеме человек может достичь гораздо лучшего результата. Учащийся просто не может быть «вдумчивым и сосредоточившимся» без мировоззренческих оснований.

Неразвитость мировоззрения определяет чрезмерное увлечение многих молодых людей виртуальным миром. Им кажется, что в нем они абсолютно свободны и не несут никакой ответственности, там можно удовлетворить свои гедонистические устремления и потребности. Он не требует регулярного, часто неблагодарного труда. Напротив, в реальном мире это сделать трудно. Многие особенности активности в виртуальном мире переносятся на реальный мир. В нём люди хуже общаются, меняется их отношение к дружбе, социальным связям, другим людям. Однако все это касается, прежде всего, учащихся с неразвитой ценностно-мировоззренческой сферой. Именно с ними труднее добиться успеха в учебно-воспитательной работе.

Например, подросток с уже развитыми мировоззренческими качествами воспримет компьютерные игры как форму отдыха после учебного труда, а виртуальную реальность лишь как дополнение к реальности объективной. Рано или поздно он найдет в Интернете порнографию для того, чтобы понять и оценить, что это такое. Однако вряд ли это вызовет болезненную зависимость, поскольку у него есть нравственные идеалы и принципы, определяющие его устремления в реальном, а не иллюзорном мире. Он быстро поймет, что глупо тратить время на порнографию, в искаженной форме удовлетворяя свои физиологические побуждения. Развитый в ценностно-мировоззренческом плане школьник поиграет в меру и в компьютерные игры, используя их для отдыха. Подросток же с не развитыми вовремя ценностно-мировоззренческими качествами, усвоивший лишь принципы гедонизма и индивидуализма, станет интернет-зависимым, используя компьютерные игры не как средство отдыха, а как способ все большего получения удовольствия. Способность человека соблюдать меру обеспечивается благодаря наличию у него мировоззрения.

При чрезмерном увлечении играми и социальными сетями теряется большое количество времени, которое можно использовать для учебы и духовного развития. Пользователи обычно формулируют свои мысли кратко, не обращают внимания на орфографию, что,

на первый взгляд, также способствует упрощению мировоззрения и мышления. Однако это негативно сказывается на уровне грамотности при обучении и на общем уровне интеллектуального развития лишь при условии неразвитости учащегося в ценностно-мировоззренческом плане. Если контактирующий в социальных сетях школьник уже имеет достаточный общий культурный уровень, то необходимость формулировать свои мысли кратко вряд ли принесет ему какой-либо вред, скорее научит лаконичности, умению четко излагать свои мысли.

В образовании чрезвычайно важным является непосредственное личностное взаимодействие педагога и учащегося, так как только так можно сформировать многие компетенции, предусмотренные в современных образовательных стандартах. Особенно это относится к выработке различных мировоззренческих установок, а также самостоятельности мышления. Исторически обучение и воспитание были обычно тесно связаны. Однако при общении с помощью ИКТ происходит отрыв обучения от воспитания, и на первое место выходит обучение. При этом если для подростка на первом плане в жизни все же остается непосредственное межличностное общение, если он в основном сформировался как личность, то ИКТ, возможно, даже активизируют его дальнейшие коммуникационные связи.

Информатизация общества влияет на характер мышления и мировоззрения людей. Для принятия определенных социальных решений, например, контроля за той или иной деятельностью (например, учебной или управленческой) применяются некие четко формализованные, поддающиеся, как считается, точной оценке процедуры (в частности, тесты). Все это обосновывается стремлением избежать субъективного подхода. Однако, вместе с тем, это формирует алгоритмизированное, стереотипическое мышление. Даже при написании эссе на ЕГЭ происходит алгоритмизация сознания — даётся определённая схема, мысль загоняется в достаточно жёсткие рамки. Бороться с этой негативной тенденцией можно совершенствуя мировоззрение.

С развитием общества тенденция к усилению самостоятельности и ответственности человека, в том числе в области образования, увеличивается. По крайней мере, потенциально, он становится всё более свободным. Однако при этом не учитываются особенности российской ментальности. Многие учащиеся и студенты могут нормально работать лишь под постоянным контролем со стороны учителя или преподавателя. Самостоятельной работой может успешно заниматься лишь тот, кто свободно и ответственно выбрал путь реального овладения знаниями и навыками. Учить надо так, чтобы

довести развитие личности человека до возможности совершенствоваться дальше относительно самостоятельно в условиях необозримого количества знаний. Применение дистанционной формы обучения с помощью информационно-коммуникационных технологий эффективно тогда, когда у обучающегося уже сформированы достаточно устойчивые убеждения, идеалы и принципы. Эти принципы должны определять правильную (ту, которая необходима для осуществления поставленных обществом перед образованием целей) направленность дальнейшего развития обучающегося под воздействием ИКТ.

Ценностно-мировоззренческий уровень личности складывается у человека с детства под влиянием социальных условий. Именно в это время детям необходимо давать мировоззренческие ориентиры с тем, чтобы определить вектор их дальнейшего развития, независимо от того, делается ли это в традиционных формах или с помощью информационно-коммуникационных технологий. К сожалению, мировоззренческие ориентиры часто путают с идеологическими догматами, относятся к ним настороженно. Однако обществу необходимы ценностные образцы, скажем, образы героев [5]. Не стоит забывать и о том, что высокие технологии способствуют ухудшению здоровья.

Таким образом, многие считающиеся опасными негативные влияния информационно-коммуникационных технологий на самом деле вредны лишь для неразвитого в ценностно-мировоззренческом отношении человека. С одной стороны, личностно развитый человек использует возможности ИКТ во благо себе и обществу, в качестве средства. С другой стороны, из-за примитивности ценностно-мировоззренческих структур, многие люди в условиях развития информационно-коммуникационных технологий сами превратились в средство (для производителей игр, информации, товаров, стали интернет-зависимыми).

Информационно-коммуникационные технологии — это всего лишь один из важных факторов образования и воспитания, и он может быть использован как правильно, так и неправильно. Интернет — это только новая информационная среда и гораздо более сложная, чем раньше, социально-техническая реальность. Он используется как средство образования и воспитания детей, имеющих принципы поведения и оценки, сформированные на предыдущих этапах социализации. Поэтому успешность учебно-воспитательного процесса зависит, прежде всего, от качеств человека, находящегося в определённых социальных условиях, свободное поведение которого определяют мировоззренческие убеждения, идеалы и принципы. Намного легче духовно развивать человека, уже имеющего систему

нравственно-мировоззренческих ценностей, заложенных в детстве в процессе непосредственного общения и воспитания родителями, школой в более или менее нормальных социальных условиях.

Информационные технологии ускоряют все происходящие в духовном мире индивида процессы; позволяют быстрее проявиться всему заложенному в процессе образования и воспитания в детстве, подростковом возрасте и юности. Свободному человеку с гармоничным и развитым мировоззрением информационно-коммуникационные технологии приносят пользу в духовно-интеллектуальном аспекте, дают шанс для дальнейшего совершенствования личности. При неразвитости мировоззрения их возможности используются для дальнейшего обучения и воспитания менее эффективно. В этом случае усиливаются отрицательные качества личности, и при увеличении суммы знаний падает способность их осмысления, возникает разрыв между воспитанием и образованием, угроза нравственности.

Нежелательно бесконтрольное включение детей с несформированными личностно-мировоззренческими качествами в информационные структуры. Молодёжи нужны ценностные ориентиры для правильного использования информации. Необходимо усиление внимания к гуманитарному воспитанию и образованию, в наибольшей мере формирующему мировоззрение. Требуется и разработка теории мировоззрения в информационном обществе. Невнимание к мировоззренческим вопросам делает из выпускника школы недостаточно развитую, одностороннюю личность, а из выпускника вуза — узкого специалиста.

Чем больше школьник сформирован как личность, чем устойчивее его убеждения и принципы, тем успешнее, свободно и ответственно, он применит информационно-коммуникационные технологии как средство, оставаясь при этом целью для самого себя. Неразвитый в ценностно-мировоззренческом отношении молодой человек, скорее всего, неправильно использует их возможности. Применяемые в учебном процессе информационно-коммуникационные технологии сами по себе не могут быть ни хорошими, ни плохими вне оценки характера и степени развития мировоззрения учащегося, в конечном итоге тех социальных условий, в которых он находится. Таким образом, лишь направленность личности ученика на развитие, определяемая его ценностно-мировоззренческой сферой с устойчивыми убеждениями, идеалами и принципами, на фоне благоприятных социальных условий, обеспечивает высокую эффективность применения информационно-коммуникационных технологий в учебно-воспитательном процессе.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Спасение и творчество: Два понимания христианства // Путь. 1926. № 2. М.: «Информ-Прогресс», 1992. — С. 19—28.
2. Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2011. — 352 с.
3. Хорст М. Всемирный разум. М.: Эксмо, 2011. — 288 с.
4. Щербатых Ю. Фейсбук делает нас тупыми? // Российская газета. 6.10.2011. № 213. (5612). — С. 25.
5. Яковлева Е. Неизвестные герои. // Российская газета. 14.03. 2013. № 55. (6031). — С. 22—23.
6. Jackson M. Distracted. Prometheus Books, 2009. — p. 79—80.

ЭФФЕКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ: РЕНЕССАНСКАЯ «STUDIA HUMANITATIS» И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Петрык Янина Юрьевна

*канд. филос. наук, доцент КубГУ,
г. Краснодар*

E-mail: p_yanina@mail.ru

Каждая эпоха выдвигает свои требования к системе образования, поэтому новые веяния в экономике и культуре не остаются без внимания и неизбежно ведут к изменениям в сфере «учительства». Однако опыт показывает, что наряду с созданием педагогических инноваций, движением в сторону обновления и усовершенствования методики образовательного процесса, в связи с возникновением более совершенных технических средств сохранения и передачи информации, необходимо обращаться и к истории, предшествующему опыту, содержащему немало программ и духовных практик самореализации личности, «проектов» осуществления творческого потенциала человека, так как мир духовной культуры являет собой континуитет и филиацию идей. В этой связи, наиболее интересной, как в академическом, так и в мировоззренческом смысле является программа «studia humanitatis» [1, с. 33], выдвинутая первыми гуманистами эпохи Возрождения.

В мировоззренческом смысле «*studia humanitatis*» интересна ввиду того, что современный мир столкнулся с фактом девальвации гуманистических ценностей, дегуманизацией, с потерей духовно-нравственных ориентиров. Актуальны слова Н.А. Бердяева, сказанные в начале прошлого века о «машинной, технической цивилизации», разрушающей и искажающей эмоциональную природу человека, делающего его «орудием нечеловеческих процессов» [2, с. 48]., действующей губительно для его внутренней жизни.

В академическом смысле программа возрожденческих гуманистов может быть востребована, как важнейший источник не только воспитательно-педагогических идей, но и как основание для возрождения целого комплекса гуманистических ценностей забытых современным обществом «крзиса человека» и весьма значимых с позиции исканий неогуманизма.

«*Studia humanitatis*» — это универсальная программа гуманистического мировидения, в рамках которой происходит пробуждение свободного творчества человека, обнаружение его огромного духовно-творческого потенциала, утверждение созидательного начала, восхождения человека к самому себе, признание высшей устремленности к надындивидуальным целям. «*Studia humanitatis*» это не просто узкая образовательная программа, где целью является изучение риторики и филологии, а в качестве образца выступает античная элоквиция, но это широкая система мышления с глубочайшим проникновением в древнегреческую и древнеримскую культуру, программа «обновления мысли» и сочувствия человеку.

Несомненным является тот факт, что с внешней формальной стороны образовательная программа «*studia humanitatis*», изложенная ренессансными гуманистами, с традициями обязательного изучения древнегреческого и латыни, устарела, однако во внутренней содержательной её части с позиции внутреннего духовного стержня этот образовательный проект включает в себе немало интересных и весьма продуктивных для современной культуры идей. Возникшая как идейная программа нового духовного и умственного движения в Европе эпохи Ренессанса «*studia humanitatis*» и сегодня в состоянии предложить несколько существенных, субстанциональных положений, общие интенции которых могут быть заимствованы и востребованы современной системой образования.

Во-первых, следует упомянуть о филологическом аспекте ренессансного гуманизма. Помимо сугубо личного страстного интереса к классической латыни, филология как таковая, в деятельности возрожденческих философов, становилась мощным исследова-

тельским методом, заключавшимся в критической семантической реконструкции текста. Гуманисты в эпоху Возрождения ставили перед собой цель не только и не столько искоренения «варварской» схоластической латыни, сколько утверждение «классических основ языка». В этой связи основным требованием было не только приобщение к «древним языкам» (латыни и греческому), не просто техническое овладение ими, что помогало осваивать античные ценности, расширяло кругозор, ориентировало на проникновение в иную культурную онтологию, но и особенное трепетное отношение к речи. Для возрожденческих гуманистов неприемлема была ситуация «*graecum est non legitur*» (лат. «это написано по гречески, потому перевести невозможно»), так как освоение классических основ требовало не только погружения в аутентичный текст на языке оригинала, но и бережного, корректного отношения к языку как таковому. Подобная позиция предполагала научное, эстетическое и стилистическое внимание к языку. В современном мире, ввиду активного использования молодёжью сленговых выражений, «албанского» языка, «обеднения» языковых конструкций, а также всеобщей тенденцией тотальной безграмотности, возвращение к «классическим основам», как приобщение к высокой языковой культуре было бы интересным и результативным.

Во-вторых, идея универсального образования, которая предполагала обширные знания во многих областях, утверждала принцип «чем шире поприще в котором ты себя проявишь, тем лучше», способствовала разностороннему развитию личности. В этой связи, последовавшие в среде критиков обвинения возрожденческих гуманистов в дилетантизме беспочвенны. Несомненно, ренессансная культура не была культурой специфических и очень тонких дистинкций, напротив, возрожденческий гуманист выступал как просветитель, способствовавший тому, что бы его идеи были доступны наиболее широкому кругу светских лиц, а не профессиональных богословов. Ренессансный гуманист не был ученым узкой специализации, он стремился к универсальной полноте. Цель образования возрожденческий философ видел в приобретении разнообразных знаний, формирующих свободный ум, высокую нравственность, помогающих в повседневных жизненных вопросах. Подобная утилитарность и практичность научного знания вовсе не противоречила утверждению его почти сакральной роли в новоевропейской культурной онтологии. И сегодня, в современной культурной ситуации возникновения междисциплинарных наук, создания технических инноваций, требующих зачастую обширных знаний во многих смежных

областях, идеалом становится не ученый узкой специализации, а ученый универсал. Таким образом, возрожденческий опыт универсального обучения, несомненно, актуален и может быть востребован современным образованием.

В-третьих, провозглашенный Ренессансной культурой гуманизм предполагал не просто пристальное внимание к человеку, его природе и экзистенциальным проблемам, но усвоение определенной системы духовных ценностей, что немаловажно в наш век потребления, культуры «берущей руки», в эпоху прагматично-утилитарных правил поведения, в мире тотальной коммерциализации и приоритета материальных ценностей. Гуманизм — это призыв не только к религиозной и расовой толерантности, но и к нравственной «терпимости», к освобождению от ксенофобии. В дисциплинах «*studia humanitatis*» гуманисты видели прочную основу для формирования совершенного человека [3, с. 169], способного раскрыть свои достоинства, свой духовный потенциал, как в повседневной деятельности, так и в гражданской жизни.

И что еще более ценно, при разнообразии оттенков духовно-нравственных рекомендаций, все гуманисты были единодушны в главном — светской ориентации всей системы образования и воспитания, нацеленной на формирование свободного и всесторонне развитого человека, широко эрудированного, высоко нравственного и граждански активного. Возрожденческие гуманисты были глубоко убеждены в существовании автономной нерелигиозной (светской) этики. Светская этика вовсе не синоним бездуховности. Рационально-практические принципы поведения, усвоенные в рамках светских нерелигиозных нормативных программ вовсе не наносят ущерба «неокрепшим» детским душам. Напротив, современное, зачастую насильственное «приобщение» к религии приводит к печальным последствиям.

Если человек испытывает глубокую внутреннюю экзистенциальную потребность в вере, несомненно, в течение жизни, к вере и к религии он приходит (примером может явиться Августин), а вот восполнить недочеты естественнонаучного знания, получается не у всех. Поэтому естественнонаучное мировидение, которое вовсе не является антитезой высокой духовности, необходимо усваивать в ходе начального и среднего образования, во избежание нелепостей суеверия. Несомненно, современная наука еще не открыла всех тайн и не является панацеей от духовно-травмирующей ситуации современного мира, но губителен не только однобокий сциентизм, но и полное отрицание азов естественнонаучного знания. Кроме того,

давно известно, что всякая последовательно развитая светская этика, содержит в себе совокупность значимых общественных ценностей, помогает интегрироваться в социум, и сообщает индивиду универсальную концепцию самосовершенствования — перфекционизм, востребованный современной культурой.

Таким образом, «*studia humanitatis*» имеет мощное креативное ядро — предполагает воспитание — мыслящего, знающего интеллигента с широким кругозором и устойчивой системой ценностей (моральными убеждениями), а также с активной гражданской позицией. «*Studia humanitatis*» это особый способ мышления, где присутствует многогранное раскрытие проблемы, которое даже в собственной стилистике импонирует современной постмодернистской модели мышления: строгая система логических дефиниций не отрицается, но дополняется образным, пластическим, художественным мышлением. Логическая дедукция переплетается с интуитивным постижением гармонии мира. Доказывая допустимость и законность занятия поэзией, возрожденческие гуманисты выступают предтечами постмодернистского поэтического мышления, как максимально синтетического способа постижения мира значимого в любой когнитивной ситуации. В подобных синтетических художественных образах гуманисты стремились представить мир нравственных ценностей, новое учение о мире, боге и человеке. Подобная образовательно-воспитательная программа помогает определить мировоззренческие и поведенческие приоритеты, а подобный образ человека просто необходим современной культуре.

Список литературы:

1. Антология философии средних веков и эпохи Возрождения. М. ОЛМА ПРЕСС, 2001. — 448 с.
2. Бибахин В.В. Новый ренессанс. М.: Прогресс, 1998. — 496 с.
3. Сочинения великих итальянцев XVI века. Под ред. Брагиной Л.М. СПб. Алетейя, 2002. — 377 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

СКУПКА СЕРЕБРА ТОРГСИНОМ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ ОБЛКОНТОРЫ)

Горох Николай Владимирович

научный сотрудник

*Черниговского исторического музея им. В.В. Тарновского,
г. Чернигов*

E-mail: gorokh@list.ru

В системе социально-экономических отношений Советского Союза и его граждан первой половины 1930-х годов особое место занимает «Специальная контора по торговле с иностранцами на территории СССР», которая более известна под сокращенным названием — «Торгсин». Небольшой отдел в системе столичной торговли подчиненный Мосторгу был создан 18 июля 1930 г. постановлением Народного комиссариата торговли СССР [11, с. 19]. Данным решением правительство стремилось сконцентрировать в одном ведомстве все валютные торговые операции с иностранцами. Представительства Торгсина появляются в крупных городах и портах, а первыми посетителями становятся туристы и транзитные пассажиры-иностранцы [11, с. 19–20]. Однако широкую известность организация получила 14 июня 1931 г., когда ее двери открылись для советских граждан. С этого момента они получили возможность покупать товары в магазинах системы в обмен на золотые монеты старой чеканки [9, с. 111]. Впоследствии ассортимент ценностей существенно расширился — изделия из золота, серебра, платины, драгоценные камни, иностранная валюта. Одним из значимых факторов, который способствовал успеху объединения, был голод 1932—1933 гг. Просуществовал Торгсин до февраля 1936 г. [16, л. 23].

Историография системы продолжает оставаться достаточно скромной. Западноевропейские и американские исследователи 1930—1980-х гг., не имея доступа к советским архивам, только констатировали факт существования Торгсина. В свою очередь советские историки избегали упоминаний о системе из-за ее связи с голодом 1932—1933 гг. и фактически грабительской сущности по отношению к собственным гражданам. Целенаправленное изучение объединения начинается после распада СССР. Первыми к истории Торгсина на всесоюзном и республиканском уровнях обратились Е.А. Осокина [9; 10; 11] и В.И. Марочко [6; 7]. Недостаточно освоенным направлением остается изучение региональной истории организации. Среди авторов, чьи статьи посвящены отдельным аспектам работы контор и магазинов Торгсина, назовем И.В. Павлову [12], В.А. Толмацкого [21], О.Ю. Мельничук [8], А.Д. Попова [14]. Сведения о деятельности Черниговской облконторы находим в трудах Т.П. Демченко [3] и С.Н. Сергеевой [19].

Целью данной статьи есть попытка проанализировать технологию изъятия у населения серебра и определить место, которое занимала Черниговская облконтора «Торгсин» в этом процессе. Автор широко использует архивные документы Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, Госархива Черниговской области, Отдела обеспечения сохранности документов Госархива Черниговской области в г. Нежине, в частности, фондов Черниговской облконторы, Наркомата внешней торговли, Всеукраинской конторы «Торгсин», Министерства государственного контроля, большинство из которых впервые вводятся в научный обиход.

25 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление о начале скупки серебра Торгсином. Объединению разрешалось принимать от населения бытовое серебро и серебряные монеты дореволюционной чеканки. Наркомвнешторг должен был в кратчайшие сроки определиться с районами, где скупка серебра начнется немедленно. Рекомендовалось отсрочить реализацию постановления лишь в тех местах, где фиксировались значительные поступления золота [1, с. 412].

На Украине прием серебра планировалось начать в Киеве, Одессе, Виннице, Днепропетровске, Полтаве и Чернигове. Для организации пунктов приема серебра предлагалось подыскать специальное помещение, договориться с Банком, пригласить оценщиков из часовщиков или зубных техников, обеспечить их весами и реактивами [17, л. 292; 20, л. 104]. Весь необходимый инструктаж можно было получить в Харькове. Ожидалось, что на Черниговщине данную услугу будут предоставлять с 15 декабря 1932 г. [13, л. 5], для чего откроют 4 скупочных пункта

со штатом в 30 чел. (из них 20 оценщиков), а ежедневный объем приобретенного серебра составит 300 кг [17, л. 292]. Однако образование в конце 1932 г. Черниговской облконторы, дезорганизация работы Торгсина, нехватка весов, средств на рекламу отсрочили начало скупки серебра в области до весны-лета 1933 г. Это непосредственно отразилось на выполнении валютного плана.

Торгсин приобретал серебро в разных его проявлениях — лом, изделия, монеты старой чеканки, слитки, а вот принимать церковную утварь и серебряные советские монеты запрещалось [11, с. 120]. Посетители системы нашли способ обойти запрет. Монеты начали переплавлять в слитки. Техника переплавки изначально была достаточно низкой, а подобные «изделия» несли на себе явные признаки происхождения серебра. О масштабах подобной деятельности свидетельствует хотя бы тот факт, что 8 января 1935 г. в Оренбурге были осуждены покупатель и рабочие Торгсина, которые через местное отделение системы реализовали переплавленного серебряного советского чекана на 12 тыс. руб. [15, л. 32].

В апреле 1933 г. Наркомфин и Госбанк издали секретный формуляр, которым запретили Торгсину принимать слитки, имеющие явные признаки переплавки монет. Население на это ответило улучшением качества «производства» [11, с. 121—122]. Тогда Наркомфин был вынужден запретить прием серебряных слитков низкой пробы (советские серебряные монеты были низкопробными), что отразилось на выполнении валютного плана, ведь удельный вес слитков в поступлениях достигал 15 % [18, л. 63].

Персонал Торгсина с подозрением относился к посетителям. В Чернигове оценщик во время приема 378 г серебра начал допрашивать сдатчика о происхождении металла, позволил себе задержать ценности, не оформив изъятия. За подобную самодеятельность его сняли с работы, но авторитет объединения в глазах людей падал [5, л. 33]. Руководство объединения было вынуждено постоянно напоминать, что серебряные изделия следует покупать беспрепятственно [15, л. 45].

Серебро, как и золото, принимали оценщики в специально оборудованных пунктах. Их квалификация была сомнительной [4, л. 9]. С помощью зубила и молотка они выламывали все несеребряные части изделия, после чего устанавливали его вес и пробу металла. Рекомендовалось отбирать серебряные изделия, которые имели художественное или историческое значение. Для этого даже была разработана специальная инструкция, однако персонал на местах ее игнорировал [11, с. 122].

Цена на серебро в Торгсине была ниже мировой. В январе 1933 г. за серебряный царский рубль давали 23 коп., а за 1 кг химически чистого серебра — 14 руб. 88 коп. (с августа — 16 руб. 67 коп.). В то же время мировая цена драгоценного металла в рублевом эквиваленте колебалась в пределах 17—19 руб. [11, с. 124]. Наркомторг объяснял разрыв цен неустойчивой рыночной конъюнктурой, хотя фактически государство с помощью Торгсина старалось максимально извлечь выгоду из существующего голодного ажиотажа, предлагая на правах монополиста единственный легальный способ обмена серебра на продукты питания. Кроме того, население приносило так называемое лигатурное серебро, т. е. его смесь с другими металлами. За данными Промэкспорта тонна лигатурного серебра дополнительно содержала 1,2 кг золота и 230 кг меди, за которые Торгсин вовсе не платил. Только к концу 1934 г. объединение увеличило цену за килограмм серебра до 20 руб., но на мировом рынке за него уже давали 20 руб. 50 коп. [11, с. 124—125].

В 1933 г. Торгсин в Украине скупил серебра на 4,3 млн. руб., из которых 250 тыс. (почти 6%) на Черниговщине. Только за голодные апрель-июнь 1933 г. население сдало металла почти на 120 тыс. руб. или 32 % от всей выручки облконторы за 1933—1935 гг. [2, л. 7, 16, 18]. Далее поступления начали уменьшаться. Черниговской облконторе удалось скупить серебра на 376,4 тыс. руб., хотя план так и не был выполнен. В 1933 г. его выполнение не превысило 49 %, в 1934 г. — 82 %, а в 1935 г. — 72 %. Если учесть все изменения цен на серебро, можно предположить, что Черниговская областная контора «мобилизовала» у населения около 24 тонн химически чистого серебра. Другими словами, каждый житель области принес в Торгсин 8,2 г серебра.

Таким образом, серебро стало одним из главных источников прибыли Черниговской облконторы «Торгсин» в годы голода. В последующие годы его приток существенно уменьшается благодаря исчерпыванию у населения его запасов и постепенному улучшению продовольственной ситуации в стране. Руководство системы уделяло особое внимание процедуре приема драгоценных металлов и обеспечению оптимальных условий работы оценщиков, хотя естах реализовать подобные инициативы в полном объеме было невозможно. Хотя в масштабах Украины результаты работы Черниговской облконторы были незначительными, для области с отсутствием больших городов, аграрной направленностью и они были значительными. Население лишилось многих драгоценностей, столовых приборов, крестиков, которые передавались из поколения в поколение.

Список литературы:

1. Голодомор 1932—1933 років в Україні: документи і матеріали / упоряд. Р.Я. Пиріг. — К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. — 1128 с.
2. Декадные сведения о выполнении валютного плана и плана реализации товаров по торговой сети областной конторы «Торгсин» // Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 132. Л. 61.
3. Демченко Т.П. Колективізація та Голодомор 1932—1933 рр. На Чернігівщині : навч. посібник. — Чернігів: ВАТ РВК «Деснянська правда», 2007. — 72 с.
4. Докладные записки // Отдел обеспечения сохранности документов Государственного архива Черниговской области в г. Нежине (ОГАЧОН). Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 63. Л. 20.
5. Документи о работе особой инспекции облконторы // ГАЧО. Ф. Р-1369. Оп. 1. Д. 110. Л. 66.
6. Марочко В.І. Обмін побутового золота на хліб в Україні періоду Голодомору 1932—1933 років // Український історик. — 2008. — № 3—4. — С. 194—209.
7. Марочко В.І. «Торгсин»: золота ціна життя українських селян у роки голоду (1932—1933) // Український історичний журнал. — 2003. — № 3. — С. 90—103.
8. Мельничук О. Номенклатура системи «Торгсину» в УСРР (на матеріалах Київської області) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. — Вип. 19, Ч. 2. — К.: Інститут історії України НАН України, 2010. — С. 99—105.
9. Осокина Е.А. За зеркальной дверью Торгсина // Отечественная история. — 1995. — № 2. — С. 86—104.
10. Осокина Е.А. Золотая лихорадка по-советски // Родина. — 2007. — № 9. — С. 111—117.
11. Осокина Е.А. Золото для индустриализации: «Торгсин» — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 592.
12. Павлова И.В. Торгсины в Западно-Сибирском крае // Экономика и организация. — 2003. — № 3. — С. 162—169.
13. Переписка по вопросам заготовки лом-золота и серебра и пунктов приема золота и серебра // ОГАЧОН. Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 28. Л. 169.
14. Попов А. Деятельность в Крыму Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР (1931—1936 гг.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «История». — 2007. — Т. 20, № 1. — С. 66—72.
15. Приказы и распоряжения Черниговской облконторой «Торгсин» // ГАЧО. Ф. Р-5599. Оп. 1. Д. 88. Л. 59.

16. Приказы Наркомата внешней торговли СССР // ГАЧО. Ф. Р-2063. Оп. 1, Д. 776. Л. 68.
17. Протоколы оперативных совещаний и сотрудников // Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 4051. Оп. 1. Д. 51. Л. 317.
18. Распоряжения Всесоюзного объединения «Торгсин» // ЦГАВО Украины. Ф. 4051. Оп. 1. Д. 137. Л. 185.
19. Сергеева С. Голодні 1932—1933 роки у Чернігові // Скарбниця української культури. — Вип. 11. — Чернігів: Вид-во Чернігівського ЦНТЕІ, 2009. — С. 59—68.
20. Телеграфная переписка с Уполнаркомвнешторгом при СНК УССР // ГАЧО. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 27. Л. 110.
21. Толмацкий В. Время Торгсина // Антикварное обозрение. — 2005. — № 3. — С. 66—69.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ 1921—1939 ГГ. В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Крюков Андрей Владимирович

аспирант кафедры истории славян

Прикарпатского национального университета имени В. Стефаника,

г. Ивано-Франковск

E-mail: natalii58@ukr.net

Историография, посвященная развитию сельского хозяйства Польши межвоенного периода, довольно обширна. В исторической литературе предметом научных дискуссий стали различные аспекты изучения аграрных реформ Второй Речи Посполитой. Польская проблематика обозначенной нами темы в русской историографии в своем развитии прошла несколько этапов, ее формирование проходило неравномерно и противоречиво.

Апологетическая направленность русской историографии в межвоенный период, кстати как и во всей советской, наиболее явно прослеживается в исследовании процесса восстановления и становления Польского государства после Первой мировой войны и была обусловлена давлением на авторов идеологического пресса, что и вело к определенной тенденциозности. Существующие публикации не свидетельствуют об их научно-объективном характере. В этих публикациях события межвоенного периода в Польском

государстве освещались в соответствии с официальной позицией партийно-советского руководства.

Примером могут служить исследования Ю. Красного [5], А. Малицкого [8]. В этом контексте отметим также работы А. Романского [18], Я. Радопольского [16], А. Вольского [1] Е. Явленского [19] коллективный труд «Польская деревня во время кризиса» под редакцией С. Влодавского [15].

Историк А. Врублевский в своей работе «Польша» [2], используя богатый фактический материал, отмечает гнет польских помещиков относительно населения Западной Украины и Западной Белоруссии во всех отраслях — экономической, политической, культурной, экономической. Он пишет об отсталости Западной Украины по сравнению с собственно польскими территориями, имея в виду первую очередь отсталость в сельском хозяйстве. «Нигде в Польше, — отмечал исследователь, — нет таких низких урожаев, такой отсталой техники производства, такой бедности, и вместе с тем, нигде нет такой жесткой эксплуатации, как в западноукраинских и западнобелорусских селах» [2, с. 36].

Включение Западной Украины в состав СССР обусловило рост интереса советских граждан к истории этих земель. Уже в 1939 и 1940 гг. увидел свет ряд монографических и коллективных работ, авторы которых в нужном для советского режима идеологическом ключе знакомили читателей с основными вехами исторического прошлого новообъединенных территорий.

Одну из первых публикаций такого плана, посвященную Западной Украине, подготовил Д. Мин [11]. Он рассматривал Польское государство как нежизнеспособное многонациональное творение Антанты, направленное против СССР. По его убеждению, западноукраинские земли в составе Второй Речи Посполитой находились в колониальном положении, и их нещадно эксплуатировали польская буржуазия и помещики. Польско-украинские отношения в крае Д. Мин подавал согласно исключительно упрощенной схеме: польский помещик и осадник нещадно эксплуатируют украинское крестьянство. При этом Д. Мин совсем не вспоминал, что в регионе было и польское крестьянство, имущественное положение большинства которого почти не отличался от украинского [11].

Подобным образом описывал положение западноукраинских и западнобелорусских земель в межвоенной Польше академик В. Пичета [12]. Его книга «Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии» освещает основные черты экономической и социальной жизни Польши. Правда, автор больше

внимания уделил средневековой истории этого региона, особенно отмечая «вековечное» противостояние славянских народов агрессии.

Следует заметить, что послевоенная, как и украинская, польская, так и российская историческая наука подвергалась определенному давлению. К концу 60-х годов прошлого века было обязательным критиковать все действия так называемой буржуазной Польши. Среди таких заангажированных работ можно назвать: «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах» [17], а также книгу «История Польши» под ред. В.Д. Королюка [4].

Одной из самых значимых среди работ русской историографии в контексте нашего исследования является фундаментальная «История Польши в 3-х томах под ред. Зуева Ф.Г.; Манусевича А.Я., Хренова» [3]. Авторы фрагментарно коснулись аграрных преобразований в Польше межвоенного периода, подчеркивая, что аграрный закон от 28 декабря 1925 г. под видом parcelляции и комасации был направлен на некоторое удовлетворение земельных требований кулачества и против крестьянской бедноты и середняцкого крестьянства. Данная работа содержит значительный фактологический материал, который отражает основные параметры социально-экономического развития Польши на разных этапах.

Изменения общественно-политической ситуации в СССР начались в конце 80-х годов прошлого века (так называемая горбачевская перестройка, а затем рождение новой России стали важным фактором научной жизни). Еще в 1989 г. всесоюзное совещание историков-полонистов выдвинуло актуальные задачи изучения истории Польши и отношений двух народов.

В начале 1990-х гг. вышла из печати книга «Краткая история Польши» [14]. События польской истории были изложены в ней с учетом новейших методологических подходов и использованием лучших традиций русской полонистики.

Свой вклад в исследование и разработку вопросов экономической истории Польши сделали и такие российские историки как А. Миллер, А. Кострикин [7]. В их публикациях раскрыты тенденции экономической жизни польского государства и его экономического развития. Особого внимания заслуживает статья С.В. Морозова «Введение элементов государственного планирования в Польшу в 1936—1939 гг.» [12], в которой автор анализирует этапы реформирования польской экономики и значение роли Евгениуша Квятковского в разработке проектов экономического развития государства в межвоенный период и в перспективе. По мнению автора, введение элементов государственного планирования и вмешательства в экономику

государственного инвестирования имело свои положительные последствия для сравнительно слабо развитой экономики молодого Польского государства. В этой статье проводится анализ деятельности Е. Квятковского как экономиста и государственного деятеля, занимавшего высокие посты в разных правительствах Второй Речи Посполитой.

Отдельные вопросы экономического развития, а именно сельского хозяйства в межвоенный период, рассматривает Г.Ф. Матвеев в своем труде «Третий путь. Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период» [10], где основательно рассматриваются вопросы аграрной политики Польши в период восстановления государства и реформирования экономики, ее положительные и отрицательные последствия для хозяйства государства. Несколько лет назад увидела свет новая книга Г. Матвеева «Пилсудский» [9].

Последнее десятилетие XX в. и начало нового века отмечены интенсивной разработкой проблематики разных периодов польской истории, в т. ч. и межвоенного времени. В целом можно констатировать, что взгляд на многие проблемы обозначенного периода российские ученые-историки пересматривают или уточняют, он становится более объемным и обоснованным. Об этом свидетельствуют труды таких ученых, как А. Андреев, А. Погодин, С. Шумов [14].

В то же время в сферу их изучения вводятся новые аспекты исследуемой темы, которые раньше вообще не разрабатывались, находились под запретом, сделаны попытки ликвидировать «белые пятна» в исследовании истории Польши, не обходить ее острые моменты, расширился международный аспект исследования жизни межвоенной Польши. Все это обусловило появление такой относительно новой для российской историографии темы, как Польша и славянский вопрос. Это означает, что польская проблематика и дальше находится в поле зрения ученых России.

Список литературы:

1. Вольский А. Польша / А. Вольский. — М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1929. — 32 с.
2. Врублевский А. «Польша»/А. Врублевский. — М.: Соцэкгиз, 1936. — 212 с.
3. История Польши / Под. Ред. Зуева Ф.Г.; Манусевича А.Я., Хренова И.А. — Т. 3. — М.: Изд-во Академия Наук, 1959. — 667 с.
4. История Польши / Под ред. В.Д. Королюка. — М.: АН СССР, 1954. — 584 с.
5. Красный Ю. Польский фашизм / Юрий Красный. Польский фашизм — М., 1924. — 52 с.

6. Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней / Л. Горизонтов, В. Дьяков, Ф. Зуев, А. Манусевич, И. Пименова, А. Орехов, С. Стецкевич, С. Фалькович, В. Якубским. — М.: Наука, 1993. — 528 с.
7. Кострыкин А., Миллер А. Очерк истории Польши (1918—1945) / А. Кострыкин., А. Миллер // Преподавание истории в школе. — 1992. — № 3—4. — С. 4—11.
8. Малицкий А. Государственный строй Польши / А. Малицкий. — М., 1930. — 147 с.
9. Матвеев Г. Пилсудский: научно-популярная литература / Г. Матвеев. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 473 с.
10. Матвеев Г. «Третий путь?» Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. — М.: МГУ, 1992. — 240 с.
11. Мин Д. Западная Украина / Д. Мин. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1939. — 47 с.
12. Морозов С. Введение элементов государственного планирования в Польше в 1936—1939 гг. // Славяноведение. — 1995. — № 1. — С. 20—28.
13. Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии/В. Пичета. — М.:Соцэкгиз, 1940. — 136 с.
14. Погодин А. История Польши/А. Погодин, С. Шумов, А. Андреев. — М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. — 306 с.
15. Польская деревня во время кризиса / СБР. Влодавский С. и др. — М.: Межд. агр. ин-т, 1935. — 221 с.
16. Радопольский Я. Польша готовится к войне / Я. Радопольский. — М. — Л.: Госполитиздат, 1929. — 112 с.
17. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. — Москва: Наука, 1970. — 362 с.
18. Романский А. Очерки современной Польши / А. Романского. — М.: Прометей, 1926. — 256 с.
19. Явленский Е.Г. Жизнь и борьба рабочих Польши / Е.Г. Явленский. — М.: Профиздат, 1934. — 105 с.

РОССИЙСКАЯ ЦЕНЗУРА I ЧЕТВ. XVIII ВЕКА VS УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА?

Лукашевич Александр Анатольевич

*канд. ист. наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин и документоведения
Кировоградский национальный технический университет,
г. Кировоград*

E-mail: feodosia56@yandex.ua

Редкое исследование истории украинского языка не обращает внимания на «указ Петра I» 1720 года «о запрещении книг печатания на украинском языке». Как правило, в них он характеризуется как один из «определяющих шагов» в процессе вытеснения русским языком украинского на периферию культурной жизни Украины [22, с. 4].

Известный историк права А.И. Яковлев писал, что 6 октября 1720 г. «был издан знаменитый сенатский указ о запрете печатать в Украине новые книги и о сверке украинских старопечатных книг с московскими такого же содержания», таким образом, «совсем запретил печать в Украине нецерковные книги, а церковные книги приказано лишить местных украинских особенностей (слов, ударений и тому подобное), чтобы «особого наречия в оных не было» [27, с. 151].

Такая короткая, но в то же время характерная оценка указа важна для нас потому, что, во-первых, принадлежит исследователю, который его читал и знает, что он выдан был не царем, а Сенатом, а во-вторых, его выводы созвучны общепринятым в украинской литературе.

Содержание документа было известно также историку украинского языка и церкви И. Огиенко, который назвал его «жестким указом» Петра I [24, с. 120—121], ссылаясь при этом, на преамбулу: «Великому государю, его царскому величеству известно учинилось...» и на формулировку резолюции: «Того ради его царское величество указал...» [26, с. 244]. Как объяснил ученый: «Мозолил ему (то есть Петру I — А.Л.) глаза украинский литературный язык» [3, с. 120—121] и «давно уже имел зуб на украинские типографии...» [23, с. 298—299].

Историк украинской церкви И. Власовский появление указа связывал с церковной реформой, направленной на подчинение церкви государственному контролю. В связи с этим, отмечал он, киевской

и черниговской типографиям было запрещено печатать «в дальнейшем новые книги, а только прежние церковные», поскольку «эти предыдущие издания было предварительно выверены с такими же церковными книгами» российскими [19, с. 57]. Как проявление «политического антиукраинского произвола» оценивает указ Н.Д. Бабич [17, с. 6].

Для всех названных авторов сенатский указ 1720 г. стал одним из свидетельств постепенного процесса, начатого еще в XVII веке, ограничения, а в дальнейшем и ликвидации, государственной и церковной автономии Украины. Заметим, что ни один автор не считал необходимым проанализировать политику российского правительства, в отношении Украины, исходя из ситуации сложившейся в I четв. XVIII в. в общественно-политической и церковной жизни самой России.

Представляется, что уже только по этой причине их выводы не могли избежать определенной односторонности. В первую очередь, упрек можно адресовать работе А. Яковлева, для которого русская проблематика логично связана с темой его исследования: «Украинско-московские договоры в XVII—XVIII веков». Однако даже в названии произведения проявилась недооценка значения российской истории для понимания украинской: Россия XVIII в., в отличие от Руси XVII в., не московская, а петербургская, не царская, а имперская. А. Яковлев обращает внимание на то, что Петр I называл Украину «даже не Малой Россией», а «Малороссийским краем» [27, с. 151], сам же исследователь достаточно редко обращается к исторически достоверному названию российского государства.

Приведя типичные оценки сенатского указа от 5 октября 1720 г., предлагаем здесь нашу интерпретацию документа.

Указ — казусная по своему происхождению, административная по правовому характеру, реакция российского правительства на издание и обращение на книжном рынке украинских церковных книг. Он был издан в рамках политики учреждения централизованной духовной цензуры.

Причиной появления указа стало издание ставропигийскими типографиями (то есть теми, что непосредственно подчинялись московскому патриарху) Киево-Печерского и Свято-Троицкого монастырями богослужебных книг, содержавшие «многая лютерская противность», или напечатанных «по желанию раскольническому», что «несогласно с великороссийскими печатями». Кроме того, на титульном листе киевского месяцеслова отмечалось, что он «якобы напечатан ставропигиею Вселенского Константинопольского патриарха», хоть к тому времени Лавра ему уже не подчинялась. Очевидно, издатели не желали обращаться к московскому патриарху за разрешением печатать

книги, но в то же время, вынуждены были считаться с возможными сомнениями у читателей относительно правомерности использования такой литературы во время церковной службы. Возвращение к архаичной форме титульного листа было нарушением установленного порядка удостоверения светской и духовной властью соответствия содержания перевода книги каноническим образцам. Практика требовала печатать на нем повеление царя на издание книги и благословение московского патриарха. Именно поэтому в сенатском указе было сказано, что царь *«указал именоваться Киевскому и Черниговскому монастырям, во всех книгах, ставропигиею всероссийских патриархов, а не константинопольских»*. Напомним, что Киево-Печерская лавра вышла из-под юрисдикции Константинопольского патриархата в 1684 г. С этого времени архимандритов утверждал московский патриарх, а с 1685 г. вся Киевская митрополия перешла под управление Московской патриархии. В 1688 г. ставропигийские права получила Черниговская епархия. Что же касается последующей издательской деятельности типографий, то им предписывалось *«книг никаких, кроме церковных, прежних изданий, не печатать»*. Причем перед их опубликованием требовалось сверить их текст с такими же *«великороссийскими»*, чтобы *«никакой розни и особого наречия во оных не было»*. Такой порядок был установлен для *«церковных старых книг»*. *«А других никаких книг, ни прежних, ни новых изданий, не объявля об оных в Духовной коллегии, и не взяв от оной позволения, в тех монастырях не печатать»* — таким образом, типографии лишались права свободы печати, все их издания подлежали цензуре Духовной коллегии. Цель указа заключалась в том, чтобы *«не могло в таких книгах никакой в церкви восточной противности и с великороссийской печатью несогласия произойти»*. Как видим, беспокойство о сохранении истинности веры тесно связывалось с языковой формой ее выражения.

После общей характеристики указа попробуем конкретизировать выводы.

Прежде всего, отметим, что опубликование документа в «Полном собрании законов Российской империи» еще не значит, что он имел силу закона. Возникновение этого явления предопределено несколькими причинами, в том числе — отсутствием в русском праве четкой границы между законом и административным распоряжением высшей власти. Поэтому издателям «Полного собрания...» не всегда удавалось выяснить, что перед ними: закон или подзаконный нормативный акт. Распоряжение от закона отличалось тем, что предмет регуляции первого — особенный, частный случай,

второго — определение общего правила, по которому стоит следовать во всех подобных случаях [11, с. 83—84]. Распоряжения носили временный характер, исходили от верховной власти непосредственно, или же посредством государственных институтов управления, ею же основанных. Законы вступали в силу непосредственно по воле государя, независимо от формы ее выражения. Однако на практике отличия между ними не делали, если административное распоряжение выходило непосредственно от верховной власти. По своему юридическому значению они считались равнозначными [23, с. 3—6].

В Российской империи I четв. XVIII в. законы издавались в форме уставов, регламентов и сепаратных указов (именных указов и их разновидностей). Исследуемый указ был выдан Сенатом, как видно из текста, по распоряжению царя. Этим документ уподобляется к одной из разновидностей именных указов — *«именной указ обьявленный из Сената»*. Однако не имея в своем распоряжении дополнительных сведений, будем пользоваться тем наименованием источника — «сенатский указ», — которое ему дали издатели «Полного собрания...».

В рассматриваемый период Сенат возглавлял иерархию государственных учреждений России. В литературе нет единого мнения о его функциях, нормативно определенной компетенции и объеме реальных полномочий в тот период. Историк права А.Н. Филиппов считал, что Сенат — центральное судебное-военно-финансовое учреждение, которое осуществляло верховный надзор за государственным управлением в названных отраслях [12, с. 68]. Его компетенция законодательно не была исчерпывающе определена, были лишь установлены приоритеты в определенных сферах деятельности. Сенат выполнял указы и распоряжения Петра I, нормотворческая же деятельность не выходила за пределы издания управленческих (исполнительных) подзаконных нормативно-правовых актов. Представляя собой высший орган общей компетенции, он, в период подготовки церковной реформы, был задействован для решения текущих дел церкви.

Очевидно, что описанный в указе случай не был определяющей причиной, а только актуализировал намерения царя регламентировать издание церковной литературы. И дело не только в том, что государство пересматривало свое отношение к церкви. Важной вехой в отношениях светской и духовной власти стало венчание московского князя Ивана IV на царство в 1547 г., что окончательно утвердило на Руси государственно-правовой взгляд на царя, как на правопреемника византийских императоров, которые традиционно считались

защитниками и заступниками вселенского православия [15, с. 234]. Поэтому российские самодержцы как «христианские государи» не отстранялись от участия в решении важных церковных дел, защищали церковь от ереси и расколов. Поддержка православия была необходимым шагом, поскольку оно выполняло функции государственной идеологии и владело значительным потенциалом социальной консолидации и мобилизации. Однако способность религии принуждать людей переходить к политическим действиям может сделать его источником конфликтов. Конфликтогенность свойственна любому поликонфессиональному обществу, к которым относилось и российское. Она растет, если происходит раскол внутри самой конфессии. Исторический опыт свидетельствует, что амбивалентность религии позволяет использовать ее различным политическим силам [8, с. 8]. Следовательно, государство, стремящееся обеспечить политическую стабильность в обществе, не должно игнорировать церковные проблемы. Такой подход означает неизбежность пересечения религиозных и политических интересов. И здесь многое зависит от того, какие взаимоотношения сложились между государством и церковью. Со свержением патриарха Никона в 1667 г. равновесие между ними нарушилось в пользу государства. А ликвидация патриаршества и введение синодальной формы правления с 1721 г. окончательно покорило церковное руководство светской верховной власти. Власть сделала укрепление авторитета церкви, религиозного догматизма, обрядности, одной из главных своих обязанностей, зафиксировав ее законодательно.

В Соборном Уложении 1649 г., не утратившего своего правового значения к I четв. XVIII в., говорилось: царская власть берет под свою защиту христианское (православное) вероисповедание. В светском кодексе права первая глава посвящена именно преступлениям против церкви, тем самым подчеркивалась их первостепенная значимость для правительства. Одновременно ст. 1 (гл. I) узаконила право государства вмешиваться в судебные дела церкви [13, с. 19]. Ограничение компетенции церкви, прежде всего, в общегражданских делах, осуществленное в XVII в., стало еще более решительным, начиная с первой четверти XVIII в.

В Духовном регламенте в 1721 г. Петр I свою цель в области церковных преобразований сформулировал таким образом: будучи церкви «*благочиния блюститель*», он намеревался заняться «*исправлением чина духовного*» [2, с. 540], что предусматривало, вместе с другими мероприятиями, унификацию православного церковного обряда, богослужебных книг.

В связи с этим духовным и светским чинам приказывалось разыскивать *«вновь сложенные и слагаемые акафисты и иные службы и молебны, которые наипаче в наша времена в Малой России сложены суть не малое число, суть ли оная сложения писанию священному согласные и не имеют ли нечто в себе слову Божию противные, или хотя нечто непристойное и празднословное»* [2, с. 547].

«Исправление чина церковного» означало законодательное оформление духовной цензуры, борьбу с католицизмом, протестантизмом, ересью, расколом. Для священнослужителей отступление от официального вероучения, неподчинения церкви, были самыми тяжелыми преступлениями. Светская власть учитывала, прежде всего, политическое содержание и последствия той или другой ереси, не забывая при этом интересы государственной религии. Так, в I четв. XVIII в. политика правительства, относительно раскольников не была однозначной, часто она руководствовалась прагматичными интересами. Вместе с тем, к ним проявлялось отношение как к фанатичным апологетам древности, которые не принимали реформу, а значит, были бунтарями. Особенно жестокие наказания предусматривались за *«сворачивание»* к расколу, то есть за склонение к старообрядческому вероучению. Запрещались общественные раскольнические богослужения, сокрытие раскольнических книг *«под опасением жестокой казни»* [1, с. 347; 14, с. 97].

Категорически запрещалась пропаганда иноверия среди православных. Пытаясь беречь официальную религию от конкуренции других вероисповеданий, правительство запретило ввоз в страну богословских книг, которые печатались на русском языке за рубежом, и переводить иностранные богословские произведения на русский язык без разрешения Синода [10, с. 406—411]. К сказанному стоит прибавить, что в I четв. XVIII века в среде русской церковной иерархии усиливалась вражда относительно духовных лиц, выходцев из Украины, занимавших большинство архиерейских кафедр. Их воспринимали как еретиков, ненавистных “латин” (католиков). Отсюда предвзято-критическое отношение и к церковной литературе, которая печаталась в Украине. Так, патриарх Иоаким запретил украинским типографиям выпускать книги без его предварительного *«досмотрения и благословления»*, он возмущался публикацией *«Четьи-Минеи»* Дмитрия Туптало, поскольку она *«приложисте некая словеса церкви... необычная»* [5, с. 307; 6, с. 3].

Борясь против инакомыслия, которое терзало российское общество, особенно после реформ патриарха Никона, «регулярное» государство Петра I принимало самые разнообразные меры против

нерегламентированных и не контролируемых официальной церковью религиозных инициатив. Среди них и те, которые определялись сенатским указом 1720 г. Но поскольку, они были вызваны фактами украинской религиозной жизни, то теперь стоит рассмотреть, как складывались отношения между украинской и российской церковью относительно вопроса издания и распространения православной литературы, перевода ее на церковнославянский язык.

Отстаивая тезис о преимуществе русского православия, русская церковь выражала подозрение, а иногда и враждебное отношение к другим православным церквям — украинской, греческой — как к таким, которые заражены «латинством». Еще в 20-тых годах XVII века книги «литовской печати», то есть изданные в Украине и в Беларуси, было запрещено читать и хранить, поскольку они заключали в себе «латинские ереси» [16, с. 301]. Ситуация особенно заострилась после присоединения Украины к России, когда обнаружили обрядовые расхождения в богослужении украинской и российской церквей.

Здесь необходимо заметить, что в религиозном народном сознании и даже сознании самих церковных служителей, важное место занимала обрядовая сторона религии. В ней, а также в религиозных текстах выражаются сущность и содержание вероучения, потому ритуал и религиозное понимание неразрывно связаны между собой. С помощью «обрядов или текста, в какой он (*моральный момент* — А.Л.) спрятался от человеческого забвения, мы в меру желания воспроизводим его и в меру своего морального восприятия переживаем его действие» [4, с. 270]. Соответственно, для воссоздания, освоения и распространения христианского вероучения, требовалось придерживаться однотипного ведения обрядов, с использованием унифицированной богослужебной литературы. Для соблюдения данных условий был необходим авторитетный контроль и арбитр. В православной церкви такую функцию осуществлял Вселенский собор. Но после падения Византии на Руси утвердилась мысль, что именно российская церковь — единственный хранитель истинного православия. Местное религиозное сознание — поместное, стала мерилom христианской истины, вытеснив сознание вселенское. В итоге оказалось, что русская церковь уже не могла допустить проверки своих верований, обрядов, заимствований со стороны. Оставалось только хранить то, что уже было воспринятым, а мерилom христианской истины стала «национальная церковная древность». Она признавалась неприкосновенной святыней, нормой. (В то же время, об Украине XVII в. У российских церковников сложилось мнение: *там «была чуть*

ли не все униаты — редкии оставшася во православии») [4, с. 291, 294]. Подобный консерватизм сдерживал развитие богословской мысли, мешал ей приспособиться к новым явлениям общественной жизни, воспринимать западноевропейскую культуру. Это, в свою очередь, обусловило усиление церковного индифферентизма, критики религиозных догм и культа, роста скептицизма относительно официальной религиозной обрядности, раскол церкви, проникновения идей католицизма и протестантизма. Как следствие, актуальным стало укрепление авторитета церкви, причем не только насильственными средствами, но и путем идейного влияния, через книги.

В XVII в. книгопечатание в России находилось под контролем государства и церкви. Весь процесс, начиная от выбора книги для публикации и к выходу ее в свет, подчинялся цензуре.

В 40 годы XVII в. на Печатном дворе в Москве развернулась интенсивная работа по исправлению и уточнению текстов печатных книг. Задание корректоров заключалось в отслеживании чистоты языка, правильном конструировании предложений, точном соблюдении грамматических форм.

В начале 50-х годов ситуация изменилась: как только возникал вопрос о необходимости исправления книг по содержанию, а не только по стилю и языку, духовенство брало исправление под свой контроль. В 1653 г. Печатный двор перешел под управление патриарха.

Со времени подчинения украинской православной церкви российской, внимание московского патриарха привлекает издательская деятельность Киево-Печерской лавры, которая началась в нач. XVII в. Лавра получила разрешение от константинопольского патриарха иметь свою типографию и свободу печатать нужные ей книги. Это право было подтверждено царским указом 1685 года: *«печатание книг невозбранно имети повелеваем...»* [25, с. 227]. Лаврские книги расходились далеко за пределы Украины, охотно раскупались в России. Но вскоре ей было приказано обращаться за разрешением на издание очередной книги к московскому патриарху. Однако требование не выполнялось. В 1692 г. в лаврской типографии была напечатанная «Литургия», на титульном листе которой не были напечатаны имена ни царя, ни патриарха, а только архимандрита [25, с. 229]. На что московский патриарх Адриан 8 ноября 1692 г. написал архимандриту Киево-Печерской лавры Мелетию Вояховичу: *«А тако бы не подобало творити... Точию за твоим велением книги издаются... Еще же предь сего к вам в монастырь — чтобы без ведома каковых церковных книги не печатано — писано...»* [25, с. 229]. В ответ 17 декабря 1692 года архимандрит

отметил: «...если для разрешения всякой книжицы» обращаться к патриарху, то «препятствие будет строению» и «безхлебни будем». Достаток «братии и служебником пища и одежда, и всякое строение монастырское, то все от печатанья книг» [25, с. 230].

Приняв во внимание такие «будничные» аргументы, патриарх в феврале 1693 г. принял решение: «*Не возбраняется же вам в типографии вашей Киево-Печерской обычных книг в чине церковном печатати, еже бы было в пользу, аще и по тоя страны наречию. А которые имате печатати большие книги... на таковыя книги и благословение от нас принимати и присылати к нам должно, да в известии имеем, ради общего согласия без всякого усумления и прикословия*». Далее в своем письме к Лавре он писал: «*И аще которые книги явятся у вас имут и всякие церковные здешним наречием (то есть российским — А.Л.) и чином нынешних переводов, и те без всякого извета взымати будут от вас ценою везде, и возити к Москве будет невозбранно, аще вашим тамо наречием (то есть украинским — АЛ.) и прежних переводов речинями издавати имате, таковыя в тамошние страны отпуцайте, а к Москве их не присылайте, повеления же великих государей царей наших и нашего благословения в них не полагайте*». (В марте 1697 г. московский патриарх Адриан позволил печатать книги в типографии Черниговского Свято-Троицкого монастыря) [23, с. 230—231; 19, с. 56].

Итак, московский патриарх допускал возможность компромисса. Понимая, что «*по-московскому, то не обыкоша си людие (то есть украинцы — А.Л.) тако читати и не имуть куповати*» (из письма архимандрита Ясинского — московскому патриарху, в 1689 г.) [25, с. 229], он позволил Лавре печатать церковные книги, но при условии, что не вся книжная продукция будет продаваться в России. Для российского рынка предлагалось издавать книги с новым переводом, сверенные с русскими образцами. Для украинского же — сверенные со старыми богослужебными книгами, причем допускалось использование украинской лексики. Чтобы мало — сведующие в православной догматике прихожане и местное духовенство не ошиблись, а книги, предназначенные для Украины, не оказались в России, на их титульных листах запрещалось печатать благословение патриарха и разрешение царя. Обратим внимание, что в документах II пол. XVII в. термин «наречие» употреблялся как для обозначения русского, так и украинского языков («Белорусское письмо» — так обозначали украинский язык в российской официальной документации II пол. XVII в.) [27, с. 115—116], поэтому не имел униженного значения.

Можно предположить, что Петр I и Сенат не знали о распоряжении патриарха. В противном случае, обвинения в адрес украинских монастырей были бы сформулированы по-другому. Например, указание на то, что книги, напечатанные «ставропигией вселенского константинопольского патриарха» можно было бы объяснить таким образом, что в Киево-Печерской типографии была переиздана литература времен подчинения украинской православной церкви константинопольскому патриархату. Именно такие книги можно было продавать в Украине. С другой стороны, в письме московского патриарха ничего не сказано о том, как оформлять титульный лист таких книг. Но, как бы то ни было, привилегированный статус типографии в I четв. XVIII в. стал противоречить петровской церковной политике. Предоставленная свобода печати Киево-Печерской и Черниговской типографиям (пусть даже ограниченная) способствовала пониманию богослужебной богословской литературы украинским населением. Но в то же время, как это можно понять, читая сенатский указ, открывались возможности для проникновения в Россию изданной в Украине, как раскольнической литературы, так и содержавшей лютеранские идеи. Объективно такая литература могла быть использована в религиозных и социальных конфликтах в российском государстве.

С 1700 г., после смерти патриарха Адриана, до 1720 г., местоблюстителем патриаршего престола был украинец, митрополит Стефан Яворский. Он не принимал никаких мер относительно ограничения прав украинской церкви, а позже началась церковная реформа.

История установления контроля над украинскими типографиями стала еще одним свидетельством того, что российская традиция регламентации печати развивалась в условиях борьбы с ересями, расколом, что формировало представление об издательской деятельности как возбудителе социальных конфликтов. Это обусловило развитие законодательства о печати в рамках административно-полицейских предписаний, в защиту государственных интересов и за счет общественных [9, с. 160—173]. Если к началу XVIII в. регламентация издания и обращение книг осуществляла церковь, поскольку литература носила религиозно-церковное содержание, то с 1720 г., с изменениями приоритетов регуляции издания церковной литературы, становится централизованной. Вводилась предварительная цензура Духовной коллегии, закрепленная на публично-правовом уровне «Духовным регламентом» 1721 г., с задачей идейно-духовного воспитания подданных, защиты ценностей православия.

Кратко рассмотрим вопрос о переводе богослужбных книг.

Единственным языком православных церквей того времени (болгарской, сербской, русской, украинской, белорусской), который использовался в богослужении, был церковнославянский. Он не совпадал с ни одним из живых славянских языков. Область его применения была ограничена только богослужением. Литургический характер языка, как известно, обеспечивает ему стойкость во времени [6, с. 182].

История обращения русского православия к Священному письму неизменно совмещала в себе две тенденции: попытку полно и достоверно воспроизвести оригинал священных книг и стремление сделать их понятными для русского человека. Поэтому переводческая работа над текстом Библии всегда была неотъемлемой частью церковной жизни, которая находилась в постоянном поиске.

В богослужебной практике Московской Руси утвердился тип церковнославянского языка Острожской Библии (напечатанной в 1581 г. в городе Остроге). Такой язык синтезировал латинскую переводную традицию с исправлениями, которые были сделаны на основе греческого текста [3, с. 4—5]. В XVIII в. славянская Библия была возвращена в первоначальное русло греческой традиции. К началу XIX века, в следствии развития русского языка, церковнославянская Библия перестала быть общепонятной. Если в предыдущие века для сохранения ее доступности для народа было достаточно частичных обновлений ее лексики, то в XIX в. со всей остротой появился вопрос о новом полном переводе Библии.

Проблема адаптации языка Святого Письма к народному была важной и на Украине. Хотя она не стояла так остро, как например, у верующих Западной Европы. Историк украинской литературы М. Возняк, характеризуя переводы Библии XVI в., писал: *«Чистого украинского языка не имеем ни в одном тогдашнем переводе Святого Письма. Язык большинства переводов — это конгломерат разных языковых элементов: церковнославянских, украинских, белорусских, польских, ...»* [18, с. 243]. В целом, украинская письменность XVI—XVIII в. представляла собой смесь *«уж слишком неловкого жаргона, где неорганически сливались вместе»* элементы церковнославянского, польского, и других языков.

Как видим, требования Петра I, чтобы в церковных книгах *«никакой розни и особого наречия в оных не было»*, — не лишены оснований, ведь книги Киево-Печерской типографии распространялись по всей России. К тому же не все верующие россияне *«умеют честь книги, и от книжных не многие могут вся собрать от писания*

яже суть нужнейшая про спасению»[21, с. 36]. Итак, изучение сенатского указа 1720 г. позволяет заключить, что это административное предписание не имело антиукраинского содержания, а преследовало цель установить предварительную духовную цензуру, централизованный порядок контроля над выпуском богослужебной и богословской литературы.

Список литературы:

1. Анисимов Е. Время петровских реформ. — Л., 1989. — С. 347.
2. Духовный регламент. 4 февраля 1721 г. // Законодательство Петра I. — М., 1997. — С. 540.
3. Бирукова Е.Н. и И.Н. Бируков Предисловие // Псалтырь. Новый перевод. — Литературная учеба. — 1994. — № 1 — С. 4—5.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. // Ключевский В.О. Сочинения. — М., 1988. — Т. 3. — С. 270.
5. Краснобаев Б.И., Черная Л.А. Книжное дело // Очерки русской культуры XVIII века. — МГУ., 1987. — Ч. 2. — С. 307.
6. Курс церковнославянского языка // Литературная учеба. — 1991. — № 1. — С. 182.
7. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). — СПб., 1899. — С. 3—6.
8. Малашенко А. Религия — дело не частное // Независимая газета. — 16.03.2001. — С. 8.
9. Омельченко О.А. Закон и печать в дооктябрьской России (Историческая традиция правового регулирования) // Советское государство и право. — 1991. — № 3. — С. 160—173.
10. Протестантизм в России // Христианство. Энциклопедический словарь. — М., 1995. — Т. 2. — С. 406—411.
11. Руководство к познанию законов. Сочинение графа Сперанского. — СПб, 1845. — С. 83—84.
12. Сизиков М.И. Сенат // Законодательство Петра I. — М., 1997. — С. 68.
13. Соборное Уложение 1649 г. — Л., 1987. — С. 19.
14. Тем не менее, старообрядцам витковско-стародубских слобод удалось собрать значительное количество печатных и рукописных богослужебных книг. — Поздеева И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период) // История СССР. — 1988. — № 1. — С. 97.
15. Цыпин В.А. Церковное право. — М., 1996. — С. 234.
16. Шульгин В.С. Религия и церковь // Очерки русской культуры XVII века. — МГУ., 1979. — С. 301.

17. Бабич Н.Д. Історія української літературної мови. — Львів., 1993. — С. 6.
18. Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви. — К., 1998. — Т. I. — С. 243.
19. Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви. — К., 1998. — Т. III. — С. 57.
20. Влияние протестантизма на духовную жизнь украинской церковной элиты отмечалось еще в XVI веке.— *См.*: Потульницький В. Інтелектуальні впливи заходу на українське духовне життя української еліти в XVI—XVIII ст. // Київська старовина. — 2001. — № 2. — С. 3.
21. Кримський А. Українська мова, звідкіля вона взялася і як розвивалася // Історія української мови: Хрестоматія / Упорядники С.Я. Єрмоленко, А.К. Мойсієнко. — К., 1996. — С. 36.
22. Лучик В. Ретроспективний і перспективний погляд на статус української мови як державної // Наукові записки. — Випуск 30. — Серія: Філологічні науки (мовознавство). — Кіровоград: РВЦ КДПУ ім. Винниченка, 2000. — С. 4.
23. Огієнко І. Історія українського друкарства. — К., 1994. — С. 298—299.
24. Огієнко І. Історія української літературної мови. — К., 1995. — С. 120—121.
25. Огієнко І.І. Українська церква. — Київ, 1993. — Т. 1—2. — С. 227.
26. Сенатский указ. 5 октября 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи — I (далее — ПСЗ-I). — Т. VI. — № 3653. — С. 244.
27. Яковлів А. Українсько-московські договори в XVII—XVIII віках // Український історичний журнал. — 1995. — № 2. — С. 151.

ДЕПОРТАЦИЯ ПОДДАННЫХ ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ ИЗ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рындин Сергей Николаевич

*аспирант исторического факультета
Белорусского государственного университета,
г. Минск*

E-mail: serzh-ryndin@vandex.by

В период Первой мировой войны проживавшие в России подданные Германии и Австро-Венгрии стали рассматриваться правящим режимом и обществом как неблагонадежный элемент. В виду того что Россия находилась в состоянии войны с Германией и Австро-Венгрией подданные данных государств считались потенциальными шпионами и резервом для армий противника. По этой причине выезд из России подданных Германии и Австро-Венгрии призывного возраста (от 18 до 45 лет) был строжайше запрещен. Из прифронтовых западных губерний в центральные и восточные «неприятельские» подданные принудительно выселялись властями. Первоочередному удалению от линии фронта подлежали военнообязанные германцы и австрийцы, чтобы предотвратить их вступление в ряды германской и австро-венгерской армий в случае оккупации противником приграничных губерний. Также, с точки зрения властей Российской империи, это была мера по очищению тыла действующей армии от наиболее вероятных шпионов, диверсантов и провокаторов. Позже аналогичные мероприятия проводились и в отношении подданных Турции и Болгарии.

Некоторые подданные Германии и Австро-Венгрии освобождались от выселения. Так, 29 июля 1914 г. полоцкий уездный исправник ходатайствовал перед витебским губернатором о разрешении остаться в Полоцком уезде германскому подданному Карлу-Вильгельму-Роберту Людвигу Белитцу. Исправник просил принять во внимание 60-летний возраст, продолжительное 46-летнее проживание в России, а также тот факт, что в 1900 г. Белитц за свою службу управляющим имением Троецк в Корсунском уезде Симбирской губернии был удостоен Высочайшей благодарности. Будучи лютеранского вероисповедания, состоял в браке с православной Марией Матвеевой, российской подданной. Дети от этого брака живут в России. Сам Белитц родственников за границей не имел, в рядах

вооруженных сил Германии не служил [1, с. 57об-58]. Ходатайство исправника было удовлетворено [1, с. 59].

Аналогичное прошение в конце июля 1914 г. поступило от витебского полицмейстера, который просил оставить в г. Витебске 86-летнего несудимого германского подданного слесаря Фридриха Почелиса, евангелически-лютеранского происхождения, безотлучно проживавшего в Витебске с 1880 г. Вместе с тем, полицмейстер сообщал, что внук Почелиса Гуго Ленгенфельд, также подданный Германии, задержан в качестве военнопленного [1, с. 66—66об].

Однако над всеми подданными воюющих с Россией государств, не подлежащими выселению, устанавливалось постоянное наблюдение со стороны местной полиции.

Губернаторы в отношении германских и австро-венгерских подданных руководствовались специальными правилами, предписанными военными властями. В циркуляре исполняющего дела начальника Штаба Двинского военного округа на театре военных действий № 16823/102 от 16 августа 1914 г. местным гражданским властям разъяснялось, что все австрийские и германские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, физически и психически здоровые, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту и высылке. Все остальные представители воюющих с Россией государств, находящиеся вне всякого подозрения, могут оставаться на своих местах и пользоваться покровительством российских законов [2, с. 2—2об].

С 1 по 15 сентября 1914 г. на театре действий Северо-Западного фронта были задержаны 425 военнообязанных германских подданных нижних чинов [6, с. 2].

На практике имели место случаи выселения независимо от пола, возраста, отношения к воинской повинности, политической благонадежности. 7 февраля 1915 г. жена австрийского подданного Анна Шмидт, жительница г. Вильно, подала прошение на имя Товарища Министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов: «В сентябре 1914 г. мой муж Иван Францевич Шмидт 54 лет от роду со старшим сыном Иваном 22 лет, и с двумя малолетними детьми: девочкой 14 лет и мальчиком 12 лет, были высланы как австрийские подданные, на жительство в г. Вологду. Я, как тяжело больная, принуждена была остаться в г. Вильне и не могла следовать за своим мужем и детьми, разлука с мужем и детьми только ухудшает мою болезнь и тяжело отражается на малолетних детях — как сиротах. Всепокорнейше прошу Ваше Превосходительство разрешить моему мужу со старшим сыном и малолетними детьми

возвратиться на жительство в г. Вильно» [5, с. 134—134об].
Ходатайство Анны Шмидт не было удовлетворено [5, с. 139].

Пытаясь избежать репрессивных мер военного времени, подданные Германии и Австро-Венгрии пробовали перейти в российское подданство. В фондах Национального исторического архива Беларуси сохранились соответствующие ходатайства частных лиц, заполненные ими анкеты, переписка властей и их резолюции. Некоторые из просителей апеллировали к своей славянской национальности, отсутствию связей с заграницей.

Проживавший в имении Дудичи Речицкого уезда австрийский подданный Антон Иванович Свобода возбудил ходатайство о принятии в подданство России. О себе он сообщал следующие сведения: по национальности чех, родился в России в 1882 г., получил домашнее образование, за границу никогда не выезжал и связь с кем-либо в Австро-Венгрии не поддерживает, воинскую повинность не отбывал, по вероисповеданию римско-католик, но в обиходе использует белорусский язык, по-русски читать и говорить умеет, с местными условиями жизни полностью свыкся. Относительно своего имущественного положения уведомил, что является чернорабочим. Служит в имении и получает жалование, что позволяет ему обеспечивать семью. Под судом и следствием не состоял, в предосудительных поступках замечен не был. Семья просителя, кроме него самого, включала жену Елену 28 лет, сыновей Владислава 6 лет, Феликса 4 лет, Артура 2 лет. Никто из членов семьи Свободы не состоял в подданстве России [3, с. 10—10об].

Ходатайство Свободы решением минского губернского правления было отклонено 3 мая 1915 г. [3, с. 16—16об] Еще в январе 1915 г. речицкий уездный исправник в своем рапорте минскому губернскому правлению представил веские основания для отклонения ходатайства. Он отметил, что проситель не имеет имущества и в случае потери трудоспособности станет обузой для того общества, к которому он будет приписан как подданный России. Более того, исправник не располагал документами, подтверждавшими чешскую национальность Свободы и его политическую благонадежность [3, с. 9—9об].

7 мая 1915 г. минский полицмейстер отправил начальнику сысского отделения и приставам города Минска копии телеграммы МВД № 2365 от 5 марта 1915 г. относительно льгот, установленных для военнообязанных славян — подданных воюющих с Россией стран. Им разрешалось повсеместное жительство в империи за исключением местностей, включенных в театр военных действий и объявленных на военном положении [4, с. 208—208об].

В октябре-декабре 1915 г. начальники жандармских управлений неоккупированных Витебской, Минской и Могилевской губерний сообщали в МВД о завершении планового перемещения в отдаленные регионы России военнообязанных подданных Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Таким образом, к концу 1915 г. губернские власти выполнили свою задачу по частичному выселению подданных воюющих с Россией государств на восток. На основании прошений частных лиц местные власти могли принять во внимание смягчающие обстоятельства и освобождать от депортации. Среди германских и австро-венгерских подданных были представители славянских народов, что вынуждало российские власти изыскивать пути смягчения репрессивной политики: в частности, принимать льготы для неприятельских подданных из военнообязанных славян.

После окончания Первой мировой войны все депортированные подданные Германии и Австро-Венгрии, а также российские подданные немецкого происхождения (немецкие колонисты), подвергшиеся депортации в 1915 г., получили разрешение вернуться на прежние места жительства. Но в 1930-е гг. из-за обострения отношений с нацистской Германией проживавшие в приграничных западных республиках СССР немцы стали вновь выселяться, причем без права на возвращение. В 1970-е гг. выдворенные в Сибирь и Казахстан немцы начали возвращаться в БССР.

Список литературы:

1. Дело о иностранных подданных коим разрешено остаться в России // НИАБ (Нац. ист. арх. Беларуси). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 53820.
2. Дело о направлении руководства о военнопленных в распоряжение Витебского военного начальника // НИАБ. Ф. 2687. Оп. 1. Д. 250.
3. Дело по прошению австрийского подданного Антона Иванова Свобода о принятии в подданство России // НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 15801.
4. Обязательные постановления и объявления начальника Минского военного округа, Минского губернатора, циркуляры Департамента полиции и минского губернатора // НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 65.
5. Переписки о германских, австро-венгерских и турецких подданных // Гос. архив Росс. Федерации (ГАРФ). Ф. 270. Оп. 1. Д. 97.
6. Сведение о числе забранных военно-обязанных германских и австрийских и военнопленных, взятых на полях сражений армиями С.-З. фронта на 15 сентября 1914 г. // Росс. гос. военно-ист. архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 543.

4.2. КНИГОВЕДЕНИЕ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

ВИРТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ КЛУБ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Соколова Ирина Сергеевна

*доцент, канд. филол. наук, Московский государственный
университет печати имени Ивана Федорова,*

г. Москва

E-mail: irso@yandex.ru

Традиционные библиотеки сегодня многое делают для популяризации естественных наук, являющихся основанием развития и совершенствования в рамках технических, технологических, сельскохозяйственных, медицинских, экологических направлений жизнедеятельности человека и общества. Это и выставки изданий, и подготовка и выпуск библиографических указателей соответствующей тематики, и формирование баз данных. Однако в последние годы появляются также многочисленные альтернативные формы популяризации естествознания, в числе которых виртуальные книжные клубы, объединяющие пользователей Интернета из самых разных регионов вокруг постоянно пополняющегося массива изданий по естественным наукам. Ядром такого массива обычно становятся издания научно-популярного типа. По сути своей, содержательно они вторичны по отношению к изданиям собственно научным, ибо в естествознании правила научной этики запрещают распространение нового знания сразу среди широкой аудитории, в том числе и «непосвященных». «Современный ученый, который публикует свои результаты в газете или обсуждает их в публичном интервью, прежде чем они были представлены на рассмотрение редакционной коллегии специализированного журнала или достаточно авторитетных групп, обвиняется во всех смертных грехах, которые делают его изгоем в научном сообществе на достаточно длительное время», — констатирует П. Фейерабенд [8, с. 332—333]. Книжная популяризация естественных наук — одна из самых «отстающих» от непосредственно производства нового знания форм. Вместе с тем она придает

популяризации качество системности передачи знания, обеспечивает целостность его предъявления.

Для современных библиотекovedения и библиотечной практики, как отмечает, в частности, С.И. Головкин, принципиально важен «учет все нарастающей тенденции существования книги в виде сетевого электронного продукта, а не только в традиционной форме печатного издания» и «понимание эволюции практики чтения под влиянием новых носителей информации и развития Интернета» [3, с. 5]. И общности субъектов деятельности библиотеки, и общности субъектов функционирования виртуального книжного клуба, с нашей точки зрения, могут быть определены как «информационные общества» в узкосоциологическом смысле. *«Информационное общество* — это любительские субкультурные объединения и профессиональные социальные группы, занятые производством, совершенствованием, эксплуатацией информационной техники и предоставлением всем членам общества информационных услуг», — пишет А.В. Соколов [7, с. 349].

Виртуальный книжный клуб в основе своей имеет электронную библиотеку, создание которой наталкивается сегодня на сложности юридического характера, вызываемые действием четвертой части Гражданского кодекса РФ. Издания в библиотеке бывают подчас представлены не целиком, а лишь отдельными избранными главами. Например, подобный подход применяется на посвященном естествознанию научно-популярном сайте elementy.ru, в рамках которого сейчас охвачено 138 изданий 105 авторов 45 издательств. У читателя есть возможность познакомиться с фрагментом, а затем принять решение о чтении всего издания. На выбор при этом может влиять и знакомство с рецензиями, подготовленными профессионалами и опубликованными в средствах массовой информации, а также написанными обычными читателями, которые захотели поделиться собственными впечатлениями и высказать свое пусть и субъективное мнение.

Для популяризации естественнонаучного знания и естественных наук очень важно привлечь внимание потенциального читателя, сделать так, чтобы возможный читатель стал реальным. Существует относительно узкий и довольно устойчивый круг читателей научно-популярных изданий естественнонаучной тематики. Как правило, это люди со сложившимися читательскими предпочтениями, их выбор научно-популярных изданий по естественным наукам вполне осознанный и целенаправленный. Человека, пока не входящего в этот круг, сложно приобщить к чтению научно-популярных изданий

по естествознанию. И здесь размещение наиболее интересных отрывков из изданий, информативных аннотаций, содержательных и неформально составленных рецензий может сыграть решающую роль, стимулируя и развивая интерес к чтению подобных изданий. Так поступают, в частности, создатели уже упоминавшегося сайта elementy.ru. Свободный обмен мнениями, возможный в среде Интернета, в современных условиях оказывается весьма действенным в этом отношении, так как сегодня именно неформальные отзывы ценятся более всего. Человек больше доверяет такого рода сведениям по сравнению с «официальными», содержащими, как он полагает, возможно, скрытую или же невольную рекламу.

Книжная культура все в большей мере начинает заявлять о себе как культура развлечения и потребления. «Смысл развлечения состоит именно в том, чтобы не искать и не находить повода для ответа для коммуникацией на коммуникацию», — подчеркнул Н. Луман [4, с. 92]. «Развлечение функционирует, как ранее миф, — человек не нуждается в особой процедуре подключения к коммуникации», — фактически поясняет ту же мысль Н. Больц [1, с. 75]. Но чтение, понимание научно-популярных произведений немислимо без «подключения к коммуникации», притом к коммуникации естественнонаучной, с ее особенностями «другой культуры», во многом незнакомой представителям культуры гуманитарной. Если говорить о потреблении, то стоит вспомнить высказываемые мнения о том, что культура потребления в целом во многом сформировалась под воздействием книгопечатания. Так, П. Романов указывает: «Потребительская культура относится к тем новым формам социальности, которые сложились не без влияния печати и чтения. Исследователи отмечают тесную взаимосвязь между чтением и потреблением, включая возникновение коммерческого дизайна, разнообразие методов распространения продукции, процесс профессионализации в области печати, а также отношения между издателями и миром коммерции» [5, с. 238]. Но «потребление» научно-популярных произведений мыслимо только тогда, когда осознана потребность в научных знаниях. Издания по естественным наукам, даже научно-популярные, непросто вписать в культуру развлечения и потребления. Однако без понимания и учета реалий сегодняшнего дня, когда развлечение и потребление охватывают многие социальные слои, крайне сложно популяризировать естествознание достаточно широко, не ограничиваясь кругом заведомых приверженцев. По-видимому, имеет смысл говорить о потребности формировать своего рода моду на чтение научно-популярных изданий по естествознанию. Отчасти такая мода

уже заявила о себе, но пока она распространяется на астрономические темы, в чем немалая заслуга такого популяризатора науки, как Стивен Хокинг. Наслаждение от символического потребления [2] — вот то, на чем может быть основана концепция популяризации естественных наук, становящейся модой. Важно учитывать и необходимость информирования о существовании конкретного виртуального книжного клуба его потенциальных участников, читателей. Здесь часто возникает ситуация «замкнутого круга» — в печатных научно-популярных изданиях естественнонаучной тематики даются ссылки на соответствующие сайты, скажем, уже упомянутый elementy.ru; ясно, что человек, не открывший такое издание, не увидит и ссылку. В связи с этим, вероятно, целесообразно продумать разработку и иных схем информирования — например, размещение сообщений в газетах, рассчитанных на досуговое чтение, где, как правило, приводятся материалы о различных культурных мероприятиях (выставках, лекциях, экспозициях музеев и т. д., в том числе научно-технической направленности). Хотя, как утверждает И.С. Семенов, «нехудожественная литература (интеллектуальная) пользуется неизменным читательским спросом» [6, с. 455], издания понятийной литературы нуждаются в особом продвижении к читателю. Применительно к научно-популярным изданиям естественнонаучной тематики подобное продвижение должно базироваться на анализе закономерностей и тенденций, характеризующих их восприятие. И в этом плане виртуальный книжный клуб может служить удобной площадкой для проведения исследований, направленных на выявление таких закономерностей и тенденций, поскольку высказываемые участниками клуба точки зрения — ценный эмпирический материал, ждущий теоретического освоения в книговедческом, социологическом, психологическом, культурологическом и иных аспектах.

Список литературы:

1. Больц Н. Азбука медиа: пер. с нем. — М.: Европа, 2011. — 136 с. — (Политучеба).
2. Бородовская М.А. Потребительский гедонизм и экспансия знаков в культуре эпохи постмодерна // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2012. — № 5. — С. 37—40.
3. Головки С.И. Креатив-технологии в библиотечной сфере: моногр. — М.: Пашков дом, 2012. — 168 с. — (От традиции — к инновации).
4. Луман Н. Реальность массмедиа: пер. с нем. — М.: Праксис, 2005. — 256 с. — (Образ общества).

5. Романов П. Книжные магазины в городском пространстве // Визуальная антропология: городские карты памяти. — М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. — С. 235—258. — (Библиотека Журнала исследований социальной политики).
6. Семенов И.С. Россия XX — начала XXI века: Культура и общество. — М.: Просвещение, 2011. — 496 с.
7. Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. — СПб.: Алетейя, 2012. — 352 с.
8. Фейерабенд П. Прощай, разум: пер. с англ. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 480 с. — (Philosophy).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

22 апреля 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 29.04.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3